

В.А. Сомов

**ПОТОМУ ЧТО
БЫЛА ВОЙНА...**

Внеэкономические факторы
трудовой мотивации
в годы Великой Отечественной войны
(1941-1945)

НИЖНИЙ НОВГОРОД 2008

УДК 930
ББК 63
С 61

Рецензенты:

Полтораки С.П., д-р ист. наук, профессор, действительный член РАН, гл. редактор журнала «Клио»;

Парамонов В.Н., д-р ист. наук, профессор, зав. каф. истории Отечества Самарского гос. ун-та;

Киличенков А.А., канд. ист. наук, доцент каф. истории России новейшего времени Российского гос. гуманитарного ун-та.

Сомов В.А.

С 61

Потому что была война...: Внеэкономические факторы трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны (1941-1945): Моногр./ В.А. Сомов. — Н.Новгород: Изд-во Волго-Вятской академии государственной службы, 2008. — 234 с.

ISBN 978-5-85152-691-6

Монография представляет собой научное исследование, отражающее новые подходы в изучении истории Великой Отечественной войны. В ней рассматриваются различные стороны мотивации деятельности тружеников тыла в период 1941—1945 гг.

Книга представляет интерес для специалистов-историков, аспирантов, студентов и всех, изучающих историю России советского периода

УДК 930
ББК 63

ISBN 978-5-85152-691-6

© Сомов В.А., 2008

Введение

Хотя мы и были дети, но спрос был как со взрослых, потому что была война, и оставались в деревнях старики и мы - дети.

*Из письма Галины Андреевны Алехиничевой -
труженицы тыла*

Проблема поиска эффективных моделей управления производством в условиях функционирования современного общества - не столько следствие закономерного «отмирания» старых методов, сколько результат преждевременного отказа от исторического опыта. Сегодня, когда «важнейшим фактором удовлетворенности (неудовлетворенности) выступает оплата труда»¹, одной из наиболее актуальных проблем становится выяснение комплексной зависимости мотивации труда от иных (в том числе) факторов². Особенно важным является выяснение сущности и характера де-мотивирующих факторов трудовой деятельности³. В этом смысле изучение мотивации труда остается одним из актуальных направлений в экономических, социологических и психологических исследованиях⁴.

Необходимость обращения к историческому опыту для решения практических задач, а также развитие новых тенденций в исторической науке, связанных с отходом от преимущественного внимания к материальным факторам исторического процесса, делают актуальным историческое исследование внеэкономических факторов трудовой мотивации.

Учитывая, что основным видом общественно-полезной деятельности человека в годы Великой Отечественной войны был труд, в качестве объекта исследования мы выбрали *трудовое поведение населения тылового региона*. Трудовая деятельность рассматривается нами как деятельность, направленная на достижение производственных задач, поставленных государством с целью победы в войне. Трудовое повеление — более широкое понятие. Это выраженное действием или

¹ Гоксанбаева М.С. Социальные интересы работников и использование трудового потенциала. М., 2006. С. 232.

² «Пока в системе стимулирования трудовой активности сохраняется перекос в пользу методов «кнута», связанных с внешним давлением напряженного рынка труда и внутрифирменным использованием репрессивных стимулов. Вместе с тем следует признать, что проблема смены стратегических приоритетов выходит за рамки конкретных предприятий. Для ее решения необходимы не только внутрифирменные усилия, но и внешние предпосылки, связанные с общим поворотом от либерального государства к социальному» // Там же. С 245-246.

³ Андреева Г., Юртайкин Е. Почему опадают яблоки или Внутренняя демотивация персонала // Режим доступа: <http://www.kpd.ua/articles/article.php?id=156>

⁴ Попова И.М., Бессокирная Г.П. Изменилась ли мотивация труда рабочих в 1990-е годы? Методология и методы изучения, результаты и перспективы исследований // Мир России. 2005. №4. С. 105—137. См. также: ecsocman.edu.ru/illi/msn/281196.html

бездействием отношение человека к труду¹ и его результатам. То есть любые действия индивида, находящиеся в прямом, или косвенном отношении к процессу труда, его целям и задачам, условиям, результату: трудовая активность, перевыполнение трудовых норм, отказ от работы, трудовые конфликты, соблюдение трудовой дисциплины, одобрение и неодобрение условий труда и др.

Под трудящимся населением тылового региона нами подразумеваются рабочие и колхозники, жители города и деревни, занятые в промышленном и сельскохозяйственном производстве. Необходимо учитывать, что политика индустриализации и мобилизации в промышленность привела к тому, что значительную часть городского населения составляли сельские жители. В 1942 г. доля сельских жителей среди мобилизованных на постоянную работу в город составляла 22,9%, в 1943 г. - 59%, в 1944 г. - 61,7%².

Автор солидарен с точкой зрения А.И. Зеличенко и А.Г. Шмелева, которые писали: «Под "мотивационными факторами" мы понимаем весь комплекс обстоятельств, связанных с деятельностью человека в профессиональной сфере... Поле "мотивационных факторов" значительно шире поля "актуальных мотивов", так как одни и те же объективные обстоятельства могут иметь совершенно различный личностный смысл...»³.

Человек воспринимает информацию извне, соотносит ее со своими потребностями и совершает поведенческий акт. В широком смысле слова, мотивационные факторы, это факторы информационного воздействия на человека окружающей среды. Применительно к трудовому поведению мотивационными факторами можно считать ту историческую реальность, которая окружала человека в процессе труда и обуславливала его отношение к труду и его результатам. Другими словами, мотивационные факторы — это та среда, которая оказывала влияние на формирование мотивов — побудителей деятельности, определяющих трудовое поведение.

В тяжелых условиях войны заинтересованность трудящихся в

¹ «В труде существенна не только техника труда, но и отношение человека к труду. Именно в нем обычно заключены основные мотивы трудовой деятельности человека» // *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 1999. С.474.

² *Сенявский С.Л., Тельпуховский В.В.* Рабочий класс в СССР (1938-1965 гг.). М., 1971. С. 102.

³ *Зеличенко А.И., Шмелев А.Г.* К вопросу классификации мотивационных факторов трудовой деятельности и профессионального выбора // *Вестник МГУ Сер. 14 Психология.* 1987. № 4. С. 34.

материальной *выгоде* как мотивация труда не имела решающего значения. Государство просто физически не могло обеспечить материальных запросов сельскохозяйственных и промышленных рабочих. Заработная плата была стимулом к труду лишь настолько, насколько она могла обеспечить материальное благополучие трудящегося. Как показывают документы, зарплата и трудовни практически не справились с этой задачей. Но в то же время не стоит считать пусть небольшую заработную плату и начисления на трудовни малопривлекательным стимулом для труда. В условиях войны даже такая оплата была долгожданной и необходимой.

Отталкиваясь от вышеизложенного, в качестве **предмета** исследования мы выделяем *внеэкономические факторы трудовой мотивации*, не связанные с прямым материальным стимулированием или материальными условиями труда. В работе мы говорим о *мотивирующих и де-мотивирующих факторах*, оказывавших влияние на трудовое поведение. Эти категории основываются на признании существования трудовой и нетрудовой деятельности¹, а также антинаправленности, анти-мотивов и анти-деятельности². Данные дефиниции позволяют нам подразделять трудовое поведение на *конструктивное*, т.е. направленное на достижение общей цели - победы в войне, и *деструктивное* — по принципу «от обратного». В соответствии с этим факторы, формировавшие мотивацию поведения, также можно подразделить на *мотивирующие* и *де-мотивирующие*.

Хронологические рамки определены особым периодом развития советского государства — Великой Отечественной войной (1941—1945 гг.). В некоторых аспектах (например, законодательная, идеоло-

¹ «Человеческая деятельность может быть либо трудовой, либо нетрудовой. Трудовая деятельность - это труд человека в том смысле, который придавал ему К. Маркс {Маркс К. Капитал. Т. I. С. 51}. Следовательно, трудовая деятельность, или труд, есть разновидность деятельности применительно к социальной форме движения материи. Логическим отрицанием трудовой деятельности является *нетрудовая деятельность*. Это непроизводительная человеческая деятельность, которая не является общественно полезным трудом и, следовательно, не производит стоимости»// Суходольский В.Г. Основы психологической теории деятельности. Л., 1988. С. 16.

² «*Антинаправленность* — это отталкивание, установка действовать противоположным чему-либо образом. Примерами антинаправленностей могут служить эгоцентризм, частнособственнические устремления, нонконформизм, и т.п. психологические феномены. *Антимотив* — это принцип избегания, либо обобщенный запрет. *Антидеятельность* — это «деятельность наоборот». Сутью антидеятельности является разрушение или создание препятствий, делающих невозможной деятельность»// Суходольский В.Г. Указ соч. С. 103.

гическая база трудового поведения, характеристика специфики поколения) автор счел возможным расширить хронологические рамки вглубь до 20-30-х гг., чтобы проследить генезис формирования данных аспектов, актуализация которых падает уже на период 1941—1945 гг.

При обосновании **территориальных** рамок исследования, автор считает правомерным применение «оптимального соотношения микро- и макро-подходов», о котором пишут Н.М. Арсентьев и А.М. Дубодел¹. Если для изучения макроэкономических характеристик исторической эпохи необходимым условием является расширение территориальных рамок, то социально-психологическое историческое исследование может быть основано на источниках локального происхождения. При этом особую ценность для их репрезентации приобретает не столько «ширина», сколько «глубина» исторического «среза».

Учитывая специфику объекта и предмета исследования, в работе применено сочетание масштабов их изучения. При рассмотрении законодательства, идеологии, радиопередач, плакатов, моральных ценностей, культивировавшихся государством, можно говорить об общегосударственном масштабе территориальных рамок. Поведенческие реакции населения на внеэкономические мотивационные факторы рассмотрены на примере *Волго-Вятского региона* в рамках 1941—1945 гг

Цель исследования: проанализировать характер и степень влияния внеэкономических факторов на формирование мотивации трудового поведения рабочих и колхозников прифронтового региона в годы Великой Отечественной войны.

Задачи исследования:

- проанализировать состояние научной разработанности проблемы;
- осуществить поиск источников, позволяющих решить поставленные задачи и провести источниковедческий анализ;
- проанализировать законодательство СССР в части борьбы за трудовую дисциплину и характер его психологического воздействия на трудящихся;
- выяснить сущность системы политического контроля, взаимосвязь общественно-политического и трудового поведения;
- изучить влияние государственного информационно-идеологического воздействия на формирование мотивационной сферы на примере радиопередач и политического плаката;

¹ *Арсентьев Н.М., Дубодел А.М.* Во славу России. Трудовая мотивация и образ отечественного предпринимателя конца XVIII-начала XX вв. М., 2002. С 21.

- определить место и роль слухов и информации религиозного содержания в мотивационной сфере трудящихся;
- выяснить мотивирующую составляющую фронтовых писем;
- проанализировать фактор эмоции-шока, вызванного бомбежками, и его воздействие на мотивацию труда;
- определить характер воздействия на трудовую мотивацию фактора внешней угрозы;
- дать характеристику морально-нравственным составляющим духовного облика трудящихся (чувство долга и коллективной ответственности);
- выяснить характер восприятия трудящимися образа И.В. Сталина и его влияние на мотивацию труда.

Методологическая основа исследования — диалектико-материалистическое понимание исторического процесса. Это, прежде всего, относится к принципиальному определению отношения субъективного и объективного в деятельности человека как диалектически обусловленного взаимодействия.

Советская наука долгое время развивалась, основываясь на утверждении В.И. Ленина о детерминированности сознания бытием¹. В то же время, В.И. Ленин не давал жестких определений относительно степени соотношения объективного и субъективного. Он писал: «Различие субъективного от объективного есть, но и оно имеет свои границы»². Кроме того, стоит обратить внимание на особо отмеченные им слова Г. Гегеля: «Превратно рассматривать субъективность и объективность как некую прочную и абстрактную противоположность. Обе вполне диалектичны...»³.

Одним из первых на объективные свойства психических процессов, на взаимообусловленность бытия и сознания обратил внимание С.Л. Рубинштейн. Выводы выдающегося советского психолога на-

¹ «Это и есть материализм: материя, действуя на наши органы чувств, производит ощущение. Ощущение зависит от мозга, нервов, сетчатки и т.д., т.е. от определенным образом организованной материи. Существование материи не зависит от ощущения. Материя есть первичное. Ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них» (Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм// ПСС. Т.18. С. 50, 131).

² Ленин В.И. ПСС. Т. 29. С. 90.

³ Ленин отметил это выражение знаком NB (В.С.). См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 29. С. 166.

столько важны для определения методологических подходов к изучению обозначенной нами проблемы, что обширная цитата из его работы не должна показаться здесь излишней. Определяя смысл взаимной детерминации объективного и субъективного в поведении человека, он писал: «Посредством психического в форме знания о бытии, о мире поведение людей детерминируется не только наличным, но и сейчас отсутствующим — не только ближайшим окружением, но и событиями, совершающимися в самых удаленных от нас уголках мира, не только настоящим и прошлым, но и будущим.

Когда мы, познавая закономерности развития природы и общественной жизни, получаем возможность предвидеть дальнейший ход событий, мы вводим будущее в детерминацию нашего поведения. Всякий вообще акт познания мира есть вместе с тем и введение в действие новых детерминант нашего поведения. <...>

В силу этого предметы и явления внешнего мира выступают не только как объекты познания, но и как двигатели поведения, как его побудители, порождающие в человеке определенные побуждения к действию — мотивы. Таким образом, *психическое играет реальную, действительную роль в детерминации деятельности людей, их поведении и вместе с тем оно не является фактором, действующим обособленно от бытия.*

Сказанным намечаются некоторые общие философские предпосылки, обуславливающие возможность признания реальной действительной роли психического (курсив мой — В.С.)»¹.

Другими словами, сознание человека не только *отражает* реальность, но и обладает способностью определенным образом *формировать* ее². Применительно к нашей работе эти положения позволяют диалектически проанализировать влияние информационно-идеологического воздействия, эмоционального восприятия действительности на трудовое поведение человека.

Общенаучные методы, используемые в работе, - *анализ и синтез*. Это необходимые диалектические методы познания, позволяю-

¹ *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957. С. 243—244.

² С.Л. Рубинштейн писал: «Всякий психический факт — это и *кусочек действительности и отражение действительности* — не либо одно, либо другое, а и одно и другое; именно в том и заключается своеобразие психического, что оно является и реальной стороной бытия и его отражением — *единством реального и идеального*». И далее: «Таким образом, единство сознания и деятельности или поведения основываются на единстве сознания и действительности или бытия, объективное содержание которого опосредует сознание, на единстве субъекта и объекта»//*Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб., 1999. С. 10—11, 24.

шие мысленно «расщепить» социально-историческую реальность на «составляющие» для получения промежуточного знания о каждой из них в отдельности. Следующий этап - синтезирование нового знания на основе промежуточных данных. В нашей работе сочетание этих методов позволяет в рамках заявленной хронологии «вычленивать» из структуры исторического бытия внеэкономические факторы трудовой мотивации, дать оценку каждому из них, а затем охарактеризовать их взаимодействие и эффективность.

Специально-научные методы исследования, примененные в работе, соответствуют классификации И.Д. Ковальченко¹. *Историко-генетический* метод применялся при последовательном раскрытии и описании свойств, функционирования и изменений в системе трудовой мотивации. *Историко-сравнительный* метод — при сопоставлении конкретных фактов, отражающих качественные характеристики предмета исследования. *Историко-типологический* метод применялся для определения совокупности факторов, оказывавших мотивирующее либо де-мотивирующее влияние на трудовое поведение.

Применение *историко-системного* метода проявилось, прежде всего, в рассмотрении факторов, влиявших на трудовое поведение в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Как отмечал А.И. Уемов, «история науки изобилует примерами установления связей между, казалось бы, совершенно не связанными друг с другом явлениями»² <...> Универсальный характер связей, т.е. связь каждого явления с любым другим есть логическое следствие признания того, что не существует абсолютно изолированных явлений»³.

Структура человеческого поведения связана с потребностями, действиями по удовлетворению этих потребностей, оценкой практического результата действия и степенью субъективной удовлетворенности⁴. В этом смысле поведение так же является системным процессом, при изучении которого необходимо учитывать взаимообусловленность его компонентов. Это означает, что рассматриваемые в работе факторы трудовой мотивации так же оказывали взаимное влияние друг на друга, усиливая или ослабляя мотивацию.

Данное исследование выполнено в соответствии с *принципами историзма и научной объективности*.

¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

² Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М., 1978. С. 10.

³ Там же. С. 16.

⁴ Руткевич М.Н. Общество как система. СПб, 2001. С. 217.

Принцип историзма¹ и научной объективности² заключается, прежде всего, в попытке не оправдать, а объяснить прошлое, понять его из него самого (т.е. сквозь систему ценностей исторической эпохи, которую так же необходимо реконструировать, восстановить). Проблема объективности исторического познания — одна из ключевых в данной области. С.Л. Рубинштейн писал по поводу проблемы объективизации знания, полученного в процессе познавательной деятельности: «Основной путь к преодолению субъективизма — не в отрицании, а в правильном понимании субъективного как формы проявления объективного»³.

Марксистская советская методология решала эту проблему, используя категорию социально-классовой рефлексии⁴ субъекта познания - историка. О саморефлексии как необходимом качестве историка неоднократно писал А.Я. Гуревич⁵. Современные исследователи так же все чаще обращаются к методу саморефлексии⁶.

¹ «Таким образом, обращение к психологии позволяет, на наш взгляд, избежать все еще встречающихся в исторической науке ошибок в оценке и интерпретации поступков и действий, сущность которых объясняется общественным разделением труда и проявляется в том, что мысли кажутся производными от других мыслей и развивающимися из них, а не из субъективно окрашенного отражения действительности. В этом плане и принцип историзма в истории предстает не только как оценка исторического факта в соответствии с уровнем общественного развития, но и с точки зрения психологических субъективных детерминант этого факта» // *Белявский И.Г., Пронштейн А.П.* Некоторые психологические аспекты отражения действительности в исторических источниках // *Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия общественных наук.* 1974. №1. С. 14.

² «Объективность исторического познания - это адекватное соответствие интерпретации объективному значению, содержащемуся в исторических фактах» // *Могильницкий В.Б.* Введение в методологию истории. М., 1989. С. 105.

³ *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957. С. 64.

⁴ Рефлексия — принцип человеческого мышления, направляющий его на осмысление и осознание собственных форм и предпосылок; предметное рассмотрение самого знания, критический анализ его содержания и методов познания как форма познания рефлексия есть не только критический, но и эвристический принцип: она выступает как источник нового знания. Рефлексия полагает в качестве своего предмета свое знание о нем // *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983. С. 579.

⁵ *Гуревич А.Я.* Историк у верстака. Интервью // режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=20&article=939>

⁶ *Маловичко С.И., Булыгина Т.А.* Современная историческая наука и изучение локальной истории (вступительная статья) // *Новая локальная история.* Вып. 1. Новая локальная история: методы, источники, стилистика и провинциальная историография: Материалы первой Всероссийской научной Интернет-конференции. Ставрополь, 23 мая 2003 г. Ставрополь, 2003. С. 12-13

Системный анализ изучения мотивов человеческого поведения предполагает применение полидисциплинарного подхода¹. Междисциплинарность вообще является характерной чертой исследований, связанных с изучением исторических ментальностей². Основатель ленинградской психологической школы Б.Г. Ананьев (1907-1972) уделял большое внимание изучению человека как феномена исторического процесса. Он считал, что для более адекватного понимания этого феномена необходимо применение комплексного междисциплинарного подхода к его изучению³. Касаясь вопроса изучения природы труда, Б.Г. Ананьев отмечал: «подход к человеку как субъекту труда требует разностороннего исследования морально-психологической стороны трудовой деятельности человека в конкретных условиях социалистического производства»⁴.

Ценность данного утверждения несомненна, оно позволяет историку оправданно заимствовать психологическую методiku изучения феномена человека трудящегося и приходиться к новым, непосредственно историческим выводам. Кроме этого, взаимопроникновение исторических и психологических методов и приемов исследования проявляется в применении в исторической психологии «различного сочетания генетического и структурного методов»⁵.

Сторонниками идеи о возможности «заимствования» историками методов и достижений психологии, были И.Г. Белявский и А.П. Пронштейн. В 1974 г. они писали: «Обращение историков к психологии обусловлено характером деятельности людей; конкретное поведение каждого индивида зависит от его субъективной направленности и от самостоятельного выбора форм деятельности. Опираясь на данные психологии, можно более точно понять особенности поведения каждого члена общества и степень его социальной обусловленности»⁶.

Применение методов и результатов исследования психологии в

¹ Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология// Вопросы философии. 1988. №1. С. 69.

² Зубкова Е.Ю., Курьянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода (вместо введения) / Российская ментальность: методы и проблемы изучения / Мировосприятие и самосознание русского общества. Вып. 3. М.: ИРИ РАН, 1999//режим доступа: <http://www.auditorium.ru/books/744/wed.pdf>

³ Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. СПб., 2001. С. 11.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 205.

⁶ Белявский И.Г., Пронштейн А.П. Некоторые психологические аспекты отражения действительности в исторических источниках// Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Серия общественных наук. 1974. №1. С. 14.

историческом исследовании не должно быть «автоматическим» и бездумным. На опасность непропорционального применения методов психологии указывал В.А. Шкуратов. Как считает ученый, залогом успеха при этом является «высокая исследовательская культура и полное понимание каждой стороной собственных задач и функций»¹. На наш взгляд, именно саморефлексия — одно из главных условий «высокой исследовательской культуры» исследователя.

Одной из «психологических моделей», используемых в работе, стала теория иерархии потребностей А. Маслоу². В частности, для лучшего понимания воздействия трудового законодательства, системы политического контроля и чрезвычайных факторов на поведение человека в работе использовалось положение А. Маслоу о потребности в безопасности³.

В определении сущности категории *образа* важные замечания были сделаны С.Д. Смирновым.⁴ Специфика образа, по мнению ученого, заключается в том, что он есть «элемент образа мира, и сущность его не в нем самом, а в том месте, в той функции, которую он выполняет в целостном отражении реальности»⁵. Это принципиальное замечание использовано в работе в качестве основы характеристики влияния на мотивацию поведения таких образов исторической реальности как образ врага, образ И.В. Сталина, позитивный и негативный образ трудящегося и т.д.

Познавательную ценность в проведении исследования представляют также выводы, сделанные Ц.П. Короленко, относительно деятельности человека в экстремальных условиях⁶. Автором сделаны замечания, которые могут быть применимы при реконструкции динамической реакции человека на экстремальные ситуации, вызванные войной, например, на бомбежки.

¹ Шкуратов В.Л. Историческая психология на перекрестках человекостранания // Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 113-114.

² Маслоу Абрахам Г. Мотивация и личность / Пер. с англ. СПб., 1999.

³ «Потребность в безопасности (в стабильности, в зависимости, в защите, в свободе от страха, тревоги и хаоса, потребность в структуре, порядке, законе) редко выступает как активная сила, она доминирует только в ситуациях критических, экстремальных, побуждая организм мобилизовать все силы для борьбы с угрозой. Крипическими или экстремальными ситуациями мы называем войны, болезни, стихийные бедствия»// Маслоу Абрахам Г. Указ соч. С. 81, 85.

⁴ Смирнов С.Д. Психология образа: проблема активности психического отражения. М., 1985. С. 9.

⁵ Там же. С. 144.

⁶ Короленко Ц.П. Психофизиология человека в экстремальных условиях. Л., 1978

Принцип зависимости трудовой деятельности от прогноза результатов труда рассматриваются в соответствии с психологической «теорией ожидания» американского ученого Виктора Врума¹. Суть ее применительно к изучению мотивации труда заключается в том, что «ожидание понимается как предвосхищение того, что выполнение некоторого действия приведет к определенным последствиям. Ожидание... представляет собой субъективную вероятность наступления определенных последствий»². В соответствии с этим мы подходим к рассмотрению мотивационных факторов трудового поведения с точки зрения прогноза трудящимися вероятности позитивного результата деятельности. Если конечной целью конструктивного трудового поведения считать победу в войне, то степень уверенности в ее окончательном достижении на разных этапах существенно влияла на внутреннюю мотивацию труда.

Достижение конечной цели и промежуточных успехов детерминирует эмоциональное отношение трудящегося к процессу труда, что, в свою очередь, выступает в качестве мотивационного фактора³. Взаимобусловленность эмоций и деятельности⁴ позволяет нам анализировать влияние на трудовую деятельность положительных и отрицательных эмоций, связанных с теми или иными факторами исторической реальности⁵.

Эмоциональное восприятие человеком реальности должно непосредственно учитываться при анализе проявлений религиозности и их влияния на мотивацию труда. Согласно материалистической концепции, разработанной советскими психологами и философами, «по своим общим психологическим характеристикам переживание человеком бога мало отличается от переживания восприятия произведе-

¹ Vroom V.H. Work and motivation. N.Y., 1964.

² Магомед-Эминов М.Ш., Васильев И.А. Анализ когнитивного подхода в зарубежных теориях мотивации // Вопросы психологии. 1986. №5. С. 162.

³ О.А. Конопкин замечает по этому поводу: «Выдвинутое С.Л. Рубинштейном положение о внутренней эмоциональной регуляции деятельности базируется на признании органической включенности эмоций в «ткань» потребности, на раскрытии единства и взаимопроникновения эмоционального и мотивационного»/ Конопкин О.А. Участие эмоций в осознанной регуляции целенаправленной деятельности человека// Вопросы психологии. 2006. №3 С. 39. Со ссылкой на: Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание М., 1957.

⁴ «Эмоции не только обуславливают деятельность, но и сами обуславливаются ею»// Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб., 2001. С. 559.

⁵ «Мотивационный потенциал «потребностно-переживания» цели обеспечивает всей деятельности тот эмоционально-нолевой тонус, который необходим для преодоления равного рода трудностей»// Конопкин О.А. Указ. соч. С. 40.

ний искусства, героического поступка исторической личности и т.д. Психологическая и физиологическая основа любого переживания, каков бы ни был его предмет, одинакова»¹. В соответствии с этим положением мы рассматриваем религиозные переживания и основанную на них информацию как один из факторов мотивации труда.

Определенные заимствования терминологического и познавательного характера были сделаны из когнитивной психологии².

Первые проявления активного интереса к историко-психологическим исследованиям в отечественной историографии относятся к 60-м гг. XX в. Связано это было, прежде всего, с выходом книги Бориса Федоровича Поршнева «Социальная психология и история»³. Изучение общественной психологии развивалось в этот период в рамках марксистской методологической концепции, которая предполагала обоснование мыслительного процесса материальными факторами. В 1960–1970-е гг. в отечественной исторической науке только определялись подходы и методы разработки этих проблем⁴.

Серьезное влияние на повышение внимания к проблемам изучения ментальности в 60—80-е гг. XX в. оказали работы А.Я. Гуревича. Следуя в русле концепции французской школы «Анналов», он продолжил разработку теоретико-методологических аспектов историко-психологических исследований⁵.

Существенный вклад в теоретическое осмысление и практическое применение историко-психологических методов внесла Е.С. Сеньявская. К разработке проблем военно-исторической антропологии она приступила с конца 80-х гг., «когда историки вообще не интересовались «человеческим измерением войны», а психологи разрабатывали в основном узко прикладные, психолого-инженерные и утилитарно-воспитательные

¹ Букин В.Р., Букина И. Н. О природе религиозного чувства // Вопросы философии. 1962. № 12. С. 101.

² Солсо Р.Л. Когнитивная психология / Пер. с англ. М., 1996.

³ Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966.

⁴ Парыгин Б.Д. Общественное настроение. М., 1966; Уледов А.К. О философской методологии и конкретных методах социально-психологического исследования (на материалах изучения общественного мнения) // Методологические вопросы общественных наук: Сб. статей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. С. 58—85; Розовская И.И. Методологические проблемы социально-исторической психологии (На примере французской исторической школы «Анналов»): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972; Никольская А.А. Обсуждение методологических проблем историко-психологических исследований // Вопросы психологии. 1973. №4.

⁵ Гуревич А.Я. Жак Ле Гофф и «новая историческая наука» во Франции // Ле Гофф Ж. Цивилизации средневекового Запада / Пер. с фр. М., 1992. С. 355.

проблемы»¹. В ее трудах творчески анализируются и применяются методы школы «Анналов». Наиболее разработанными представляются ее рассуждения о психологических факторах формирования духовного облика поколения, о познавательной ценности источников субъективного характера. Е.С. Сеньявская первой в отечественной историографии применила метод историко-психологического реконструирования (переживания) при изучении проблем Великой Отечественной войны².

Метод *историко-психологической реконструкции* применяется также и в данной работе. Сущность данного метода, как отмечает, например, А.Д. Барская, «состоит в понимании психики людей прошлого как целостного структурно организованного единства, *подчиняющегося общепсихологическим закономерностям, и использовании для исследовательских целей психологических моделей* (курсив мой - В.С.)»³.

Одним из самых действенных приемов историко-психологической реконструкции является метод «вживания» в объект исследования. Реконструируя повседневную реальность, которая окружала трудящегося индивида, исследователь должен учитывать ее основные компоненты: материальные, политико-правовые и духовные. Только после этого можно попытаться определить, как индивид *воспринимал* эту реальность и как он *реагировал* на нее.

Безусловно, такой метод имеет свои недостатки, связанные прежде всего с высокой степенью возможности подмены вымыслом научного знания. Даже непризнание метода «вживания» не освобождает историков от его неосознанного применения. Пожалуй, лишь историки техники, да исследователи *результатов* труда в значительной степени застрахованы от подобного использования дискуссионного метода. Те же, кто, так или иначе, исследует моральную сторону исторической реальности, дают оценку ее идеологическим составляющим, не обходятся без его применения.

Анализируя историческую эпоху (и в первую очередь это касается относительно недавней истории Великой Отечественной войны,

¹ Сеньявская Е.С. Военная антропология как новая научная дисциплина, перспективы развития и значение для обороноспособности России// Вестник Академии военных наук. 2004. №3(8). С 39.

² Сеньявская Е.С. 1941-1945 гг. Фронтвое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Ее же*. Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997; *Ее же*. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999 и др.

³ Барская А.Д. Возможности метода психолого-исторической реконструкции при воссоздании психики человека времен античности// режим доступа: <http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/ei.html>

которую многие историки еще отчетливо помнят, так что им и не приходится «вживаться»), историк сознательно, а скорее неосознанно «замещает» сознание исследуемого индивида или общества своим собственным, переносит на него собственные эмоции, мнения и оценки. Такой исследователь, по сути, ставит себя в конкретно-историческую ситуацию, оценивает исторические события и действия исследуемого объекта как свои собственные. В.А. Шкуратов назвал этот эффект имитацией чужого сознания¹.

Еще раз повторимся, что для минимизации негативного эффекта искажения исторического повествования необходимо четко рефлексировать по поводу своих исследовательских возможностей и возможностей источника².

Таким образом, диалектически осознавая возможности метода «вживания», его несовершенство, видя его недостатки, историк сможет наиболее эффективно «встроить» его в систему собственного исследования, обезопасив себя, таким образом, от соблазна вымысла и обеспечив своим выводам научную значимость. На наш взгляд, использование метода «вчувствования» должно применяться только для решения конкретных задач по принципу *аналогии*. Например, с высокой степенью достоверности можно реконструировать эмоции и мотивы поведения, вызванные у индивида созерцанием плакатов, карикатур. Услышанные или написанные стихи и песни, другие эстетические компоненты человеческой жизни вызывали аналогичные чувства и эмоции. Проекция современного восприятия на сознание исследуемого индивида по принципу аналогии может, на наш взгляд, существенно пополнить наши представления об изучаемой эпохе и способствовать появлению нового научного знания. Именно таким образом метод «вживания», понимания эпохи *в сочетании с другими методами*, может стать вполне приемлемым и действенным.

¹ «Историк так или иначе имитирует чужое сознание, воспроизводя его ходы своим собственным» / Шкуратов В.А. Историческая психология на перекрестках человекознания// Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 111.

² М.М. Бахтин писал: «Существенным (но не единственным) методом эстетического созерцания является вживание в индивидуальный предмет видения, видение его изнутри в его собственном существе. За этим моментом вживания всегда следует момент объективизации, т.е. положением понятой вживанием индивидуальности вне себя, отделение ее от себя, возврат в себя, и только это, возвращенное в себя сознание, со своего места, эстетически оформляет изнутри схваченную вживанием индивидуальность как единую, целостную, качественно своеобразную»/ Бахтин М.М. К философии поступка// Философия и социология науки и техники. Ежегодник. 1984-1985 М., 1986. С. 92.

Сочетание методов индукции¹, историко-психологической реконструкции и локального подхода, попытка понимания и объяснения мотивов деятельности исторического персонажа и массы путем «вживания» в его сущность, на наш взгляд, главный (хоть и не единственный) способ диалектического понимания эпохи «из нее самой»².

Главной проблемой при этом, естественно, становится проблема репрезентации, отражения в источниках отношения к труду со стороны гражданского населения. Безусловно, сам факт беспримерного героического труда, который нашел обоснование в многочисленных научных исследованиях, является прямым доказательством существования позитивного отношения к труду в годы Великой Отечественной войны. Но довольно скрытой стороной формирования трудовой мотивации является та историческая реальность, повседневность, которая отражала *борьбу мотивов*, соотношение конструктивных и деструктивных факторов, влиявших на альтернативу, сознательный выбор видов трудового поведения, свойственный индивиду³. Прямые свидетельства отношения человека к труду смело можно отнести к дефицитной информации, имеющейся в источниках. Даже анализ источников личного происхождения не всегда позволяет в полной мере восстановить структуру формирования мотивации трудового поведения.

Поэтому в рамках историко-психологической реконструкции нами применяется метод изучения *духовного облика* трудящегося по принципу «от обратного». В большинстве секретных докладов и до-

¹ Известный русский философ И.А. Ильин в работе «Академическое несчастье молодых поколений» так определял роль индуктивного метода: «Настоящая наука начинается с индукции, т.е. с непредвзятого свободного наблюдения явлений, природы и людей. Настоящая наука углубляется интуицией, т.е. живым созерцанием, которое, во-первых, вчувствуется в глубину единичного явления, и, во-вторых, пытается верно вообразить и восстановить целое, распавшееся во время исследования на детали. Без интуиции индукция начинает смотреть поверху и упускает главное - тайну индивидуальной жизни// *Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948-1954 годов: В 2 т. Т. 1. М., 1992. С. 51.*

² А.А. Зиновьев писал: «Понимание не есть оправдание. Можно понять, не оправдывая. Оправдание есть явление моральное, понимание — гносеологическое»// *Зиновьев А.А. Сталин — нашей юности полет. Социологическая повесть. М., 2002. С. 10.*

³ Как писал С.Л. Рубинштейн: «Поведение разных людей и даже одного и того же человека во внешне одной и той же ситуации бесконечно многообразно. Механистическая попытка непосредственно связать поведение человека с внешней ситуацией по схеме стимул - реакция безнадежна»// *Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира. М., 1957. С. 243.*

несений фиксировалось ненормальное поведение граждан, приводились примеры антисоциального характера. Нередко информация о таком поведении попадала в компетентные и контролирующие органы по инициативе самих граждан. Это позволяет реконструировать как те черты в поведении, которые осуждались обществом, так и те, которые считались в той ситуации *естественными*, и на них не обращалось исключительного внимания.

В исследовании используются следующие определения и термины:

Кризисную ситуацию в обществе здесь следует рассматривать как противоположность повседневности. Повседневность характеризуется *повторяемостью* явлений и процессов, что составляет основу размеренного, обыденного ритма жизни. Соответственно в сознании человека отношение к повседневности характеризуется *привыканием*.

Потребности, мотив, мотивация деятельности. Можно сказать, что в настоящее время среди психологов нет однозначно устоявшегося мнения по поводу содержания этих понятий. Слово «мотивация», по утверждению Е.П. Ильина, впервые было употреблено А. Шопенгауэром в статье «Четыре принципа достаточной причины». С тех пор мотивация как психическое явление трактовалась по-разному - и как совокупность факторов, поддерживающих и направляющих, т.е. определяющих поведение, и как совокупность мотивов, и как побуждение, вызывающее активность организма¹.

Не ставя задачи определения смыслового и сущностного значения данных терминов, мы сочли возможным опираться в работе на следующие характеристики, данные О.Г. Носковой: «*Потребности* — это состояние нужды человека в чем-то необходимом для его жизнедеятельности, источник активного поведения человека»².

«*Мотив труда* — это субъективный образ предмета потребности, побуждающий человека к трудовой деятельности как к форме активности, реализующей потребность... Побудительная сила мотива определяется его субъективной значимостью, или, другими словами, особым отношением субъекта к потребности и ее предмету в системе других потребностей»³.

«*Мотивация труда* — это процесс побуждения себя и других к деятельности, направленной на достижение определенных результатов»⁴.

¹ Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000. С. 65.

² Носкова О.Г. Психология труда: учеб. пособие. М., 2004. С. 85.

³ Там же. С. 85, 86

⁴ Там же. С. 85.

Глава I

Историография проблемы и характеристика источников

Меня не интересуют законы истории, историческая целесообразность и прочие объективные, не зависящие от воли людей явления. Меня интересуют мотивы поступков людей и их отношение к своим поступкам.

А.А. Зиновьев. Сталин - нашей юности полет

§1. Степень изученности проблемы

Несмотря на большое количество публикаций о работе тыла в период Великой Отечественной войны, проблеме мотивации трудовой деятельности в отечественной историографии уделялось недостаточно внимания. Во многом это объясняется тем, что на протяжении всего существования советского государства в изучении проблем, связанных с трудовой деятельностью, существовала определенная заданность. Героико-патриотический «сюжет» исторических исследований в этой области был в значительной степени обусловлен необходимостью сохранения позитивной исторической памяти, невозможностью сомнения в масштабности народного подвига, а также идеологическим контролем со стороны КПСС.

Для определения периодизации в развитии историографии проблемы организации трудовой деятельности и основных факторов мотивации труда в годы Великой Отечественной войны автор счел возможным воспользоваться критериями, выработанными Е.Л. Храмовой. Согласно ее точке зрения, критериями периодизации могут стать «качественные и количественные изменения, достигнутые в разработке темы, введение в оборот новых комплексов источников и фактов, появление крупных научных трудов и документов, возникновение новых направлений в изучении темы». При этом необходимо учитывать исторические условия, в которых развивалась данная тема¹. Отталкиваясь от этих критериев, представляется возможным говорить о *шести* периодах в развитии историографии данной проблемы:

- 1-й период - 1941-1945 гг.;
- 2-й период - 1945-1956 гг.;
- 3-й период - 1956-1965 гг.;
- 4-й период - 1965-1991 гг.;
- 5-й период - 1991-1995 гг.;
- 6-й период - 1995 - наши дни.

Первый период (1941-1945 гг.) хронологически совпадает с ходом войны. Развитие историографии в этот период полностью отвечало историческим условиям и шло в русле решения общей для всех задачи - достижения Победы. В некотором роде работы этого пе-

¹ Храмова Е.Л. Поволжье в годы Великой Отечественной войны. (1941—1945). Проблемы историографии и источниковедения. Самара, 1993. С. 8.

риода были в большей степени пропагандистскими, нежели строго научными, историческими. Тем не менее, они положили начало изучению проблем организации труда в период Великой Отечественной войны, определили ряд вопросов, которые в дальнейшем стали предметом строго исторических исследований. Еще в 1942 г. началась работа по созданию истории Великой Отечественной войны и, в частности, разработка вопросов, связанных с работой тыла. Эта работа, в основном, сводилась к сбору фактического материала и была строго регламентирована¹.

Например, 4 февраля 1943 г. Горьковским обкомом ВКП(б) была получена инструкция «О работе уполномоченного по истории Великой Отечественной войны»². В ней говорилось о том, что на отдел агитации и пропаганды возложена задача организации сбора материала по истории Великой Отечественной войны. При этом инструкция четко устанавливала тематику необходимых материалов. В отношении изучения истории труда в годы войны приоритетными стали следующие направления, «рассказы о *трудовых подвигах* советских патриотов на предприятиях, в колхозах и совхозах, примеры *трудового героизма* в тылу...» и т.п.³ Рекомендовались даже темы для сбора материала и его дальнейшего изучения: «Перестройка промышленности и сельского хозяйства для нужд обороны страны», «*Трудовой героизм* рабочих, колхозников, служащих советских учреждений», «Помощь населения фронту». Сбор средств в Фонд обороны», «Наука и культура в период войны», «Морально-политическое *единство* (курсив мой - В. С.) советского народа», «Управление. Советы и их органы на местах», «Культурно-бытовое строительство в условиях войны». Характерно, что данное направление изучения собранного материала было представлено как «важное средство нашей пропаганды и агитации». Своевременный подбор материалов, как отмечалось в инструкции, «позволит создать действительную историю нашей Великой Отечественной войны»⁴. Именно такая, вполне объяснимая с точки зрения власти, регламентация на несколько десятилетий вперед определила направленность и результативность исследований, посвященных проблемам организации и интенсификации труда в годы Великой Отечественной войны.

¹ Подробнее о работе комиссий по сбору материалов по истории Великой Отечественной войны см.: *Парамонов В.Н.* Россия в 1941—1945 гг.: проблемы индустриального развития. Самара, 1999. С. 11—14.

² ГОПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 3555, л. 8.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 9.

Среди подобного рода работ стоит отметить те, которые были посвящены решению проблем обеспечения производства рабочей силой и в качестве основной мотивации труда (хотя прямо об этом и не говорилось) подразумевалась сознательность трудящихся, помноженная на высокую организационную культуру управленцев¹.

В качестве основных причин самоотверженного труда в тылу были названы позитивные факторы, связанные с осознанием справедливого характера войны для Советского Союза и с преимуществами социалистической экономики². На развитие историографии этого периода решающее влияние оказал неоднократно переиздававшийся сборник выступлений И.В. Сталина³. По сути, в других работах мы встречаем его суждения и оценки, подкрепленные конкретными фактами⁴.

Второй период (1945—1956 гг.) стал «инерционным» продолжением предыдущего. Тем не менее, его стоит выделить особо, поскольку он был ознаменован выходом ряда работ, которые определили направление дальнейшего изучения проблем организации труда и военной экономики⁵. Наряду с переиздающимся сборником выступлений И.В. Сталина, эти издания образно можно назвать «каноническими», поскольку литература этого и следующего периодов во многом опиралась на положения, выдвинутые в этих работах. Например, Н.А. Вознесенский в рамках указанного направления обратил внимание на такие аспекты мотивации труда, как «советский патриотизм и воля народов СССР к уничтожению немецкого фашизма»⁶,

¹ *Мовшович Г.* Отечественная война и подготовка рабочих кадров Куйбышев, 1942; *Мирошниченко Б., Сонин М.* Подбор и обучение рабочих кадров в промышленности. М., 1944; *Родионов М.И.* Колхозы Горьковской области в дни Великой Отечественной войны. Горький, 1944 и др.

² *Гатовский Л.* Экономическая победа советского народа в Великой Отечественной войне// Спутник агитатора. 1944. №22.

³ *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., ОГИЗ, 1943.

⁴ *Володин С.* Советская промышленность — фронту// Агитатор (Москва). 1943. №13-14; *Евстафьев Г.* Социалистическое соревнование источник роста экономической и военной мощи СССР. М., 1944, *Гершберг И.Р.* Экономическая победа Советского Союза. М., 1945.

⁵ См., например, *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны. М.: ОГИЗ, 1948, *Теряева А.П.* Труд в колхозах во время Великой Отечественной войны. М., 1948.

⁶ *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны// *Вознесенский Н.А.* Избранные произведения. 1931-1947. М, 1979. С. 490.

«моральное единство и патриотизм народов СССР»¹, «самоотверженность в труде»², «широкое использование премиальных за выполнение и перевыполнение производственных планов»³. Кроме этого — на появившееся у рабочего класса за годы советской власти чувство хозяина⁴.

Работа А.Е. Пашерстника стала одной из немногих, посвященных проблеме дисциплины труда⁵. По его мнению, основа трудовой мотивации и соблюдения трудовой дисциплины — сознательное отношение к труду, выдержанное в ленинских принципах социалистической морали. Понятно, что в тот период эта работа не оставляла возможности дискутировать по поводу трудовой мотивации.

Основным направлением исследований в области истории экономики в послевоенный период стало выяснение причин победы СССР в войне. Уже в этот период главными преимуществами советского строя были названы экономическое превосходство, а в качестве основной мотивации трудового поведения (хотя это определение и не использовалось авторами) — народный патриотизм⁶.

Несколько подобных исследований вышли за рамки обозначенного периода, хотя и сохранили все свойственные ему характеристики⁷.

Третий период (1956–1965 гг.) был значимым в плане пересмотра организационной роли власти, и в первую очередь И.В. Сталина, в обеспечении трудового процесса. Нельзя не отметить, что эти изменения во многом стали возможны благодаря политическому повороту, инициированному Н.С. Хрущевым. Как откровенно признавался

¹ *Вознесенский Н.А.* Военная экономика СССР в период Великой Отечественной войны // *Вознесенский Н.А.* Избранные произведения. 1931—1947. М., 1979. С. 497.

² Там же. С. 551.

³ Там же С. 553.

⁴ Там же. С. 527.

⁵ *Пашерстник А.Е.* Дисциплина труда в СССР. М., 1950.

⁶ *Соколов И.* Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне // Пропагандист и агитатор. 1949. №11. С. 45; *Калинин Д.И.* Патриотизм трудящихся Кировской области в дни Великой Отечественной войны (1941—1945) // По родному краю. Вып. 1. 1951; *Александров П.А.* Источники силы и могущества Советского союза в Великой Отечественной войне // Преподавание истории в школе. 1952. №5; *Солдатенко Е.И.* Трудовой подвиг советского народа в годы Великой Отечественной войны. М., 1954.

⁷ *Серебров М.Г.* Трудовой подвиг автозаводцев (1941–1945) // Социалистическое строительство в Горьковской области: сб. статей / Под ред. *Н.М. Добротвора.* Горький, 1957, *Василенко В.С.* Труд во имя Победы. М., 1959 и др.

позднее А.Н. Яковлев: «После XX съезда в сверхузком кругу своих ближайших друзей и единомышленников мы часто обсуждали проблемы демократизации страны и общества. Избрали простой, как кувалда метод пропаганды «идей» позднего Ленина... Группа истинных, а не мнимых реформаторов (разумеется, устно) выработала следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину... Начался новый виток разоблачений "культы личности". Но не эмоциональным выкриком, как это сделал Хрущев, а с четким подтекстом: преступник не только Сталин, но сама система преступна»¹.

Таким образом, после 1956 г. (XX съезд КПСС) акценты в изучении военной экономики стали смещаться в сторону признания решающего влияния партии на мобилизацию трудовых ресурсов. Партийная работа, идеология, агитация и пропаганда выступают в работах этого периода основным мотивационным фоном трудового поведения, а патриотизм и героизм трудящихся — его реальным наполнением. В то же время историки впервые стали обращать внимание на определенные трудности, сопровождавшие процесс организации труда, на существовавшую необходимость мобилизации (т.е. принуждения) рабочей силы². Например, необходимо отметить работу З.П. Красильниковой³. Не отступая от сформировавшихся ленинско-сталинских оценок, она все же обращает внимание на факты невыполнения производственных заданий некоторыми предприятиями Горьковской области, на наличие рабочих и колхозников, не выполнявших норм выработки и т.п.

На протяжении этого периода целый ряд проблем оставался «закрытым» для исследования по идеологическим соображениям. Такие вопросы как дисциплина труда, степень трудового принуждения, мотивация трудовой деятельности не получили должного освещения. Для данного периода в развитии историографии ответы на них были либо слишком очевидны, чтобы заниматься их изучением, либо сама

¹ *Яковлев А.Н.* Большевизм - социальная болезнь XX века // Черная книга коммунизма. Изд. 2-е / Пер. с фр. М., 2001. С. 14.

² *Беляков А.П.* Историография трудового подвига советского народа в период Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1964. С. 232.

³ *Красильникова З.П.* Горьковская область в годы Великой Отечественной войны // Социалистическое строительство в Горьковской области: сб. статей под ред. *Н.М. Добротвора*. Горький, 1957.

их постановка могла расцениваться как сомнение в «преимуществах социалистической экономики»¹.

Четвертый период (1965—1991 гг.) начинается с пересмотра отношения к «культу личности» И.В. Сталина на заседании идеологической комиссии ЦК КПСС (15-18 марта 1965 г.) в связи с подготовкой XXIII съезда КПСС. С этого момента в работах, посвященных войне, военной экономике и организации труда, стало уделяться внимание не роли И.В. Сталина (позитивной или негативной), а «героическим усилиям партии и народа в борьбе за социализм». Фигура бывшего политического лидера была смещена в тень истории. Умеренное отношение к нему, выработанное Институтом марксизма-ленинизма и утвержденное Президиумом ЦК КПСС в преддверии празднования 20-летия Победы, по сути, исключило изучение его роли в управлении страной из ряда приоритетных направлений². Главными историческими персонажами стали «народ и партия». При этом масштабность объекта исследования не предполагала возможности изучения индивидуальных характеристик человеческой психики. Такая направленность исследований, а также накопленный (несколько односторонний, но весьма богатый) фактический материал обусловили появление в этот период обобщающих трудов, в которых описывался подвиг советского народа под руководством КПСС³. Главный мотивационный фон в них

¹ *Ижойкин А.Ф.* Рабочий класс Чувашии в годы Великой Отечественной войны. Чебоксары, 1960; *Морехина Г.Г.* Рабочий класс — фронту. Подвиг рабочего класса СССР в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945. М., 1962 и др.

² *Андреев Д.А., Бордюгов Г.Л.* Пространство памяти: Великая Победа и власть. Серия «АИРО — научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Вып. 19. М., 2005. С 20-21.

³ *Беликов А.М.* Советский тыл в годы Великой Отечественной войны. М., 1969; *Кравченко Г.С.* Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; *Его же* Экономическая победа советского народа над фашистской Германией// Советский тыл в Великой Отечественной войне. Кн.1 Общие проблемы. М., 1974. С. 39—49; *Солдатенко Е.И.* Трудовой подвиг советского народа в Великой Отечественной войне. М., 1970; *Гладков И.Л.* Экономическая победа СССР в Великой Отечественной войне. М., 1970; Советская экономика в период Великой Отечественной войны 1941-1945. Институт экономики АН СССР. М., 1970; *Сосновская Р.П.* Героический труд во имя Победы (КПСС — организатор трудового подвига рабочего класса в период коренного перелома в Великой Отечественной войне). Л., 1973; *Беликов А.М.* Государственный Комитет Оборона и проблема создания слаженной военной экономики // Советский тыл в Великой Отечественной войне. Книга 1. Общие проблемы. М., 1974. С. 70-80; *Комков Г.Д.* Идеологическая и массово-политическая работа в тылу// Там же. С.93-104; Советский тыл в Великой Отечест-

- мобилизация, при этом несколько идеализирован патриотический подъем населения¹, единство фронта и тыла, союз рабочих и крестьян².

Аналогичные оценки имели место и в последующих работах, посвященных советской военной экономике, хотя в некоторых из них присутствует упоминание о трудовой повинности, о применении принудительного труда, что подразумевало признание наличия демотивирующих факторов в поведении трудящихся³.

Характерной чертой указанного периода стало повышенное внимание исследователей к истории трудящихся классов и их вклада в победу. В силу ряда объективных и субъективных обстоятельств историки этого периода были мало восприимчивы к новым методам изучения мотивационной сферы человеческого поведения⁴, хотя такие методы уже были известны⁵. По сути, работа французского журналиста А. Верта стала в этот период единственной, посвященной

венной войне. Кн. 2. Трудовой подвиг народа. М., 1974; *Синицын А.М.* Всенародная помощь фронту. М., 1975; *Деборин Г.А., Тельпуховский Б.С.* Итоги и уроки Великой Отечественной войны. М., 1975; *Плотников Ю.В., Чабан И.Н.* Тыл советских вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны// История СССР. 1975. №1; *Беликов А.М., Куманев Г.А., Митрофанова А.В.* Военная экономика СССР на службе фронту// СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. М., 1976; Тыл советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне / Под ред. *С.К. Куроткина.* М., 1977 и др.

¹ *Дьяков Ю.Л.* Подвиг строителей индустрии тыла. 1941-1945. М., 1981; *Его же.* Промышленное строительство в советском тылу — важный фактор достижения экономической победы над врагом// Освободительная борьба против фашизма 1939-1945 гг. М., 1983; *Колесник А.Д.* РСФСР в годы Великой Отечественной войны: проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М., 1982; *Кирсанов Н.А.* Военно-мобилизационная деятельность Советского государства// История СССР. 1984. №6; *Володарский Л.М.* Советский тыл в годы Великой Отечественной войны// Вопросы истории. 1985. №7.

² *Захаров И.З., Львова К.Ф. и др.* Источник Победы. М., 1985; *Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне/ Отв. ред. Г.А. Куманев.* М., 1985.

³ Великая Отечественная война: вопросы и ответы. М., 1985; *Панов В.П.* Советская промышленность в годы Великой Отечественной войны// Вопросы экономики. 1985. №5; Советский тыл в годы Великой Отечественной войны / Под ред. *Г.А. Куманева.* М., 1988.

⁴ *Г.А. Бордюгов и В.А. Козлов* считают, что в начале 70-х гг XX века «так называемое новое направление в историографии» было разгромлено// *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 7.

⁵ *Розовская И.И.* Методологические проблемы социально-исторической психологии (На материалах французской исторической школы «Анналов»). М., 1972.

«человеческой истории», изучению «многочисленных сторон психологии советского народа»¹.

Тем не менее, необходимо отметить значительный вклад ученых в разработку главной на тот момент проблематики - помощь трудящимся фронту². Характерно, что в качестве основного способа организации трудовой деятельности при этом указывается на методы морального и материального стимулирования³.

Нельзя не отметить, что с началом «перестройки» в СССР (1985 г.) актуализируется изучение личности И.В. Сталина. Причем, как правило, в оценке его роли преобладают негативные тона. «Открыл шлюзы антисталинской критики», по выражению Г.А. Бордюгова и В.А. Козлова, — доклад М.С. Горбачева, посвященный 70-летию Октября⁴. Примечательно также, что негативные оценки деятельности И.В. Сталина совпали в этот период с аналогичными суждениями на Западе. Можно предполагать существование определенной связи между усилением критики И.В. Сталина в историографии «перестроечного» периода и политикой «демократизации» советского общества, которая, в конечном счете, привела к его ликвидации. Характерно, что в 1989 г. выразитель интересов консервативной элиты США, глава экспертной группы Фонда «Наследие» Джек Веллер писал: «...в то же самое время возрождение сталинизма должно пресекаться и наказываться»⁵. Хотя данные высказывания и не имели прямого отношения к изучению политико-административных мотивационных факторов трудового поведения, представляется, что они стали определенным фундаментом дальнейших дискуссий в том числе и в данной области.

¹ *Верт А.* Россия в войне. М., 1967.

² *Арутюнян Ю.В.* Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970; *Ивашкин С.С.* Из истории помощи рабочего класса сельскому хозяйству в годы Великой Отечественной войны// История СССР. 1975. №3; *Ильин Г.В.* Помощь трудящихся Московской области фронту во время битвы под Москвой// История СССР. 1981. №5; *Зеленин И.Е.* Вклад тружеников сельского хозяйства в достижение победы в Великой Отечественной войне// История СССР. 1985. №3; *Плотников А.П.* Миграция населения и трудовые ресурсы советской деревни (1917—1984): Материалы XX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Вып. 2. Таллин, 1987.

³ История советского крестьянства. Т. 3. Крестьянство накануне и в годы Великой отечественной войны. М., 1987.

⁴ *Бордюгов Г.А., Козлов В.Л.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 138.

⁵ MANDAT FOR LEADERSHIP - III. POLICY STRATEGIES FOR THE 1990s. - THE HERITAGE FOUNDATION. 1989. P. 617.

Таким образом, четвертый период в развитии историографии проблемы характеризуется повышенным вниманием к истории трудового подвига масс под руководством КПСС. Главным мотивационным фактором при этом признавалось сознательное отношение к труду, воспитанное, по мнению абсолютного большинства авторов, в результате идеологической работы партии. Даже несмотря на изменения в общественно-политической жизни страны, начавшиеся с 1985 г.¹, быстрой смены направления исторических исследований в этой области не произошло. С одной стороны, в этом проявилась некоторая инертность исторической науки. С другой - развитие проблематики изучения де-мотивирующих факторов в условиях партийно-государственного контроля было чревато обвинением в забвении народного подвига. Не многие историки решились поднять «трудные» вопросы истории войны². И только распад СССР - государства, одержавшего Победу в войне, и ликвидация компартии позволили историкам отчасти восполнить этот пробел, что и ознаменовало начало следующего периода.

Пятый период (1991-1995 гг.) в развитии историографии советского общества можно сравнить с действием маятника. Крушение партийно-государственных препон на пути исследователей привело к тому, что наиболее востребованы временем стали «обличительные», по замыслу их авторов, и негативные по отношению к советскому строю и социалистической экономике исследования. Не столь долгим по продолжительности, но не менее насыщенным по содержанию (с противоположным знаком) был этот период. Наибольший общественный резонанс получили публикации, в которых были представлены те или иные негативные факты и явления из военной и гражданской жизни. Представляется, что такой «крен» был не только результатом естественного эффекта «открытия шлюзов», когда как долго накапливавшаяся вода хлынула в массовое сознание пусть и не такие многочисленные, но, по сути, шокирующие, факты из нашей истории. Не менее, если не более сильным стимулом при

¹ В.А. Козлов в статье «Историк и перестройка» (Вопросы истории КПСС. 1987. №5) писал: «Одновременно резко повышается значение историко-психологических исследований, анализа «человеческого измерения» истории» // *Бордюгов Г.А., Козлов В.А.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 29.

² *Загвоздкин Г.Г.* Цена Победы. Социальная политика военных лет. Киров, 1990; *Панов В.П.* Это было. О тружениках тыла в годы Великой Отечественной войны. М., 1990.

этом была определенная государственная политика, в той или иной форме поддерживавшая эти публикации¹.

Можно считать, что начало обратному движению историографического «маятника» было положено организованным «Военно-историческим журналом» «круглым столом»². Здесь впервые была затронута новая для отечественной историографии тема — использование труда заключенных в годы Великой Отечественной войны. На заседании «круглого стола» анализировались некоторые аспекты правовых основ принудительного привлечения заключенных и гражданского населения к труду, рассматривались вопросы условий труда заключенных, их вклад в работу промышленности.

В 1992 г. вышла книга с характерным для этого периода названием - «Скрытая правда войны: 1941 г. - неизвестные страницы». Ее составитель — П.Н. Кнышевский говорит о де-мотивирующих факторах трудового поведения, которые негативно отразились на трудовой дисциплине, особенно в прифронтовых районах. Главным из них он считает чрезвычайный характер власти и введение военного положения, что, по его мнению, не способствовало усилению мотивации труда³.

Мысль о неконструктивном влиянии власти и чрезвычайного законодательства на трудовое поведение П.Н. Кнышевский развивает в своей публикации в журнале «Вопросы истории». Приводя достаточно полный анализ трудового мобилизационного законодательства периода войны, он делает вывод: «Совокупность этих законов являла собой законченную систему казарменной экономики с механизмом тотальной мобилизации»⁴.

Негативно оценивая (на наш взгляд, не без влияния тогдашней политической конъюнктуры) влияние власти на мотивационную сферу

¹ Как еще в 1989 г. справедливо отметили Б. Орешин и А. Рубцов, говоря о крайностях изучения сталинской эпохи: «Во всех этих подходах слишком очевидна их мотивированность (часто неосознанная) теми или иными политическими позициями или даже просто обывательскими настроениями» / *Орешин Б., Рубцов А.* Сталинизм: идеология и сознание // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 559.

² ГУЛАГ в годы Великой Отечественной войны. Материалы «круглого стола» // Военно-исторический журнал. 1991. №1, См. так же: *Земсков В.Н.* ГУЛАГ: историко-социологический аспект // Социологические исследования. 1991. №6; *Пронько В.А., Земсков В.А.* Вклад заключенных ГУЛАГа в Победу в Великой Отечественной войне // Новая и новейшая история. 1996. №3.

³ Скрытая правда войны: 1941 год - неизвестные страницы. Сост. *П.Н. Кнышевский.* М., 1992. С. 112.

⁴ *Кнышевский П.Н.* Государственный Комитет Обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. №2. С. 54.

трудовой деятельности, П.Н. Кнышевский высказывает мнение о наличии в народном сознании таких позитивных жизненных установок, которые не только позволили «осознать необходимость военно-мобилизационных мер», но послужили опорой «механизму тотальной мобилизации». Это — «любовь к Родине и ненависть к врагу, терпение народа»¹.

Пожалуй, первым, кто по-новому поставил вопрос о характере массового сознания гражданского населения и, в том числе, трудовой мотивации в годы Великой Отечественной войны, был Ю.А. Поляков². Само название его работы — «Почему мы победили?» — дает недвусмысленное представление о главной цели исследования - выявить ментальные источники победы в войне советского народа. В этом смысле вполне можно согласиться с Н.Д. Козловым, который назвал статью Ю.А. Полякова «теоретико-методологической» по своему характеру³.

Ю.А. Поляков делает интересное замечание относительно степени восприятия массовым сознанием государственной пропаганды. Признавая за ней главную роль в выработке соответствующих патристических лозунгов, исследователь прямо говорит о том, что к началу войны они воспринимались населением непосредственно, близко, т.е. воспринимались, по сути, как морально-психологические *мотивы* поведения: «Все это были не только лозунги, но и убеждения десятков людей»⁴. В целом необходимо признать, что работа Ю.А. Полякова стала отправным пунктом для тех исследователей, которые смогли разглядеть в ней не только законченные, но и перспективные направления в разработке данной проблематики.

Шестой период (1995 г. — наши дни). Позиция политического руководства во многом оказывает влияние на развитие новых или возрождение старых направлений в исторических исследованиях. Торжество «демократического» взгляда на историю войны выразилось в заявлении Президента Б.Н. Ельцина на торжественном заседании в Кремле, посвященном празднику Победы: «творцом Победы был народ»⁵. Эта фактически официальная позиция нашла как своих сторон-

¹ *Кнышевский П.Н.* Государственный Комитет Оборона: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. №2. С. 54.

² *Поляков Ю.А.* Почему мы победили? О массовом сознании в годы войны // Свободная мысль. 1994. №11.

³ *Козлов Н.Д.* С волей к Победе. Пропаганда и обыденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2002. С. 24.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ На этом заседании 8 мая 1995 г. Б.Н. Ельцин сказал: «Ни умаляя ничьей роли - ни Верховного главнокомандующего, ни рядового бойца, надо

ников, так и противников, что придало новый импульс развитию исторического дискурса. Кроме того, начали сказываться результаты «архивной революции» начала 90-х гг.¹ В распоряжении историков оказались ранее не доступные документы, позволившие утолить исследовательский интерес к новым проблемам и подходам к их изучению.

Тем не менее, трудно было бы ожидать практически единовременного обращения исследователей к новейшим аспектам социально-экономической истории войны. Поэтому многие, прежде всего, региональные работы в год 50-летия Победы были близки по своей тематике к работам предыдущего периода².

Выбор 1995 г. в качестве нового рубежа в развитии историографии проблемы связан в первую очередь с выходом работ двух авторов, по сей день во многом определяющих направление этого развития. Первая - это уже упоминавшаяся работа Ю.А. Полякова, опубликованная в конце 1994 г. Кроме этого - работы Е.С. Сеньявской³, в которых была представлена новейшая для отечественной историографии методология историко-психологического исследования. Появление названных работ повлекло за собой всплеск интереса к историко-антропологической проблематике и вооружило исследователей новой методикой работы. После этого активно начался процесс поиска новых объектов и предметов изучения. Актуальным становится «человеческое» измерение исторического процесса. При этом новое звучание получили, прежде всего, такие вопросы как роль власти, репрессивных и идеологических мотивационных факторов в достижении высокой эффективности производства. Конструктивная дискуссия по этим вопросам подтверждает высокую степень их актуальности для современного российского общества.

сказать твердо и однозначно: подлинным творцом и героем Победы был народ» // Российская газета. 11 мая 1995 г. №90. С.1.

См.: *Козлов В., Локтева О.* «Архивная революция» в России (1991-1996) // Свободная мысль. 1997. №1.

Гордеева Л.П., Перчиков Ю.А., Смирнов В.В. Вклад Горьковской области в достижение Победы в Великой Отечественной войне // Горьковская область в Великой Отечественной войне: взгляд через 50 лет: Материалы научно-практической конференции Н. Новгород, 1995. С. 8—17; *Анисков В.Т.* Общее и особенное из истории Нижегородской деревни 1941-1945 гг. // Там же. С. 28-33; *Вдовина А.М.* Промышленность области — фронту // Там же. С. 102-105; *Ежова Т.Н., Серебрянская Г.В.* Труженики Дзержинска — фронту // Там же. С. 110-115 и др.

³ *Сеньявская Е.С.* 1941—1945. Фронтовое поколение. М., 1995; *Ее же.* Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. №3.

На рубеже пятого и шестого периодов появились работы, отличавшиеся не только большей взвешенностью оценок, но и большим вниманием к изучению духовного облика трудящихся. Это было, с одной стороны, реакцией на сверхкритические оценки советской трудовой политики (эффект «затухания маятника»), а с другой — первым ответом на призыв Ю.Л. Полякова проанализировать «сложное и противоречивое» сознание народа и его влияние на трудовую активность. Авторы этих работ — Н.Д. Козлов¹, В.Т. Анисков², В.Н. Данилов³, исходя из оценки труда советских людей как героического, считают, что в его основе лежали определенные ментальные доминанты, определявшие трудовое поведение: вера в существование преимуществ социалистической системы (Н.Д. Козлов), славянски гордая и интернационально широкая душа (В.Т. Анисков), понимание безальтернативности задач борьбы с фашистской агрессией (В.Н. Данилов).

Наиболее перспективная проблема этого периода — проблема характеристики массового сознания, его составляющих, степени влияния на него со стороны власти и его роль в достижении победы. Именно разработка этих проблем стала одним из приоритетных направлений в последнее десятилетие. Если в 1945–1985 гг. вопрос о моральном, духовном облике советского человека, его идеологической направленности рассматривался исключительно исходя из приоритета коммунистической идеологии, государственного патриотизма, а упоминание об обратных примерах практически не допускалось, то в «перестроечный» и «постперестроечный» период (1985—1995 гг.) ситуация изменилась. Ни та, ни другая крайности не способствовали непосредственно научному пониманию и изучению действительно сложных и не всегда однозначных аспектов истории Великой Отечественной войны, но и они сыграли свою роль. Освободившись от различных конъюнктурных соблазнов, историческая наука пришла в состояние определенного идеологического равновесия. Это, в частности, позволило историкам обратить свое внимание на различные стороны проявления человеческой психики в экстремальных условиях войны.

¹ Козлов Н.Д. Великая Отечественная война: актуальные вопросы и ответы. СПб., 1995; *Его же*. Общественное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1996.

² Анисков В.Т. О бедной деревне замолвите слово... 1941–1945—19???. Социальная жертвенность и судьбы крестьянства. Вологда; Ярославль, 1996.

³ Данилов В.Н. Чрезвычайные органы власти регионов России в годы Великой Отечественной войны. Саратов, 1996.

Отличительной особенностью периода Великой Отечественной войны была чрезвычайно высокая степень угрозы для существования советского государства. Масштабы войны, а в еще большей степени - отсутствие адекватной информации об этих масштабах, стали основным фактором, определявшим поведение людей в ее начале. Большинство исследователей сходятся во мнении о чрезвычайно влиятельном характере начала войны и ее масштабов на сознание населения, его поведенческую активность и трудовую мотивацию. Превалирующие результаты этого влияния, напротив, оцениваются по-разному. Одни (Ю.Л. Поляков, А.С. Якушевский¹, Н.Д. Козлов², Н.И. Кондакова) считают, что начало войны в целом способствовало сплочению общества перед угрозой уничтожения, другие (В.Ф. Зима³, В.Н. Данилов⁴, В.Б. Тельпуховский⁵, С.В. Точенов⁶) отмечают деструктивный характер общественных реакций, связанный с индивидуализмом, недоверием к власти и т.п.

Соотношение оценок и мнений историков по поводу степени влияния фактора войны на поведение людей неизбежно порождает новые вопросы. В частности — связанные с характеристикой руководящей роли власти по формированию позитивных ценностных установок и, прежде всего, конструктивной мотивации труда. Так, А.С. Ахиезер пишет: «Время правления Сталина в большей степени, чем любой другой этап советской истории, кажется чем-то фантастическим. В истории не было ничего подобного. Знакомство с массовыми социальными процессами на этом этапе ломает представление о мотивах людей даже с точки зрения элементарного самосохранения и здравого смысла»⁷. Автор имел в виду, конечно же, массовые репрессии, а не опасность внешнего завоевания.

¹ *Якушевский А.С.* Арсенал Победы// Великая Отечественная война 1941-1945. Военно-исторические очерки Книга четвертая. Народ и война. М., 1999 С. 91.

² *Козлов Н.Д.* С волей к победе. Пропаганда и обывденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2002. С. 13.

³ *Зима В.Ф.* Менталитет народов России в войне 1941—1945 гг. М.: ИРИ РАН, 2000.

⁴ *Данилов В.Н.* Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941-1945 гг. Саратов, 2002.

⁵ *Тельпуховский В.Б.* Героизм рабочего класса// Война и общество. 1941—1945: В 2 кн./ Институт Российской истории. М., 2004. Кн. 2. С. 16.

⁶ *Точенов С.В.* Волнения и забастовки на текстильных предприятиях Ивановской области в 1941—1942 гг.// Вестник Ивановского гос. ун-та. Сер «История. Философия. Педагогика. Психология». 2004. Вып. 2. С. 16—27.

⁷ *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск, 1997. С. 480.

Дискуссия о ведущих мотивах поведения неизменно рассматривалась в контексте выяснения взаимоотношений власти и общества и их совокупного вклада в достижение Победы. При этом открылись новые возможности научного поиска, связанные с появлением нового источникового материала. Они определили сразу несколько направлений в рамках обозначенной проблемы. Заявление Президента России Б. Ельцина, сделанное им на праздновании 50-летия Победы, о главенствующей роли народа в ее достижении придало дискуссии о взаимоотношении власти и общества, роли репрессивной политики и И.В. Сталина в организации управления новый импульс.

Негативное влияние репрессивных мероприятий в области организации труда, необоснованное привлечение к суду лиц, виновных в уклонении от мобилизации, отмечает М.А. Вылцан. Его определение главных мотивационных факторов трудовой деятельности в годы войны выражено в названии статьи — «Приказ и проповедь»¹. Трудовая деятельность в целом представляется автору не столько следствием патриотического подъема, сколько результатом сугубо насильственных методов организации труда, сопровождавшихся идеологической пропагандой.

Интересна точка зрения М.А. Вылцана на специфику общественной психологии и мотивов поведения крестьянства в годы войны². Само название его книги говорит о неприятии автором концепции патриотической «жертвенности» крестьянства: «пиррова» победа — так лучше бы ее не было. Нельзя оставить без внимания выводы М.А. Вылцана по поводу специфики психологии крестьянства. Он пишет: «В поведенческой структуре крестьянства не последнее место занимало и ощущение страха неотвратимости наказания за неисполнение «своего гражданского долга», приказа высших и местных властей»³.

Страх перед наказанием как главный мотив трудового поведения и деструктивную роль советской системы, которая действовала по принципу «лучше перегнуть, чем не догнуть», М.А. Вылцан в очередной раз отмечает теперь уже в соавторстве⁴. А.С. Якушевский в каче-

¹ *Вылцан М.Л.* Приказ и проповедь: способы мобилизации трудовых ресурсов// Отечественная история. 1995, №3. С. 72.

² *Вылцан М.А.* Крестьянство России в годы большой войны. Пиррова победа / Российский научный фонд. М., 1995.

³ Там же. С. 17.

⁴ *Вылцан М.Л., Кондрашин В.В.* Патриотизм крестьянства// Власть и общество. 1941-1945: в 2 кн. Ин-т Российской истории. М., 2004. Кн. 2. С. 56.

стве одного из мотивов трудового поведения отмечает другой страх - страх оказаться на фронте, «где человека подстерегала смерть»¹. Демотивирующее влияние эмоции страха перед властью отмечает в своей кандидатской диссертации М.В. Андриенко. «Страх владел массами»², - считает автор, — и это, очевидно, признается им в качестве одного из ведущих мотивов поведения. В.Ф. Зима в качестве одного из мотивов поведения также называет боязнь репрессий³.

Основная концепция Ю.А. Киришина выражена мнением: «Сталин обращался к народу для того, чтобы добиться своих целей, которых нельзя было достигнуть только принуждением и насилием»⁴. При этом Ю.А. Кишин делает интересный вывод о результатах эмоции страха. Страх, по его мнению, являлся «стимулом деятельности и поведения всего народа, тоталитарного воспитания, защиты сталинизма»⁵.

Не отрицая, а, напротив, подчеркивая, героизм народа в войне, историки - критики советской системы - основное внимание уделяют политико-правовым методам воздействия на мотивацию поведения населения, понимая под ними, в первую очередь, репрессии и тоталитарный режим, созданный И.В. Сталиным. Авторы - сторонники концепции тоталитарного характера общества в СССР — негативно оценивают роль власти в организации функционирования общественной системы в период войны. Так, Н.С. Лебедева (ИВИ РАН), высказывая традиционный для либеральных историков взгляд о «жестком контроле над духовной жизнью людей», считает его главным негативным результатом то, что он «привел к ликвидации свободомыслия»⁶.

В.Б. Тельпуховский считает, что, несмотря на то, что «беспредельная личная власть Сталина, его тоталитарный режим причинили

¹ Якушевский А.С. Арсенал Победы// Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Кн. четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 91-92.

² Андриенко М.В. Население Ставропольского края в годы Великой Отечественной войны: оценка поведенческих мотивов: Дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2005. С. 44.

³ Зима В.Ф. Указ. соч. С. 117.

⁴ Кишин Ю.А. Великая Победа: благодаря или вопреки сталинизму? (Уроки для демократической России). М., 2006. С. 98.

⁵ Там же. С. 112.

⁶ Лебедева Н.С. Человек и политическая система в СССР в 1939—1945 гг.// Проблемы исторической психологии и взаимодействие мировоззрений в истории: Материалы Всероссийской научной конференции (15—17 сентября 1999 г.). Орел, 2000. С. 91.

стране серьезные бедствия», население СССР в годы войны готово было трудиться «столько, сколько потребуется для удовлетворения нужд фронта»¹. По сути, автор стоит на позиции автономности конструктивного общественного поведения, его независимости от политики власти.

В целом надо сказать, что историки либерального направления отмечают в качестве одного из основных мотивов поведения страх перед репрессиями, хотя и не отрицают такие составляющие трудовой мотивации как патриотизм и героизм населения. Кроме того, в этих работах признается в основном негативное влияние власти на мотивацию трудовой деятельности.

Характерной чертой текущего (особенно начала XXI в.) периода развития историографии, связанной с изучением проблем поведенческой мотивации и влияния на нее власти в годы войны является появление взвешенных, лишенных тех или иных идеологических пристрастий работ. Определенная стабилизация в российском обществе отразилась также и на степени полемичности обсуждаемых проблем. Появились работы, в которых взаимодействие власти и общества, формирование мотивации конструктивного поведения рассматривается без идеологических «крайностей», что сразу отразилось на качестве исследовательских оценок и выводов.

Характеризуя действия власти по формированию единого целеполагающего фактора для гражданского населения - «Все для фронта, все для Победы!», - В.Н. Данилов считает, что власть старалась действовать по ситуации, балансируя на определенной грани. Как отмечает сам автор, «чтобы с одной стороны, не допустить падения военного потенциала, а с другой - не вызвать обострения социальной обстановки в стране»².

Серьезное внимание уделяет функционированию государственной власти в чрезвычайных условиях, патриотическому воспитанию, информационной войне Н.И. Кондакова³. Она, пожалуй, одна из немногих, кто в последнее время достаточно высоко оценивает роль государства и коммунистической партии в формировании общественных настроений и мотивов поведения. Анализируя причины влияния фашистской пропаганды на некоторую часть советских лю-

¹ *Тельпуховский В. Б.* Героизм рабочего класса// Война и общество. 1941—1945: В 2 кн./ Институт Российской истории. М., 2004. Кн. 2. С. 6.

² *Данилов В. Н.* Советское государство в Великой Отечественной войне: феномен чрезвычайных органов власти 1941-1945 гг. Саратов, 2002 С. 368.

³ *Кондакова Н. И.* Война, государство, общество. 1941—1945 гг. М., 2002

дей, Н.И. Кондакова называет «наличие в 30-40-х гг. в СССР остатков прежних социальных слоев с их психологией неудачный ход войны в ее начале и прекращение именно в этот момент регулярной политической информации для населения...»¹.

Принципиально взвешенную позицию в отношении влияния власти на общественное сознание занимает и Н.Д.Козлов. Говоря о существовании системы политического контроля как определенного фактора поведения человека, он не соглашается с «некоторыми публицистами», которые, по его мнению, считают, что она заключалась лишь в «наказании виновных, поддержании атмосферы страха»².

Основной же причиной такого контроля, по мнению ученого, было недопущение, локализация неблагоприятной направленности индивидуального и массового сознания, выявление причин этого явления, принятие мер по его преодолению. Правда, при этом Н.Д. Козлов говорит о том, что «такие усилия применялись непоследовательно, не представляли собой цельной и строгой системы»³.

Оценивая деятельность власти по формированию образа внешней опасности как фактора консолидированного отношения к труду, Н.Д. Козлов считает, что на протяжении 30-х гг. власть серьезно позаботилась о «разъяснении» народу фактора внешней опасности. Это также способствовало формированию отношения населения к грядущей войне. В то же время автор обращает внимание на то, что изменение антифашистской пропаганды после 23 августа 1939 г. «нанесло вред общественному сознанию»⁴.

В докторской диссертации Н.А. Ломагина отмечается важность системы политического контроля в сфере формирования настроений населения и мотивов деятельности⁵. Автор считает, что контроль был «в целом эффективным и большей частью осуществлялся в рамках существовавшего в то время закона»⁶.

В.В. Черепанов значительное место в системе управления госу-

¹ Кондакова Н.И. Война, государство, общество. 1941—1945 гг. М., 2002. С. 330-331.

² Козлов Н.Д. С волей к победе. С. 143.

³ Там же.

⁴ Козлов Н.Д. Морально-политические и психологические предпосылки Победы// Великая Отечественная война: правда и вымысел. Вып. 4: Сб. статей. СПб., 2007. С. 59.

⁵ Ломагин Н.А. Политический контроль и негативные настроения ленинградцев в период Великой Отечественной войны: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005. С. 10.

⁶ Там же. С. 529.

дарством уделяет репрессивным мероприятиям. Репрессии и страх репрессий были, по его мнению, главным инструментом сталинской машины государственного управления в 1941-1942 гг.¹ При этом он отмечает, что «цели и методы государственного управления были в целом адекватны ситуации»².

Степень централизации власти в СССР в период Великой Отечественной войны, сосредоточение всех основных функций управления в руках И.В. Сталина являются предметом не прекращающихся дискуссий по поводу его влияния на поведенческие императивы граждан в рамках существования «культы» личности. Эти вопросы не могут не приниматься во внимание историками при анализе отношений в системе «власть — общество». Сегодня существуют исследования, в которых позитивное влияние И.В. Сталина на организацию трудового процесса рассматривается наряду с другими конструктивными факторами, оказывавшими влияние на формирование трудовой мотивации граждан.

Осторожно и вдумчиво подошла к освещению вопроса о роли личности И.В. Сталина в формировании массового сознания Н.И. Кондакова. Она неоднократно замечает, что отрицать влияние Сталина на ход войны, или сводить его исключительно к отрицательному воздействию невозможно³.

Нельзя не сказать о том, что определенная политическая конъюнктура все же продолжает оказывать влияние на развитие военно-исторических исследований по наиболее дискуссионным вопросам. Примечательно, что об этом говорят сами ветераны, используя не часто возникающую возможность высказаться публично. Например, в докладе на проходившей в Москве Международной конференции, посвященной 60-летию Победы, профессор В.С. Порохня привел высказывания генерал-полковника в отставке А.И. Ширинкина на заседании «круглого стола» в редакции газеты «Правда». Ветеран отметил, что «вопреки Сталину, руководителю страны, победить было невозможно», и что при характеристике его роли в войне «надо опираться на оценку тех, кто работал тогда вместе со Сталиным и под его руководством. А не на те небылицы, наветы и домыслы, которые

¹ *Черепанов В.В.* Власть и война. Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне М., 2006. С. 174.

² Там же. С. 167.

³ *Кондакова Н.И.* Война, государство, общество. 1941-1945 гг. М, 2002. С. 39-44, 65, 69, 71, 337, 372 и др.

сочиняются грязными людьми типа Александра Яковлева»¹. Генерал-лейтенант В.В. Серебрянников там же довольно резко заметил: «Я хочу сказать, что наука очень и очень прислуживает сегодня, отвечает на потребности и заказы нынешних властителей, способствует интересам Запада»². Сам В.С. Порохня, судя по всему, согласен с обоими высказываниями. Степень их критичности по отношению к представителям исторической науки нельзя назвать абсолютно несостоятельной. Тем ценнее в научном отношении представляются работы историков, лишенные того или иного конъюнктурного влияния.

Так, наиболее емкую и сдержанную оценку влияния образа И.В. Сталина на сознание народа, по нашему мнению, дает В.В. Черепанов: «Надо признать: без Сталина мы бы не победили. Но не будь Сталина, скорее всего не было бы этой войны»³.

Помимо роли власти в формировании общественных настроений исследователи обращают также внимание и на специфику советского общества периода войны, в том числе на факторы, ранее именовавшиеся «преимуществами социалистической системы хозяйствования». А.С. Якушевский отмечает при этом, что «все достижения советской экономики в годы Великой Отечественной войны были бы невозможны без подлинного героизма людей»⁴.

Согласуя свое исследование с принципом историзма, Н.Д. Козлов вполне обоснованно утверждает, что сознание советского человека периода войны помимо черт, привнесенных чрезвычайными обстоятельствами, характеризовалось и теми «ментальными доминантами», которые были сформированы ранее, в том числе и с помощью социалистической идеологии: «коллективизм, антисобственнические убеждения, надежда народа на высшие идеалы, на будущее»⁵.

Ряд авторов отмечают влияние духовной сферы, культуры и искусства на формирование позитивных установок трудового поведе-

¹ Мы выстояли и победили: Материалы Международной конф., посвященной 60-летию Победы советского народа над фашистской Германией и милитаристской Японией (Москва) / Под общ. ред. проф. В.С. Порохни. Смоленск, 2005. С. 26.

² Там же. С. 29.

³ Черепанов В.В. Указ. соч. С. 491.

⁴ Якушевский А.С. Арсенал Победы// Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Кн. четвертая. Народ и война. М., 1999. С. 88.

⁵ Козлов Н.Д. С волей к Победе. С. 14.

ния народа в годы войны. Так, Н.И. Ксенофонтов отмечает художественную литературу, театр, музыку, кино, плакаты, которые «сыграли значительную роль в мобилизации духовных сил народа на окончательный разгром врага»¹. Н.И. Кондакова среди мотивационных факторов трудового энтузиазма называет государственный патриотизм, уверенность в справедливом характере войны и неизбежности победы, в счастливом будущем (т.е. позитивный прогноз)².

Социологический анализ причин и условий Великой Победы, по мнению В.Н. Кузнецова, должен ответить на вопрос: что же помогало «нашим людям выстоять в годы суровых испытаний и лишений?» Решение этой сложной задачи видится автору, в том числе, в русле формирования единой национальной идеи, которая определяет такой решающий фактор Победы, как вера в нее³. Интересно также отметить статью Т.Д. Азарных о влиянии военных стрессов на здоровье⁴ и работу О.А. Долиной, посвященную искусству плаката в годы войны⁵.

Из работ, в той или иной степени посвященных мотивации труда в годы Великой Отечественной войны, стоит назвать две, где эти вопросы рассматриваются более подробно. Это монографии В.Н. Парамонова⁶ и В.Т. Анискова⁷. В этих работах представлен анализ различных сторон поведенческой деятельности рабочих (В.Н. Парамонов) и крестьян (В.Т. Анисков) в годы Великой Отечественной войны.

В монографии В.Н. Парамонова отдельная глава посвящена характеристике социальных настроений работников промышленности. Автор среди основных мотиваций трудового поведения называет чувство патриотизма и сплоченности перед смертельной опасностью, отмечает фактор трудового принуждения при главенствующем характере

¹ *Ксенофонтов Н.И.* Духовный фактор Победы в Великой Отечественной войне: уроки и выводы// Социология Великой Победы. М., 2005. С. 69-73.

² *Кондакова Н.И.* Государственная социальная политика в условиях войны// Социология Великой Победы. М., 2005. С. 336.

³ *Кузнецов В.Н.* Феномен Великой Победы// Социология Великой Победы. М., 2005. С. 454.

⁴ *Азарных Т.Д.* Влияние военных стрессов на здоровье// Мы выстояли и победили: Материалы Международной конф., посвященной 60-летию Победы советского народа над фашистской Германией и милитаристской Японией (Москва)/ Под общ. ред. проф. В.С. Порожни. Смоленск, 2005. С. 107.

⁵ *Долина О.А.* Искусство плаката в годы Великой Отечественной войны// Там же. С. 243.

⁶ *Парамонов В.Н.* Россия в 1941-1945 гг.: проблемы индустриального развития. Самара, 1999.

⁷ *Анисков В.Т.* Крестьянство против фашизма. 1941—1945. История и психология подвига. М., 2003.

трудоу аскезы и самоотверженности¹. В то же время не ушли от внимания историка такие деструктивные поведенческие проявления как уныние, отчаяние, страх, растерянность в первые дни войны².

Работа В.Т. Анискова, по его собственному признанию, «скалдывалась все послевоенные годы в виде больших и малых публикаций автора»³ и является, по сути, квинтэссенцией его взгляда на проблему трудового поведения крестьян в период военных испытаний. Авторская позиция по этой проблеме хорошо известна и уважаема как среди историков-профессионалов, так и в обществе в целом. Данная монография, претендующая на анализ психологии крестьян, их трудового подвига начинается с вопроса: «Так в чем же... причина бесподобной патриотической «подданности» колхозного крестьянства, в чем мотивы беспримерной жертвенности и терпимости и без того вроде бы уже обреченных?»⁴.

Ответ на этот вопрос автор дает практически во всех предыдущих публикациях. Он сводится к «духовной патриотической сущности крестьянства»⁵, которая, несмотря на деструктивное влияние материальных трудностей и лишений, осталась стойкой и верной долгу защитника Отечества.

В 2005 г. в журнале «Новая и новейшая история была опубликована рецензия на монографию В.Т. Анискова⁶. Авторы — Г.А. Куманев и В.Н. Земсков - отмечают, что работа выполнена «в жанре историко-психологического исследования»⁷, что, на наш взгляд, не совсем соответствует характеру рецензируемой книги. В первую очередь, бросается в глаза некоторая однообразность источниковой базы, которой пользуется В.Т. Анисков. Это, в основном, уже известные и введенные в научный оборот самим автором, документы партийных и советских органов, не обладающие необходимой для полноценного историко-психологического исследования информацией. Кстати, на этот недостаток весьма корректно указывают и рецензенты⁸. Тем не менее, работа В.Т. Анискова — одно из немногих иссле-

¹ *Парамонов В.Н.* Указ. соч. С. 301.

² Там же. С. 308.

³ *Анисков В. Т.* Указ. соч. С. 478.

⁴ Там же. С. 23.

⁵ Там же. С. 453.

⁶ *Куманев Г.Л., Земсков В.Н.* Рецензия на кн: *Анисков В.Т.* Крестьянство против фашизма 1941-1945. История и психология подвига. М., 2003// Новая и новейшая история. 2005, №6. С. 209-210.

⁷ Там же С. 209.

⁸ Там же. С. 210.

дований, претендующих на некую полноту изображения жизни колхозного крестьянства в годы войны и, в частности, трудовой мотивации крестьян. В.Т. Анисков, полемизируя с М.А. Вылцаном, считает главными мотивирующими составляющими трудового героизма крестьян жертвенность и патриотизм.

Непосредственно относящейся к проблематике исследования является статья С.И. Тогоевой, выполненная в рамках российско-голландского проекта «Мотивация труда в России, 1961-2000 гг: вознаграждение, побуждение и принуждение»¹. Опираясь на концепцию сочетания трех методов стимулирования труда, сформулированную М. Ван дер Линденом², автор проводит анализ факторов, сочетавших в себе методы вознаграждения и наказания, стимулирующие интенсивный труд на предприятии. Опираясь на материалы Тверского вагоностроительного завода (данные о системах оплаты труда, видах дополнительного вознаграждения, данные о количестве нарушений дисциплины труда), С.И. Тогоева детально описывает сочетание данных факторов в их влиянии на усиление трудовой мотивации.

В рецензии на работу С.И. Тогоевой, написанной профессором Байкальского государственного университета экономики и права А.В. Шалаком, была отмечена необходимость более широкой трактовки факторов, влиявших на трудовую мотивацию в годы Великой Отечественной войны³. Говоря о многообразии факторов, влиявших на мотивацию труда в годы Великой Отечественной войны, и о многоаспектности ее изучения, С.И. Тогоева и А.В. Шалак подтверждают перспективность и высокую степень актуальности разработки данной проблематики⁴.

Подводя итоги анализу научной исторической литературы по проблемам массового сознания гражданского населения, отмечая несомненные достижения в области разработки проблематики мотивации трудовой деятельности в годы Великой Отечественной войны,

¹ Тогоева С.И. Факторы влияния на мотивацию труда (на материалах Тверского вагоностроительного завода// Экономическая история. Обзорные материалы. Под ред. Л.И. Бородкина. Вып. 8. М., 2002. С. 39-56

² Ван дер Линден М. Мотивация труда в Российской промышленности: некоторые предварительные суждения// Социальная история. М., 2000. С. 211-212.

³ Шалак А.В. От изучения стимулирования труда к исследованию факторов его мотивации// Историко-экономические исследования. 2003. Т. 2. №1.

⁴ Шалак А.В. Что происходит, когда историю пишут вне истории?// Журнал историко-экономические исследования. 2007. Т. 8. №1// Режим доступа: <http://jh.isea.ru/2007-8/1/8.asp/>

следует сказать, что специального труда, посвященного изучению мотивационных факторов трудового поведения, пока не существует. Ряд замечаний, высказанных по этому поводу историками, требуют уточнения и корректировки.

Наиболее четко на этот «пробел» указал А.А. Зиновьев. Незадолго до своей смерти он выразил следующее мнение: «история войны еще не описана и не изучена»¹. Для этого, по его мнению, «нужна научная социологическая теория очень высокого уровня, которой фактически нет»². Без такой теории, как утверждал А.А. Зиновьев, получается «простое перечисление событий: было то-то и то-то, в такой-то последовательности; перечисляются героические подвиги, отдельные эпизоды...»³.

Исследования данной проблемы приобретут большую научную значимость, если будут в более значительной степени опираться на работы психологов, занимающихся изучением массовой психологии и индивидуального сознания⁴.

Таким образом, анализируя основные публикации, посвященные различным аспектам морально-психического состояния советского общества в годы Великой Отечественной войны, можно сказать, что на сегодняшний день имеются серьезные успехи в их разработке. Выявляются новые факты, вопросы и способы их решения. Вместе с тем нельзя сказать, что среди ученых, занимающихся данной проблематикой, царит единодушие в оценках и единство в подходах и мнениях. По сути, вопрос, заданный Ю.А. Поляковым: «Почему мы победили?» - остается без общепризнанного ответа. Вопрос — что в ходе войны было главной мотивационной составляющей

¹ Красная Звезда. 23 апреля 2005 г. С. 5.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Как пишет В.А. Шкуратов: «Соотношение гуманитарного и естественнонаучного знания может быть обратимым (что стихийно имеет место и сейчас). Это значит, что понятия и приемы другой научной сферы могут «браться напрокат» для решения определенной исследовательской задачи, минуя громоздкую апробацию и сложную систему методолого-теоретических допусков. Такой ход открывает путь продуктивной «эклетики» временных союзов, коопераций и взаимодействия без навечного прикрепления к соответствующему ведомству. Его залог - высокая исследовательская культура и полное понимание каждой стороной собственных задач и функций на основе общей научной эпистемологии. В противном случае мы получим эклектизм без кавычек: деляческое и случайное заимствование всего, что «подходит» и что «пол рукой», непонимание характера обменов и теоретико-методологический догматизм наверху» (*Шкуратов В.А. Историческая психология на перекрестках человекознания// Одиссей. Человек в истории. М., 1991. С. 113-114*).

конструктивного, направленного на усиление оборонной мощи страны, поведения граждан в тылу — так же пока открыт.

Во многом проблему анализа внутренних причин Победы можно решить, выяснив, каковы были мотивационные факторы человеческой деятельности в самом широком смысле этого слова. Страх перед наказанием или героизм? Привычка подчиняться власти или безграничное доверие ей? Воля к жизни или любовь к Родине? В чем главный стимул трудового подвига? Историки сегодня небезуспешно ищут ответы на эти вопросы. Данная монография - попытка автора внести свой вклад в этот конструктивный процесс.

§2. Характеристика источников

Сложность историко-психологической реконструкции менталитета заключается, прежде всего, в том, что образ мышления (менталитет) составляет определенную тайну не только для историков (потомков), но даже для современников. Специфика сознания (массового и индивидуального) скрыта для исследователя, является для него «вещью в себе». Поэтому особо тщательное внимание исследователь должен уделить источниковедческому анализу. При этом необходимо учитывать, что особенности менталитета проявляются в конкретных поступках людей.

Круг возможных источников при изучении психологии труда, как отмечают Е.А. Климов и О.Г. Носкова, весьма широк. Это, в частности, «высказывания, предметом которых является психологический аспект труда отдельного человека или группы людей, включая характеристики и самого субъекта труда; факты, закономерности идеологии, образа жизни в той мере, в какой они позволяют характеризовать субъект труда, процессы труда, его организацию и т.д.»¹

Е.Ю. Зубкова и А.И. Куприянов также считают, что «нет такого источника, в котором в той или иной форме не нашли свое отражение взгляды, мнения, настроения людей, их личные или групповые

¹ *Климов Е.А., Носкова О.Г. История психологии труда в России. М., 1992. С. 12.*

пристрастия, т.е. все то, что характеризует ментальный фонд. Меняется лишь иерархия источников: для изучения ментальностей важны в первую очередь не официальные документы, а материалы личного происхождения»¹.

Любое действие или бездействие человека обусловлено взаимодействием нескольких мотивационных факторов в его сознании. Принимая какое-либо решение, индивид руководствуется разными ментальными «расчетами». Реакция на внешние и внутренние условия (страх перед наказанием, страх смерти, голода, родственные чувства, месть за близких, корысть, альтруизм, вера в социалистические идеалы, любовь к Родине, ненависть к врагу и многое другое) так или иначе, отражается на деятельности человека

Пытаясь реконструировать мотивацию поступков человека, исследователь, по сути, восстанавливает ментальные характеристики общества изучаемого периода. Поскольку всякая реакция общества в целом и отдельных граждан есть проявление общественного сознания, постольку все, что дает представление о поступках и их мотивации может рассматриваться как источник для изучения менталитета.

Одними из первых в отечественной науке, обративших внимание на возможность изучения исторических источников с точки зрения психологии, были И.Г. Белявский и А.П. Пронштейн². Они, в частности, считали, что «конкретное поведение каждого индивида зависит от его субъективной направленности и от самостоятельного выбора форм деятельности. Опираясь на данные психологии, можно более или менее точно понять особенности поведения каждого члена общества и степень его социальной обусловленности»³. После этой статьи долгое время не появлялось работ, в которых бы затрагивались источниковедческие аспекты историко-психологического исследования, что было во многом связано с определенной социально-политической конъюнктурой⁴.

¹ Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода (вместо введения)// Российская ментальность: методы и проблемы изучения// Мировосприятие и самосознание русского общества, М., 1999. Вып. 3 // Режим доступа: <http://www.auditorium.ru/books/744/wed.pdf>

² Белявский И.Г., Пронштейн А.П. Некоторые психологические аспекты отражения действительности в исторических источниках// Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Сер. общественных наук 1974. № 1.С. 14-20.

³ Там же. С. 14.

⁴ См.: Бордюгов Г.А., Козлов В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992. С. 7.

Ситуация изменилась с середины 90-х гг. XX в., когда среди наиболее перспективных направлений исторических исследований вновь стали рассматриваться аспекты социально-психологических характеристик общественного развития. Данная тенденция отразилась и на исследованиях, посвященных Великой Отечественной войне. Так, Л.Н. Пушкарев считает, что источником для изучения ментальности может быть все, созданное человеком и сохранившее дух своего творца. «Во всех типах, родах, видах исторических источников в той или иной степени оказывается зафиксированной ментальность человека (или любого коллектива), участвовавшего в их создании», — пишет автор¹.

Как заметил А.Я. Гуревич: «Для того, чтобы заговорили источники - творения людей изучаемой эпохи, им нужно задавать вопросы, которые продиктованы историку собственным временем, его актуальной человеческой проблематикой»². Данное утверждение, на наш взгляд, должно стать основой для полноценной «работы» с историческим источником.

По *форме* основная масса источников по изучению менталитета — *письменные*. Их анализ связан, прежде всего, с текстологическими особенностями, зависящими в свою очередь от авторства, условий и целей создания. По *содержанию* и *происхождению* все многообразие источников можно подразделить на: 1) *документы властных (государственно-партийных) структур*; 2) *источники личного происхождения*.

Источниковую базу исследования составляют, прежде всего, архивные материалы, а также опубликованные документы и материалы периодической печати. Причем значительное количество архивных документов вводится в научный оборот впервые. Это материалы Прокуратуры СССР (секретная часть)³ и местных (Горьковская⁴, Кировская⁵, Мордовской⁶ и Марийской⁷ АССР) прокуратур. А также материалы цензуры Всесоюзного радиокомитета⁸ и письма граждан в

¹ Пушкарев Л.Н. Словесные источники для изучения ментальности народа в годы Великой Отечественной войны// Вопросы истории. 2001. №4. С. 127.

² Гуревич А.Я. Историческая наука и историческая антропология// Вопросы философии. 1988 №1. С. 58.

³ ГАРФ, ф. 8131 сч, оп. 37.

⁴ ГАНО, ф. 5980.

⁵ ГАКО, ф. 2943.

⁶ ЦГАРМ, ф. 438

⁷ ГАРМЭ, ф. 415.

⁸ ГАРФ, ф. 6903.

органы власти с просьбой помочь в восстановлении трудового стажа¹.

Первая группа источников — нормативные акты и акты исполнительных органов советского государства. Законы, в которых выражалась воля государства и его политический курс, являются одним из главных источников для изучения политико-правовых факторов мотивации трудовой деятельности. С этой целью рассматривается законодательная база интенсификации труда в условиях войны: Конституция СССР, Уголовный кодекс, Кодекс законов о труде, Указы Президиума Верховного Совета СССР, Постановления СНК СССР, декреты ВЦИК, решения Государственного Комитета Оборона и др. Эти документы позволяют реконструировать правовые основы государственной политики усиления мотивации труда, показывают какими методами претворялась в жизнь политическая линия, сформулированная в законодательных актах. Являясь (как и остальные используемые в работе источники) продуктом человеческого сознания, они, с другой стороны, оказывали непосредственное воздействие на мотивацию поведения трудящегося населения. Восприятие человеком военного времени современных ему законодательных и административно-правовых актов невозможно проанализировать без обращения к их основам. Поэтому небезосновательным представляется рассмотрение правового поля воздействия на сознание трудящегося.

Как правило, документам государственных органов при изучении общественных настроений вообще, и в период Великой Отечественной войны, в частности, историки (и не без определенного основания) доверяют не особо. Е.Ю. Зубкова и А.И. Куприянов — одни из немногих современных исследователей, кто обратил внимание на особую значимость судебно-следственных материалов как источников по изучению общественных настроений².

Несмотря на то, что в основном эти материалы, как и материалы прокуратуры, отражают «не норму, а отклонение от нее, своего рода социальную патологию»³, авторы призывают исследователей не пугаться получения возможных результатов исследования в «мрачных тонах». Именно изучение отклонений от нормы позволяет реконст-

¹ ГАКО, ф. 3842 оп. 2

² Зубкова Е.Ю., Куприянов А.И. Ментальное измерение истории: поиски метода (вместо введения)// Российская ментальность: методы и проблемы изучения// Мировосприятие и самосознание русского общества. М., 1999. Вып. 3// Режим доступа: <http://www.auditorium.ru/books/744/wed.pdf>

³ Там же.

руировать и саму «норму», и политику власти в отношении ее (нормы) поддержания.

Кроме того, необходимо учитывать, что в кризисной ситуации войны возросла заинтересованность власти в *достоверной* информации с мест, на основании которой во многом принимались управленческие решения. Примером того, как строго относились в Прокуратуре СССР к достоверности предоставляемых с мест сведений, может служить секретное письмо начальника оперативной группы государственного советника Юстиции 2-го класса М. Рагинского и.о. прокурора Кировской области Лунгину от 12 декабря 1944 г. Работники прокуратуры Кировской области предоставили в Прокуратуру СССР недостоверный отчет о состоянии жилищного строительства на Омутнинском заводе. Когда это выяснилось, пришло указанное письмо, в котором говорилось: «По Омутнинскому заводу они допустили легкомысленное отношение и ввели в заблуждение прокуратуру СССР. Предупредите их, что в случае повторения подобных фактов, они будут строго наказаны»¹. Именно это обстоятельство позволяет рассматривать материалы прокуратуры как достоверно и реально отражающие определенный «срез» общественного сознания.

Материалы прокуратуры до сих пор не слишком активно привлекаются в качестве исторического источника. Большинство из них только вводится в научный оборот. А между тем они содержат значительное количество разнообразной информации, относящейся к периоду Великой Отечественной войны. Если материалы прокуратуры СССР имеют, в основном, обобщающий характер, то региональные документы содержат в себе яркие, иногда шокирующие подробности тех или иных явлений общественной жизни. Например, в отчетах прокурора Горьковской области Осипова прокурору СССР К.П. Горшенину каждые десять дней в первые месяцы войны фиксировалась общая обстановка с расследованием дел о распространении «ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения», приводились конкретные примеры антисоветских (контрреволюционных) высказываний, статистика правонарушений и др.² Материалы прокуратуры Кировской области содержат информацию о состоянии материально-бытовой базы в деревне, что было вызвано расследованием на протяжении 1943 и 1944 гг. ряда случаев каннибализма в г. Кирове и Кировской области³. Кстати, автор впервые встретил

¹ ГАКО, ф. 2943, оп. 8, д. 51, л. 155.

² ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 14.

³ ГАКО, ф. 2943, оп. 8, д. 51, л. П.

документы о подобных фактах в открытом для исследователей доступе.

В принципе можно сказать, что разнообразие сфер прокурорского надзора, широта полномочий органов прокуратуры, необходимость государства в своевременной, оперативной и достоверной информации - вот факторы, которые придают документам центральной и региональных прокуратур несомненную ценность и значимость в качестве исторического источника для изучения общественных настроений населения периода Великой Отечественной войны.

Документы информационно-идеологического характера разнородны и неравнозначны по степени репрезентативности. Официальная информация (сводки, передовицы, репортажи с мест) партии и правительства публиковалась в печати с учетом ее доступности широким массам населения и имела, в основном информирующий или агитационный характер.

Периодическая печать стала источником при анализе некоторых аспектов исследования. Будучи на сегодняшний день достаточно изученным видом источника, что во многом объясняется его доступностью, периодическая печать, пресса, тем не менее, представляет значительный интерес с точки зрения реконструкции морально-психологической атмосферы формирования мотивации труда. Именно высокий эмоциональный потенциал, которым обладал ряд публикаций в прессе военного времени, предоставляет историку неопценный материал для исследования. Об этом, в частности, писала исследователь Л.Д. Дергачева: «...условия военного времени требуют от прессы более сильного, чем обычно, психологического влияния на читателя, поэтому в годы войны на первый план выдвигается ее агитационная роль. Для историка это не лучшая ситуация, поскольку публицистика с ее эмоциональным накалом не может беспристрастно отражать происходящее. Выход — в знании возможностей источника того или иного вида (что он в состоянии осветить подробно и правдиво, а что с определенными искажениями)»¹.

В материалах периодической печати не допускались упоминания фактов, которые могли бы возбудить тревогу среди населения, или настроить его против власти. Это дает исследователям возможность охарактеризовать состояние общества по принципу «от обратного»:

¹ *Дергачева Л.Д.* Источниковедческие проблемы советской журналистики военного времени (1941-1945 гг.)// Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1999. №2. С. 4.

чего боялась власть, что было знать «не положено», и, напротив, какую общественную реакцию необходимо было стимулировать

В этом отношении показательны *материалы цензуры всесоюзного радио*. Радио в годы войны было одним из самых эффективных средств осуществления информационно-идеологического контроля. Историк советского радио Т.М. Горяева, считает, что «сила воздействия голоса без изображения на сознание человека обладает уникальными свойствами Видеть говорящего - значит понимать, что мы слышим мнение одного конкретного человека, с которым мы можем не соглашаться. Голос-невидимка претендует на большее — на абсолютную истину в последней инстанции»¹. Именно поэтому содержание радиопередач - ценный и репрезентативный источник.

Тексты радиопередач хранятся в Государственном архиве Российской Федерации в фонде Р-6903 - Комитет по радиовещанию и радиофикации при СНК СССР. Анализ этих документов позволяет не только выяснить направленность и содержание ежедневных радиопередач, но и проследить за работой цензуры в период войны, выяснить какая информация не выпускалась в эфир. Документы представляют собой машинописный текст радиопередачи с отметками даты и времени выхода в эфир. Наибольшей ценностью при характеристике информационно-идеологического контроля обладают карандашные правки и пометки цензора - уполномоченного Главлита. Сравнение вычеркнутого или исправленного текста с первоначальным вариантом предоставляет возможность проследить «технологию» работы с массовым сознанием. После прохождения цензуры на тексте радиопередачи ставился штамп: «Передача в эфир разрешается».

Учитывая степень влияния на советское общество периода войны культа личности *И. В. Сталина*, можно также говорить о важности такого источника как его *выступления и речи*. Как отмечает В.В. Смолененкова: «Военные речи Сталина, их роль в формировании патриотического духа нации и, как следствие этого, в победе в Великой Отечественной войне, никогда не были исследованы в должной мере»².

В частности, выступление И.В. Сталина 3 июля 1941 г. Несмотря на то, что оно стало предметом довольно пристального рассмотрения в

¹ Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920-х — начале 1930-х годов. Документированная история. М., 2000. С. 4.

² Смолененкова В.В. Риторика Сталина военного времени. Приказ №70// Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_105.shtml

целом ряде работ¹, нам представляется целесообразным для решения исследовательских задач еще раз остановиться на его ключевых моментах. Выступления лидера государства в значительной степени формировали мотивационную сферу трудящегося гражданина. Содержание и форма сталинских обращений была довольно специфичной. В частности, на это обращает внимание психолог, Академик РАО Д.В. Колесов: «Цель идеолога — дать ключевые слова-стимулы, которые автоматически способны вызвать необходимую реакцию (настроение, отношение, действие) или же становиться центром обобщения в нужном направлении разрозненной информации, накопившейся в психике»²—

Можно также согласиться с мнением исследователей воздействия языка на массовое сознание в советском обществе О.А. Мусориной, Е.Ю. Алешиной и Е.В. Кочетовой, которые считают, что: «Лапидарность сталинских высказываний находилась в общем русле его стиля. Эти цитаты легко запоминались, отвечая, по сути, требованиям современных технологий воздействия на массовое сознание»³. Содержание и форма высказываний И.В. Сталина говорят о том, что он и сам был неплохим психологом⁴, был знаком с литературой по психологии⁵, что подчеркивает силу воздействия его выступлений.

Учитывая то, что выступления лидера государства доводились до

¹ Кроме указанных работ Д.В. Колесова и В.В. Смолененковой, нужно еще выделить: *Черепанов В.В.* Власть и война: Сталинский механизм государственного управления в Великой Отечественной войне. М., 2006. С. 96-101.

² *Колесов Д.В.* И.В. Сталин: Право на власть. М., 2000. С. 60.

³ *Мусорина О.А., Алешина Е.Ю., Кочетова Е.В.* Язык как способ воздействия властей на массовое сознание в советские годы (на примере пензенского региона). Пенза, 2005. С. 204.

⁴ «У Сталина была своя собственная философия, граничащая с психологией личности», — отмечает Л.В. Шекунова (*Шекунова Л.В.* Сталинские маргиналии как исторический источник// Власть и общество в России. XX век: Сб. научных трудов/ Под ред. В.П. Попова и др./ МПГУ, ТГТУ. М.; Тамбов, 1999. С. 177); Милован Джилас вспоминал, что Сталин говорил ему на приеме Югославской делегации 13 апреля 1945 г: «Вы, конечно, читали Достоевского? Вы видели, какая сложная вещь человеческая душа, человеческая психология?» // *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992. С. 81.

⁵ В январе 1940 г., как вспоминал Г. Димитров, Сталин сказал маршалу Кулику, который излишне взволнованно доложил ему о проблемах на советско-финском фронте: «Вы впадаете в панику. Я вам pošлю книгу Челпанова об основах психологии... Нужно отбросить всю эту дрянь, и решать на основании фактов, не под влиянием моментальных настроений и странных, несуществующих вещей!» // Цит. по: *Невежин В.А.* Сталин о войне: Застольные речи 1933-1945 гг. М., 2007. С. 114.

практически каждого гражданина (неоднократные повторы по радио, «громкие читки» агитаторов во время обеденных перерывов на предприятиях, регулярное изучение «речей товарища Сталина»), не оставалось, по сути, никого, кто бы не был знаком с их содержанием. Анализ его выступлений с точки зрения историко-психологической реконструкции позволяет не только выявить механизм формирования общественного мнения, но и диалектически указывает на содержание социальных ожиданий граждан. В работе анализируются, в основном, опубликованные речи и выступления И.В. Сталина, его статьи¹.

Одним из самых оригинальных для историко-психологического исследования источников являются *советские плакаты*. Плакаты, как средство информационно-идеологического воздействия отличаются особой организацией формирования и подачи информации. Л.С. Выготский писал: «...всякое произведение искусства естественно рассматривается психологом как система раздражителей, сознательно и преднамеренно организованных с таким расчетом, чтобы вызвать эстетическую реакцию. При этом, анализируя структуру раздражителей, мы воссоздаем структуру реакции»². Это утверждение выдающегося советского психолога, на наш взгляд, выражает возможность применения метода историко-психологической реконструкции эмоциональной сферы трудовой деятельности, которая формировалась плакатом как видом искусства.

Психологизм, определяющий отношение художника к конкретной ситуации, призыв к действию, равнодушие - вот те особенности плаката, которые позволяют приблизиться к реконструкции эмоционально-психологической атмосферы, окружавшей трудящегося военного времени. Символизм, образность плаката были призваны вызывать у зрителя переживания и эмоции, аналогичные тем, что переживают герои сюжета³.

В данной работе мы исходим из того положения, что плакат не только отражал действительность, отвечал «мироощущению борюще-

¹ *Сталин И.В.* Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) // XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б) 10-21 марта 1939 г.: стенографический отчет. ОГИЗ, 1939. С. 9-38; *Сталин И.В.* Сочинения; *Сталин И.В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. ОГИЗ: Горьковское областное изд-во, 1943; *Невежин В.А.* Сталин о войне: Застольные речи 1933-1945 гг. М., 2007.

² *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1987. С. 27.

³ *Демосфенова Г., Нурок А., Шантыко Н.* Советский политический плакат. М., 1962. С. 142.

гося народа»¹, но и с помощью эмоций (через эмоции) оказывал влияние на поведенческую мотивационную сферу трудовой и общественной деятельности². Другими словами, плакат был действенным средством формирования трудовой мотивации.

Вторая группа документов — источники личного происхождения.

Этот вид источника очень важен для понимания специфики общественных процессов, выяснения мотивации поведения. Сознание человека, определяясь общественным бытием, в свою очередь, сказывается на выборе альтернатив поведения и этим диалектически оказывает воздействие на окружающий мир. Именно поэтому историческое бытие индивидуума также может стать объектом исследования при изучении массовой психологии, поскольку «общество как система в качестве последнего, неделимого элемента социума» состоит из «отдельного человека»³.

О значимости изучения индивидуальной психики, как о необходимом условии получения нового знания о психологии социума говорил Л.С. Выготский. В работе «Психология искусства» он писал: «Именно психология отдельного человека, то, что у него есть в голове, это и есть психика, которую изучает социальная психология»⁴. Говоря о соотношении индивидуальной и коллективной психики, он также подчеркивал их диалектическую взаимосвязь: «Мы имеем все основания утверждать, что с психологической точки зрения нет принципиальной разницы между процессами народного и личного творчества»⁵.

Одним из наиболее интересных, своеобразных и необходимых для проведения подобного исторического анализа видов исторических источников являются *письма*. Именно в письмах, как отмечает, в частности, И.Ю. Моисеева, не только содержалась информация, которая была особенно дорога для читателя, но с их помощью формировался образ врага: «негативный.. несущий ощущение угрозы, чувство ненависти и презрения»⁶.

¹ *Сыздалев П.К.* Советское искусство периода Великой Отечественной войны. М., 1965. С. 51.

² Исследователь Н.Г. Пелыгутов так писал об «Окнах ТАСС»: «Многие из них по силе эмоционального воздействия стоят наряду с такими выдающимися произведениями искусства, как гимн «Священная война» или «Седьмая симфония» Д. Шостаковича» // *Окна ТАСС. Сб. сост. Н.Ф. Денисовский.* М., 1970. С. 9.

³ *Руткевич М.Н.* Общество как система. Социологические очерки. СПб., 2001. С. 11.

⁴ *Выготский Л.С.* Психология искусства. М., 1987. С. 17.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ *Моисеева И.Ю.* Тема войны и «образ врага»: опыт реконструкции по материалам солдатских писем 1941-1945 годов // *Клио.* 2004. №1(24). С. 192.

Письма, сами по себе отражающие специфический «срез» общественного сознания, в кризисной ситуации войны приобретали особое значение. Их изучение позволяет внести ощутимый вклад в изучение «человеческой истории», как определял ее А. Верт, «в отличие от истории войн»¹. И хотя, как отмечает Н.Д. Козлов, «к настоящему времени издано более 180 сборников писем»², их объективное и «внеидеологическое» изучение, по сути, началось лишь недавно³.

При анализе источников подобного характера необходимо иметь в виду, что процесс написания письма, ожидание и чтение ответа - была для воина единственной связью с домом. Письма - мысленная, ментальная связь с родиной, с близкими — редкая возможность почувствовать тепло дома. Это не просто информативный документ, а еще и свидетельство того, что близкий человек жив, здоров и, значит, есть надежда на встречу. В этом смысле письмо несет особую энергетику ожидания и надежды. Смысл письма очень трудно понять тому, кто сам никогда не писал писем и не ждал ответа.

Уникальным источником личного происхождения, практически не привлекавшимся исследователями для характеристики трудовой мотивации, являются письма граждан во властные органы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 г. труженики тыла награждались медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны», а указом от 25 апреля 1975 г. медалью «30 лет Победы над фашистской Германией». Награжденные этими медалями получали определенные льготы и те труженики, документы которых были утеряны, либо они непредусмотрительно легкомысленно отнеслись к документальному оформлению награды, писали письма в архив с просьбой подтвердить их трудовой стаж. В этих письмах они, как правило, помимо прочего описывали свое отношение к характеру труда. Учитывая, что это не являлось главной целью написания писем, и, несмотря на то, что многие, естественно, описывали исключительно позитивные примеры, специфика данного

¹ *Верт А.* Россия в войне 1941-1945. М., 2003. С. 21. А мы бы еще добавили: в отличие от истории классов и партий (В.С.).

² *Козлов И.Л.* С волей к победе. Пропаганда и обывденное сознание в годы Великой Отечественной войны. СПб., 2002. С. 32.

³ *Сенявская Е.С.* 1941—1945. Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М., 1995; *Пушкарев Л.Н.* Словесные источники для изучения ментальности народа в годы Великой Отечественной войны// Вопросы истории. 2001. №4; *Козлов Н.Д.* Цит. соч.; *Моисеева И.Ю.* Тема войны и «образ врага»: опыт реконструкции по материалам солдатских писем 1941—1945 годов // Клио. 2004. №1(24).

источника позволяет довольно адекватно реконструировать некоторые стороны трудовой мотивации авторов писем.

Кроме указанных, в качестве источников для написания работы использовались письма граждан И.В. Сталину, написанные в предвоенный и военный периоды. Их авторы обращались к лидеру государства за помощью с личными просьбами. Форма обращения, содержание просьб и характер писем позволяют реконструировать образ И.В. Сталина в сознании авторов писем и его влияние на мотивацию труда.

В качестве одного из наиболее ценных источников большинством исследователей используются *дневники* участников и очевидцев событий. При всей индивидуальности, субъективности этого источника, он при пристальном анализе может предоставить историку много ценной информации. Еще в 1966 г. А.К. Уледов писал: «Бесспорно, есть большое различие между общественным и индивидуальным мнениями. Но почему же эти различия следует рассматривать в качестве преграды для познания общественного мнения?... общественное мнение представляет собой суждения, которые являются общими для целых социальных групп или всего общества, индивидуальное же мнение принадлежит личности и в нем всегда есть нечто, отражающее своеобразие ее жизненного пути, свойственное только ей. Однако как бы не различались общественное и индивидуальное мнения, они всегда связаны между собой»¹.

Дневниковые записи ценны не только тем, что они сделаны «по горячим следам», но и тем, что они в отличие от официальных документов содержат информацию неформального, зачастую противоречившего официальной идеологии характера. Именно это дает возможность исследователю проанализировать уникальные личностные аспекты общественной психологии.

Таким образом, говоря об использованных в работе источниках, необходимо помнить, что только комплексное их применение, предметный источниковедческий анализ с учетом системных процессов общественного развития может стать основой всестороннего научного анализа проблемы.

¹ Уледов А.К. О философской методологии и конкретных методах социально-психологических исследований// Методологические вопросы общественных наук: Сб. статей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. С. 62.

Глава II

Политико-правовые факторы трудоуодной мотивации

Нельзя попустительствовать беспорядку, чтобы избежать войны, ибо войны не избежишь, а преимущество в войне утратишь.

Н. Макиавелли. Государь

§1. Советское трудовое законодательство

Трудовая деятельность, обусловленная духовными и физическими пределами возможностей человеческого организма, в годы войны по своим объемам далеко выходила за нормальные для мирного времени рамки. Трудовое законодательство предвоенного и военного периода формировалось властью с постоянным учетом специфики психологии советского общества. Это проявлялось не только в грамотном манипулировании общественным сознанием с помощью метода «кнута и пряника», но и в постоянном контроле над его состоянием и изменениями, над мнениями простых граждан о действующем законодательстве.

Практически ни один законодательный акт, предназначавшийся для публикации, не обходился без соответствующего психологического сопровождения. Как правило, в преамбуле указа или постановления с использованием методов идеологического воздействия были представлены причины изменения (в сторону усиления интенсивности) условий труда.

Поскольку законодательство имело, в основном, репрессивный характер, необходимо было, во-первых, добиться понимания каждым трудящимся тяжести и неотвратимости наказания. Во-вторых — создать в сознании трудящегося иллюзию самостоятельного выбора своей судьбы¹. Каждый теоретически мог делать целеполагающий выбор, решать для себя соблюдать ли ему законодательство, трудиться на пределе возможности «во имя Победы», или жить и трудиться не так интенсивно, неизбежно не выполнить повышенной нормы, оказаться под судом и подвергнуться репрессии.

Власть, проводя идеологическую работу с целью доведения до сознания *каждого* трудящегося (неслучайно, что все нарушители трудовой дисциплины в первый раз назывались *несознательными*)

¹ Как писал Е.П. Ильин: «Принятие человеком требований роли (я должен), преобразование приказа, требования внешнего сигнала в мотив (необходимо сделать) можно рассматривать как формирование своеобразного защитного психологического механизма (стремление к избеганию наказания), создающего ощущение независимости и основание для самоуважения (вспомним: «свобода — осознанная необходимость») // *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб., 2000. С. 103.

необходимость увеличить трудоотдачу в соответствии с условиями войны, активно использовала формулу «народного одобрения» или, напротив «народного осуждения». Данный прием часто производил ожидаемый эффект, чему способствовала высокая степень уверенности населения в правдивости власти. Так, в журнале «Социалистическая законность» в 1942 г. была помещена заметка, посвященная работе военных трибуналов в условиях войны. В ней, в частности, говорилось: «На боевые действия Красной Армии тыл отвечает новым трудовым подъемом. Поэтому рабочие и служащие с особым отвращением относятся к дезертирам трудового фронта и с удовлетворением встречают приговоры военных трибуналов, строго наказывающих за дезертирство с фронта труда»¹. В данном случае можно говорить о попытке вызвать у читателей и слушателей ощущение *коллективной ответственности* за интенсивность труда. Каждый должен был определиться с кем он: с теми, кто отвечает на успехи Красной Армии трудовым подъемом и с отвращением относится к дезертирам и с «удовлетворением встречает приговоры» или с тем, кто как раз и является нарушителем. В данном случае не столь важно были ли такие «осуждающе-одобряющие» граждане и сколько их было на самом деле. Важно то, что власть таким способом четко давала понять и неустанно повторяла: *надо* быть с теми, кто всеми силами трудится на благо родины. Далее - прозрачный намек на то, что бывает с теми, кто избрал для себя иной путь.

Трудовые отношения в советском государстве были закреплены в конституции, принятой Восьмым Чрезвычайным съездом Советов 5 декабря 1936 г. Согласно ст. 12, труд в СССР является *обязанностью и делом чести* каждого способного к труду гражданина по принципу: «кто не работает, тот не ест»². Такая трактовка открывала широкие возможности, прежде всего, для политико-административных методов мотивации труда. Соблюдение дисциплины труда ставилось в один ряд с соблюдением самой конституции и исполнением законов (ст. 130).

Говоря о законодательной базе регулирования трудовых отношений этого периода, оценивая степень его «жесткости» и характер правоприменительной практики, необходимо учитывать реальную историческую атмосферу, в которой формировалось трудовое зако-

¹ Военные трибуналы в условиях Великой Отечественной войны// Социалистическая законность. 1942. №7.

² Кужушкин Ю.С., Чистяков О.И. Очерки истории советской Конституции. М., 1987. С. 287.

нодательство. Еще в 1934 г. И.В. Сталин, выступая на XVII съезде партии, сказал: «Дело явным образом идет к новой войне»¹. Именно это выражение стало определяющим стратегическим лозунгом текущего момента. Идеология и культура, политика и экономика были ориентированы на создание военного потенциала, который должен был обеспечить победу в грядущей войне.

Данное обстоятельство, в первую очередь, предполагало использование не столько идеологических методов интенсификации труда, основанных на восприятии трудящимися идеи социалистических преобразований, сколько методов принудительного характера. Соответственно, в конце 30-х гг. одной из главных составляющих государственной политики увеличения производительности труда стала проблема трудовой дисциплины, которая напрямую зависела от *добросовестного* выполнения каждым трудящимся принятых обязательств². Именно *сознательность* каждого трудящегося должна была, по замыслу власти, стать основой внутренней трудовой мотивации. Но на практике результаты «культурной революции» были далеко не подавляющими. Сознание населения, безусловно, изменилось, но не настолько, чтобы власть использовала лишь побуждение в качестве основы мотивации.

СНК СССР и ЦК ВКП(б) 21 декабря 1938 г. приняли постановление «О мероприятиях по упорядочению трудовой дисциплины, улучшению государственного социального страхования и борьбе со злоупотреблениями в этом деле»³. Постановление в значительной части основывалось на признании действительности побудительных мотивов сознательного трудового поведения. В преамбуле документа подчеркивалась мысль о всенародном характере общественного труда в СССР, об отсутствии эксплуатации труда частными лицами, «хозяевами». Это, по замыслу разработчиков документа, должно было вызвать в сознании трудящихся ощущение вынужденности и необходимости усиления дисциплинарных мер организации труда. Главным основанием таких изменений власть считала то, что *«трудящиеся Советского Союза работают не на капиталистов, а на самих себя, на свое государство»*. Тем самым объяснялась правомерность действий правительства по укреплению трудовой дисциплины как соответствующих интересам большинства, государственным интересам.

¹ Сталин И.В. Вопросы ленинизма. Изд. 10-е. М., 1937. С. 544.

² Каринский С.С. Основы законодательства о труде рабочих и служащих промышленных предприятий. М., 1940. С. 119.

³ Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. №1. 1939. 7 января. С. 1.

Большинству противопоставлялись «отдельные несознательные, отсталые или недобросовестные люди - летуны, лодыри, прогульщики и рвачи»¹, которые, несмотря на свою, как указывалось в документе, малочисленность, все же наносили значительный ущерб государству потерей рабочего времени. Апеллирование к сознательности рабочих свидетельствует о характерном сочетании в процессе усиления трудовой мотивации репрессивных и идеологических методов.

К последним можно отнести стремление власти создать вокруг нарушителей своеобразную атмосферу общественного неприятия. Люди, часто менявшие место работы по личным мотивам, создавали текучесть кадров на предприятии. Предприятию приходилось набирать новых рабочих, обучать их сложным техническим операциям. Все это приводило к непредвиденным расходам и снижало производительность труда. Совершенно неслучайно такие люди были названы в документе «летунами». Применение такого термина, с одной стороны, подчеркивало негативное отношение к ним, с другой — придавало такому отношению эффект «народного» происхождения. Противопоставление «отдельных, несознательных» граждан всем трудящимся и государству, по сути, ставило нарушителей труддисциплины в очень сложное положение, граничившее с положением изгоя, человека стоявшего вне закона. Только исполнение всех производственных заданий, «честный, добросовестный труд» делали человека полноценным гражданином, со всеми вытекающими отсюда обязанностями и правами. Моральное осуждение «летунов» по мере приближения войны с неизбежностью стремилось к трансформации в правовое закрепление работников за предприятиями.

Административно-правовое воздействие на мотивацию труда достигает своего наиболее яркого воплощения в издании указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений»². В качестве идеологического «подкрепления», разъясняющего *политическую* необходимость принятия указа, в тот же день было принято обращение ВЦСПС, в котором подчеркивалась взаимосвязь внешней угрозы и государственной необходимости увеличения рабочего времени - частичного отступления от основных завоеваний революции. В обращении говорилось: «...Возросла воен-

¹ Собрание постановлений и распоряжений Правительства СССР. №1. 1939. 7 января. С. 1.

² Ведомости Верховного Совета СССР 1940. №20. 5 июля. С. 1.

ная опасность для нашей страны, международная обстановка стала чревата неожиданностями... Для дальнейшего укрепления мощи своей Родины рабочий класс СССР *должен* пойти на необходимые жертвы (курсив мой — В.С.). ВЦСПС считает, что нынешний 7-6-часовой рабочий день на наших предприятиях и в учреждениях в настоящее время недостаточен для выполнения задач, стоящих перед советской страной»¹.

Надо отметить, что власть откровенно связывала увеличение государственной эксплуатации труда с необходимостью всеобщего выживания в преддверии грядущей войны, хотя об этом и не было сказано напрямую. Слова о жертвах, на которые должен пойти рабочий класс, предполагали некоторые «доверительные» отношения власти и общества. Примечательно, что приблизительно в подобном тоне было выдержано и выступление И.В. Сталина 3 июля 1941 г., который обращался к «братьям и сестрам» с просьбой отрешиться от благодушия, беспечности и настроений мирного строительства².

Указ 26 июня 1940 г. увеличивал рабочий день до 8 часов и запрещал «самовольный уход» рабочих и служащих с предприятий и учреждений, а также «самовольный переход» с одного предприятия на другое, за исключением переходов по болезни или по причине поступления в вуз. По сути, данный указ лишал работника возможности самостоятельного принятия решения относительно своей дальнейшей судьбы. Любое решение об изменении своего статуса в связи с личными мотивами теперь практически полностью зависело от руководства предприятия или учреждения. Ст. 5 этого указа устанавливала ответственность за самовольный уход рабочих и служащих с предприятий и учреждений (ч. 1) и за прогул без уважительных причин (ч. 2). Ответственность по части 1 ст. 5 предусматривала наказание по приговору суда в виде тюремного заключения сроком до 4 мес. Часть 2 ст. 5 предусматривала ответственность за прогул без уважительных причин в виде привлечения к исправительно-трудовым работам на срок до 6 мес. с удержанием 25% заработной платы.

На практике действие указа от 26 июня 1940 г. сталкивалось с определенными казусами, которые были связаны с тем, что нередко нарушителями становились не «лодыри, прогульщики и летуны», а вполне дисциплинированные работники, волею случая, опоздавшие

¹ Правда. 1940. 27 июня.

² Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза ОГИЗ: Горьковское областное издательство, 1943. С. 11.

на работу. Власть не признавала «случайности» подобных нарушений. Поскольку основополагающим принципом советской трудовой дисциплины была «сознательность», дисциплинированный трудящийся по определению не мог допустить какого-либо ее нарушения по неуважительной причине. Статья 10 УК РСФСР предусматривала две формы вины: умысел и неосторожность. Прогул мог быть совершен как умышленно, так и по неосторожности, в результате «преступной самонадеянности или небрежности». Самовольный уход, согласно существовавшей правовой традиции, был возможен только при наличии у работника намерения оставить место работы, «уйти с него и больше на него не возвращаться»¹. В любом случае нарушение трудовой дисциплины рассматривалось как *осознанное* действие, т.е. (учитывая специфику уголовного права этого периода) как сознательное сопротивление власти.

Именно поэтому в ряде случаев возникали противоречия в решениях судов по делам о прогулах и опозданиях, совершенных передовиками производства и активными общественниками. Суды, следуя логике конкретной ситуации, нередко при вынесении приговора принимали во внимание положительные отзывы с места работы подсудимых. На основании этих характеристик суды смягчали приговоры. Власть решала проблему подобного противоречия, применяя известный архетип «свой — чужой». Согласно этому принципу, человек, сознательно допустивший нарушение, не мог считаться полноценным гражданином, и к нему в полной мере должно было применяться судебное решение.

Данный подход к оценке нарушений трудовой дисциплины был определен постановлением Пленума Верховного суда СССР от 15 августа 1940 г. «О недостатках судебной практики по делам о самовольном уходе рабочих и служащих с предприятий и учреждений и о прогулах без уважительных причин»².

Согласно этому постановлению, судам предлагалось не допускать смягчения наказаний или назначать условное осуждение. Запрещалось при вынесении приговора рассматривать отзывы с места работы или положительные характеристики осужденных. По мнению пленума, подобные отзывы давались с места работы для того, «чтобы выгородить от законной ответственности злостных нарушителей тру-

¹ Утевский Б.С. Преступления в области трудовых отношений. М., 1945. С. 7.

² Трудовое законодательство в СССР. М., 1941. С. 237

дой дисциплины, которые никак *не могут быть ни стахановцами, ни образцовыми работниками*» (курсив мой — В. С.)¹.

Субъективность принятия решения о наказании или оправдании подсудимого была очень высока. Зависимость судей приводила к многочисленным судебным ошибкам, что также не оставалось без внимания государства. В секретном представлении прокурора СССР В.М. Бочкова в ЦК ВКП(б) о числе осужденных по указу от 26.06.40 г., составленном через три месяца после его подписания, говорилось о наличии среди судей «перестраховщиков», которые выносили неосновательные решения об осуждении². «Некоторые народные суды, - отмечал М.В. Бочков, - не вникая в существо дела, механически выносят обвинительные приговоры вне зависимости от уважительных причин прогула»³.

Таким образом, указ 26 июня 1940 г. призван был не только усилить репрессию по отношению к действительным нарушителям, но и психологически воздействовать на всех трудящихся в целом: его действие активизировало в сознании работника, с одной стороны, потребность в безопасности, с другой, в качестве противоположности - потребность в общественном признании. Соблюдая установленные указом предписания, работник мог чувствовать себя более уверенным в том, что его не коснется репрессивный механизм государственной системы, а в глазах общественности он будет выглядеть как дисциплинированный работник. Точное соблюдение указа судебными работниками, сведение к минимуму неосновательных приговоров должно было обеспечить авторитет власти в этом вопросе, создать в обществе впечатление об адекватности и неизбежности наказания, привести к конструктивным результатам и ограничить влияние его де-мотивирующей составляющей.

Практику применения указа от 26 июня 1940 г., уровень правосознания и личное восприятие гражданами его положений можно проанализировать на примере трудового конфликта между бойцом пожарной охраны Горьковского лесозавода И.В. Гвоздевым и руководством предприятия. И.В. Гвоздев 21 июня 1941 г. написал письмо в правление Горьктранслеса с просьбой освободить его от работы. В этом письме автор приводит ряд причин, по которым он не мог дальше оставаться в данной должности. Интересно, что анализ аргу-

¹ Трудовое законодательство в СССР. М., 1941. С. 237.

² Опубликовано в: Трудовые конфликты в СССР. 1930-1991: Сб. статей и документов. М., 2006. С. 277.

³ Там же. С. 275.

ментов, приведенных в письме, позволяет проследить соотношение личных и общегосударственных интересов, их восприятие в сознании рабочего.

И.В. Гвоздев в своем заявлении писал: «Жена моя с детьми работает в колхозе в Вологодской области, имеет там дом, колхоз дал ей корову. Она решительно *не желает* (курсив при цитировании письма мой - *В.С.*) работать со мной на производстве, считая колхозную работу для себя более привычной и поэтому наиболее подходящей. Это обстоятельство заставило меня подать заявление директору лесозавода т. Куликову, чтобы он уволил меня с работы на заводе для работы в колхозе»¹. Мотивировка данного решения, очевидно, обусловлена личными факторами. Получив отказ у директора, И.В. Гвоздев обращается к вышестоящей инстанции, критикуя своего непосредственного начальника: «он дальше своего «не могу» не мыслит, мне же приходится думать не только о месте работы, но и о том, как работать врозь с семьей»².

Бытовые проблемы, невозможность нормально содержать семью, переживание разлуки с родными - вот основные мотивы желания сменить место работы. Откровенное признание в этом автора письма не оставляет сомнения в действенности данного фактора: «Последний вопрос для директора завода не играет роли, а для меня является *решающим*. Мой заработок при жене и двух детях не покрывает общих потребностей. Раздельное житье с женой, в конечном счете, приводит к алиментам и тогда мне остается одна только работа на «чужую» семью (? - *В.С.*). *Какая же это жизнь?* Уж один этот вопрос есть отравка. С таким вопросом еще жить кое-как можно, но работать спокойно нельзя»³.

Примечательно, что автор письма — рядовой работник лесозавода, боец пожарной охраны обладает высокой рефлексией относительно текущего момента, ориентируется в обстановке, не боится критиковать непосредственное начальство за, как тогда говорили, «бездушное» отношение к рабочему человеку. Излагая свою проблему, И.В. Гвоздев обращает внимание на то, что «вот этого директор лесозавода не хочет знать. Он вполне обнадеялся (так в тексте — *В.С.*) на свое единоначалие и безграничную возможность применения принудительных мер. О том, что рабочий человек попадает в конфликт со своей работой, ему, директору нет дела. Он имеет в ви-

¹ ЦАНО, ф. 2969, оп. 6, д. 8, л. 263.

² Там же.

³ Там же.

ду только экономику предприятия, а забота о человеке его не касается»¹. Автор письма в этих словах поразительно точно и тонко передал суть нового законодательства: интересы предприятия, государства, общества были намного выше для власти интересов отдельного человека. В этом трагизм и величие трудового подвига работников тыла. Обстоятельства, вызванные войной.

Понимая (и надеясь), что проблему, скорее всего, можно решить лишь обратившись к наиболее возможно высоким инстанциям, И.В. Гвоздев упоминает, в этом отношении, имя И.В. Сталина, слегка намекая, что может обратиться и к нему. «Это, видимо, личное дело т. Сталина, но я не думаю, что по такому простому вопросу надо беспокоить т. Сталина. Полагаю, что директор л/завода должен уметь смотреть несколько дальше экономики»². Далее автор письма демонстрирует высокую осведомленность и знакомство с основами трудового законодательства: «Я слышал по радио и из выступлений по закону от 26/VI '40 г., что увольнение с работы это исключительное право директора. И все же обращаюсь к Вам с просьбой помочь мне уйти в колхоз, к своей работе вместе с семьей и не заставлять меня делать работу, ставшую для меня *чужой*. *Посоветуйте* директору уволить меня с работы на л/заводе»³. Автор понимает, что действие указа не может быть изменено, но питает слабую надежду, что в его конкретном случае будет сделано исключение. Отсюда такие робкие формулировки: «посоветуйте директору» и, если «это... личное дело т. Сталина, ...то мое дело безнадежно плохо»⁴.

Реалии процесса подготовки страны к войне, а также возможные причины личного характера не позволили руководству лесозавода положительно решить вопрос автора письма: 25 июня 1941 г. на письмо была наложена резолюция «Ответ об отказе дан открыткой»⁵.

Архивные материалы, документы прокуратуры показывают, что власть была заинтересована не только в назначении наказания за действительно имевшее место нарушение закона, но и в выяснении морального облика нарушителя, дабы выявить связь между нарушением и его субъектом. В обзоре работы Горьковской Осблпрокуратуры за четвертый квартал 1941 г. прокурор области Осипов отмечал: «Прокуроры должны добиться, чтобы ни один гражданин, не совер-

¹ ЦАНО, ф. 2969, оп. 6, д. 8, л. 263.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

шивший преступления, не был привлечен к уголовной ответственности, чтобы ни одно не доследованное дело не было направлено в суд»¹. Обращая внимание на качество расследования дел при минимальном его сроке, прокурор призвал к достижению «крутого поворота по надзору за расследованием», особенно важному в военное время².

В качестве иллюстрации подобного подхода к расследованию дел по указу от 26 июня 1940 г. можно привести документ о трагикомическом случае на одном из заводов г. Дзержинска³.

Правовые основы принудительной мотивации труда, заложенные в 1918-1930-е гг., были развиты и применены уже в первый день войны. 22 июня 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «О военном положении»⁴. Этот документ призван был активизировать в сознании трудящихся весь мотивационный потенциал, сформированный властью в предвоенный период.

Через четыре дня, 26 июня был принят указ ПВС СССР «О режиме рабочего времени рабочих и служащих в военное время». Директорам предприятий промышленности, транспорта, сельского хозяйства и торговли было предоставлено право устанавливать с разрешения СНК СССР обязательные сверхурочные работы для рабочих и служащих. Продолжительность сверхурочных определялась от 1 до 3 часов (ст. 1). Оплата работ должна была производиться в полуторном размере (ст. 4). Освобождались от сверхурочных работ беременные женщины и женщины, имевшие грудных детей в возрасте до 6 месяцев (ст. 3). Лица, не достигшие 16-летнего возраста, могли

¹ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 18, л. 8.

² Там же. Л. 9.

³ «Постановление. 13/Х-41 г. Н/судья 2-го участка г. Дзержинска Сычев, рассмотрев материал о краже спирта рабочим 1 цеха завода им. Свердлова Генераловым Михаилом, присланный комендантским отделом этого же завода, и усматривая из материала, что Генералов, выпив некоторое количество спирта, всю смену работал и от работы не отстранялся. Поэтому он не может быть предан суду как за кражу, а подлежит наказанию в административном порядке. Поэтому материал возвратить комендантскому управлению для направления в дисциплинарном порядке и разъяснить, что за кражу спирта возможно предание суду только в том случае, когда спирт будет выноситься похитителем в какой-либо посуде. А затем, если рабочий или служащий, выпив спирт во время работы, будет отстранен от работы до ее окончания, то в этом случае он подлежит преданию суду по Указу от 26/VI-40 г. Подпись: н/судья Сычев». Подлинник. Машинопись// ГОПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 2106, л. 3.

⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. №29 26 июня. С. 1.

быть привлечены к обязательным сверхурочным работам продолжительностью не более 2 часов в день¹.

Объясняя трудящимся вынужденность принятия таких жестких мер, И.В. Сталин в выступлении 3 июля 1941 г. говорил: «...Необходимо, чтобы наши люди, советские люди *поняли* (курсив мой - В.С.) всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от настроений мирного строительства, вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение... Нужно, чтобы советские люди *поняли* это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили свою работу на новый военный лад, не знающий пощады врагу»². Эта установка стала определяющей в формировании мотивации труда рабочих и служащих обороняющейся страны.

26 декабря 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ «Об ответственности рабочих и служащих военной промышленности за самовольный уход с предприятий»³. Цель указа - «безусловное» закрепление рабочих и служащих за предприятиями, на которых они работали. Все они объявлялись мобилизованными *до конца войны*. Это новое правовое положение трудящихся потенциально могло одновременно являться и мотивирующим и де-мотивирующим фактором⁴. В каждом конкретном случае применение указа 26 декабря на практике давало разный эффект, что во многом зависело от субъективных факторов: личностных характеристик руководителей и подчиненных, вступавших во взаимоотношения посредством исполнения данного указа.

Усиление репрессии было психологически ориентировано на явных или потенциальных нарушителей трудовой дисциплины, «неустойчивых» граждан. За нарушение указа 26 декабря предусматривалось наказание в виде тюремного заключения сроком от 5 до 8 лет (ст. 2). Дела о лицах, виновных в дезертирстве с предприятий, должны были рассматриваться не народными судами, а военными трибуналами (ст. 3)⁵.

Практика применения указа от 26 декабря 1941 г. должна была

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. №30. 2 июля. С. 1

² Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. ОГИЗ: Горьковское областное издательство, 1943. С. 11.

³ Известия. 1941. 27 декабря. С. 2.

⁴ См.: Тогоева С.И. Указ. соч. С. 56.

⁵ Сборник документов и материалов по вопросам труда М., 1944. С. 54.

подтвердить решительность власти в осуществлении репрессивной политики в отношении дезертиров. В начале 1942 г., например, Горьковский завод «Красное Сормово» в течение нескольких месяцев недопоставлял фронту десятки танков. Одной из причин этого было то, что на заводе участились случаи симуляции или «искусственного травматизма», что приводило к значительной потере рабочего времени. В марте-апреле по этой причине ежедневно не выходили на работу до 600 человек. Такое положение свидетельствует о том, что рабочие, не выходявшие на работу, с одной стороны, имели низкий уровень трудовой мотивации. С другой — они хорошо осознавали: какое наказание может последовать за нарушением трудовой дисциплины. Надеясь оправдать свое отсутствие на рабочем месте «законными» причинами, они прибегали к симуляции или членовредительству. Этот деструктивный процесс в потенциале мог привести к столь нежелательным результатам, что по инициативе секретаря Горьковского обкома В.Ф. Янжавцева на заводе были организованы специальные бригады, состоявшие из работников Облздрава, следственных органов, партбюро и заводского комитета. Эти бригады проверяли истинность травм и необходимости обратиться к врачу. Так, например, слесарь Угольников, самовольно оставивший завод 17 мая 1942 г., 2 июля, чтобы скрыть преступление, совершил умышленное ранение левой руки, что и было вскрыто комиссией. Угольников был уволен с завода, материал на него был передан в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности через военный трибунал с формулировкой «за срыв работы завода в военное время»¹. В результате работы комиссии в июне 1942 г. количество заявлений о травматизме сократилось до 150, а в июле - до 65 случаев.

Тем не менее, количество подобных нарушений продолжало оставаться одной из главных проблем для руководства завода. В ноябре 1942 г. директор завода Рубинчик, выступая на собрании наставников и молодых стахановцев, говорил: «Товарищи, к стыду и позору нашему, мы имеем много нарушителей трудовой дисциплины, много прогульщиков... Я должен сказать, что в ближайшие дни для обуздания прогульщиков будут введены сокращенные нормы отпуска хлеба и других продуктов. Прогульщикам *дадут почувствовать* (курсив мой - В.С.), что такое прогуливать, но мы должны не только применять меры административного воздействия, но надо пустить в ход все меры общественного воздействия и воспитания... Мы должны разъяс-

¹ ЦАНО, ф. 15, оп. 6, д. 647, л. 177.

нить и заявить, что тот, кто прогуливает, кто не отдает себя делу рабочего класса, хочет он или нет, но помогает Гитлеру, а не нашему народу, не Красной Армии»¹. Обращая внимание на факты членовредительства и искусственного травматизма, он говорил: «Находятся же такие люди, которые всякими путями стараются найти способы и пути, чтобы получить на 1-2 освобождения от работы, эти люди делают гнусное дело - выдумывание всяких болезней, повреждение части своего тела, чтобы получить освобождение от работы. Конечно, это единицы, они не отражают настроение коллектива, но такие негодяи есть, которые работают на руку Гитлеру и не работают на народ, и таких людей надо ставить перед лицом заводских собраний или цеха, где разоблачать этих дезорганизаторов производства»².

Примечательно, что в условиях нехватки рабочих рук директор завода не склонен был призывать к передаче дел на нарушителей в суд. Более действенным, по его мнению, методом должно было стать *общественное порицание*, обвинение в пособничестве (даже неосознанном) врагу, что в контексте эпохи имело не меньший эффект, чем административное воздействие.

Имелись и обратные примеры, когда руководство предприятия, или производства, проявляя излишнюю «бдительность» и не разобравшись до конца в сути дела, отправляло «нарушителя» под суд. Здесь, безусловно, стоит говорить об административном произволе и о влиянии репрессивного законодательства на представителей администрации. Статья 111 УК РСФСР (бездействие власти) порой становилась причиной «перестраховки» и неправильных действий в отношении рабочих. Такие случаи, хоть и не были массовыми, все же имели место неоднократно. Мы же приведем один, но достаточно показательный пример.

Вот выдержка из доклада о работе Прокуратуры Кировской области за 1943 г. Прокурору СССР К.П. Горшенину: «Рабочий электроцеха Крестов В.В., 1925 г.р. 7-10 августа не выходил на работу, ссылаясь на отсутствие обуви. К материалу приложена справка начальника цеха о том, что 8 августа он не был допущен на работу в виду того, что явился на работу босой (он работал линейным мастером; босым лазать по столбам не разрешается). Несмотря на очевидность уважительных причин неявки на работу, материал о прогуле был оформлен и передан в суд, который и осудил его на 6 месяцев

¹ Общество и власть. Российская провинция. В трех томах. Т. 3. Июнь 1941 г. - 1953 г. М.- Н.Новгород, 2005. С. 47.

² Там же. С. 48.

ИТР. (Приговор опротестован)»¹. Как видно из документа, рабочий, понимая, что прогул грозит судом, все же вышел на работу даже без обуви. Но это его не спасло от суда. Примечательно, что обвинение было опротестовано прокуратурой, что подтверждает стремление власти избегать огульных и неосновательных репрессий, которые могли выступить в качестве де-мотивирующего фактора, привести к недовольству действиями власти.

Непростая ситуация с мотивацией труда наблюдалась в сельском хозяйстве. Внутренняя мотивация не всегда была направленной на участие в общественном труде в условиях его интенсификации. Преобладание личных интересов в мотивационной сфере сознания колхозников часто имело результатом невыполнение производственных заданий. Повышенные требования к интенсивности труда колхозников, увеличение продолжительности рабочего дня негативно влияло на мотивацию трудового поведения. Усиление эксплуатации труда, привлечение к трудовой повинности, мобилизация для нужд фронта тягловой силы неизбежно должны были пробуждать в сознании колхозника чувство собственника, чувство сожаления об утраченном (пусть и для великой цели) имуществе.

Потенциальная опасность активизации внутреннего демотивирующего фактора трудового поведения крестьян актуализировала для власти вопрос об усилении внешней, принудительной мотивации. С этой целью, в условиях подготовки к весенней посевной кампании, 13 апреля 1942 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК ВК(б) «О повышении для колхозников обязательного минимума трудодней». В преамбуле документа говорилось о необходимости своевременного проведения в колхозах сельскохозяйственных работ и обеспечения страны и армии достаточным количеством продовольствия. Последнее, как отмечалось в постановлении, «особенно важно в обстановке борьбы с немецким захватчиками»². Обязательным теперь считался минимум 150 трудодней в году в хлопковых районах и 100 трудодней в нечерноземной полосе. Трудоспособных колхозников, не выполнивших трудодней, предлагалось считать выбывшими из колхоза и лишать их приусадебного участка.

Жесткость трудового законодательства не всегда была действенным средством в организации сельскохозяйственных работ. Некоторые председатели колхозов незаконно «расширяли» свои полномо-

¹ ГАКО, ф 2943, оп 8, д. 51, л. 11 об.

² Известия. 1942. 17 апреля. С. 1.

чия, «творчески» дополняя советское трудовое право. Интересный в этом отношении случай имел место в колхозе им. Молотова Мари-Турекского района Марийской АССР. Председатель этого колхоза В.Н. Кожемякин в октябре 1942 г. пытался организовать колхозников на работу следующими заявлениями: «Советское правительство издало секретный приказ №064, по которому за проступки и невыход на работу колхозники будут расстреливаться. Я сам расстреляю человек 15, это будет показателем для других»... «Вышел закон расстреливать колхозников за невыход на работу. Для этого в сельсовет привезли автомат»¹. Прокуратурой Марийской АССР против председателя было возбуждено уголовное дело. Интересно отметить, что такие «методы» руководства выглядели в сознании крестьян вполне правдоподобно. По крайней мере, об этом говорит тот факт, что председатель пользовался ими некоторое время, не встречая сопротивления. С другой стороны, это может также свидетельствовать о довольно низком уровне правосознания колхозников. Тем не менее, стоит отметить и реакцию прокуратуры: попустительство к таким нарушениям могло усилить негативное отношение к власти и снизить мотивацию труда.

«Выполнение каждым колхозником минимума трудовой - его гражданский долг, мера его участия в помощи фронту»², — так выглядела мотивировка государством необходимости увеличения интенсивности труда. Но жизнь вносила свои коррективы.

Практически на протяжении всей войны руководители колхозов сталкивались с проблемой отсутствия должного отношения к повышению интенсивности труда среди колхозников. В арсенале руководства были, в основном, методы убеждения³ и принуждения. Их сочетанием достигался необходимый результат.

¹ ГАРМЭ, ф. 415, оп. 4, д. 56, л. 4.

² Известия. 1943 13 июля. С. 1.

³ Постоянное разъяснение колхозникам необходимости интенсификации труда было одной из главных задач руководства колхозов. Например, в решении Стексовского сельского Совета Арзамасского района Горьковской области от 15 мая 1942 г. говорилось: «Исполком с/с решил: Вести *повседневную* (курсив мой — В.С.) разъяснительную работу с колхозниками о выработке минимума трудовой и предупредить колхозников, которые не выходили на работу» // ГАНО №2 (г. Арзамас), ф. 1502, оп. 1, д. 79, л. 26 об; На заседании правления колхоза им. Жданова деревни Мерлино Абрамовского с/совета того же района в выступлении начальника местной милиции говорилось: «Недисциплинированных людей надо привлекать к суровой ответственности, если на них не действуют воспитательные меры» // ГАНО №2 (г. Арзамас), ф. 948, оп., д. 84, л. 63-63 об.

Можно привести довольно характерную выдержку из выступления одного из руководителей колхоза «Мировой Октябрь» Арзамаского района Горьковской области 5 января 1944 г.: «Из всех выступлений ясно, что ни один участок работы по подготовке к весеннему севу нельзя назвать удовлетворительным... Положение трудное, но не безвыходное... Не может быть, чтобы на работу не вышел весь народ. Нужен подход к людям... по отношению к колхозникам у нас есть две меры - убеждение и принуждение. *К тем, кто не понимает убеждения, следует применять принудительные меры военного времени*»¹ (курсив мой - В.С.).

Коренной перелом в войне привел к изменениям в мотивационной сфере трудовой деятельности рабочих и колхозников. Эти изменения имели, в основном, конструктивный характер, связанный с усилением позитивных настроений, вызванных победами на фронте и приближением окончания войны. Но помимо этого, долговременное моральное и физическое напряжение рано или поздно должно было дать о себе знать и выразиться в некоторых деструктивных формах. Ощущение близости победы активизировало специфическую реакцию человеческого организма, вызванную чрезмерной усталостью: желание элементарного отдыха. Люди, отдававшие многое во имя интересов государства, все больше начинали обращать внимание на свои личные, в том числе бытовые проблемы. В этом существовала определенная опасность для государства, о которой предупреждал еще 23 февраля 1943 г. в своем выступлении И.В. Сталин. Говоря об успехах на фронте, он призвал к недопущению «благодушия, беспечности и зазнайства»², к которым могли привести результаты первых побед. Ссылаясь на Ленина, лидер государства сформулировал главный «рецепт» достижения главной цели: «Первое дело - не увлекаться победой и не кичиться, второе дело — закрепить за собой победу, третье - добить противника»³.

Решение бытовых проблем, невозвращение из административно-го отпуска, поездка в деревню за продуктами и одеждой, неудовлетворенность условиями труда (*что в начале войны не являлось основным де-мотивирующим фактором*), самовольная реэвакуация - вот, судя по архивным документам, основные причины нарушения трудовой дисциплины и снижения интенсивности труда в 1944—1945 гг.

¹ ГАНО №2, ф. Р 2908, оп. 1, д. 9, л. 27.

² Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. ОГИЗ: Горьковское областное издательство, 1943. С. 87.

³ Там же.

Подобные настроения оказали определенное воздействие и на следственные органы. Это, как раз, стало проявлением «благодушия и беспечности», о которых предупреждал 23 февраля 1943 г. И.В. Сталин. Дела на дезертиров и прогульщиков часто рассматривались без должного внимания, суды выносили заочные приговоры без присутствия виновных. Такое положение дел заставило СНК СССР 29 июня 1944 г. принять постановление №789 «Об устранении недостатков в практике применения Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г.»¹.

В постановлении было обращено внимание на то, что «порочная практика заочного рассмотрения дел военными трибуналами ослабляет борьбу с дезертирством, подрывает авторитет судебного приговора, так как осужденные остаются фактически безнаказанными»². Другими словами, административно-правовое воздействие должно было оставаться одним из основных факторов трудовой мотивации, а неотвратимость наказания - ее правовым «гарантом».

С этой целью СНК СССР поручил Прокурору СССР К.П. Горшенину обеспечить неуклонное выполнение требований закона, На следующий день 1 июля 1944 г. он подписал приказ №159 «Об усилении борьбы с дезертирством с предприятий военной промышленности»³. В нем Прокурор СССР приказывал обеспечить расследование дел о преступлениях, предусмотренных указом ПВС СССР от 26 декабря 1941 г., а также усилить розыскные мероприятия по доставке обвиняемых в суд. Должностные лица, укрывавшие или принимавшие на работу дезертиров, должны были привлекаться к ответственности по ст. 111 УК РСФСР. «По результатам этой работы будет оцениваться способность каждого работника прокуратуры справиться с важнейшим государственным заданием»⁴, — говорилось в приказе, что также можно рассматривать как мотивирование руководством прокуратуры своих подчиненных. Для контроля за исполнением приказа при прокуратуре СССР была организована специальная оперативная группа во главе с помощником Прокурора СССР Государственным советником юстиции 2-го класса М.Ю. Рагинским.

Сконцентрировать внимание трудящихся на необходимости усиления трудовой дисциплины должны были информационные мероприятия власти. Например, 20 августа 1944 г. было организовано вы-

¹ ГАРФ, ф. 5446, оп. 1, д. 230, л. 43.

² Там же.

³ Там же, ф. 8131, оп. 21, д. 1, л. 46-52.

⁴ Там же.

ступление по всесоюзному радио прокурора Челябинской области Н. Шляева «Железная трудовая дисциплина — закон военного времени». Это выступление, выдержанное в уже известной манере «призыва-предупреждения», содержало классическую для военного времени схему поведения «советского человека». В нем сравнивались позитивные и негативные качества, наличие и отсутствие которых у большинства советских людей должны были обеспечить победу. В обращении непосредственно говорилось: «Все честные труженики понимают, что *так же как воин Красной Армии* не может покинуть поле боя, *так и рабочий военного предприятия*, являясь мобилизованным, не может самовольно оставить работу.

Человек, который самовольно оставляет работу, или совершает прогул, человек, не выполняющий в эти грозные дни своего долга перед Родиной, - ослабляет борьбу нашей страны и объективно помогает немецким разбойникам, немецким людоедам.

Таких *отсталых неосознательных* людей в общей массе - единицы, но тем более эти единицы не терпимы в нашей дружной советской семье»¹.

В то же время понимая, что по мере успешного завершения войны на первый план в мотивационных приоритетах человека будут выходить личные мотивы, принимая во внимание изменившуюся обстановку, власть вскоре прибегла к некоторому смягчению отношения к дезертирам. Это выразилось, прежде всего, в издании указа ПВС СССР от 30 декабря 1944 г. «О предоставлении амнистии лицам, самовольно ушедшим с предприятий военной промышленности и добровольно вернувшимся на эти предприятия»². Издание указа власть объясняла тем, что «за последнее время» имелись случаи добровольного возвращения дезертиров на предприятия.

Приводя подобную практику в качестве примера для остальных дезертиров, правительство предоставило амнистию лицам, на которых распространялось действие указа от 26 декабря 1941 г. Амнистия распространялась на тех дезертиров, которые возвратились на свои предприятия до момента издания указа, либо *собирались на них вернуться* до 15 февраля 1945 г. Теперь, согласно директиве Прокурора СССР от 12 января 1945 г. за № 21/15, при розыске дезертира нужно было спросить его о *желании* возвратиться на то предприятие, с которого он дезертировал. Если он соглашался, то дело на него возвращалось на следствие. Как правило, его дело переквалифици-

¹ ГАРФ, ф. 8131, оп. 22, д. 4, л. 12.

² Сборник законов СССР. Т. 3. М., 1975. С. 407.

ровалось с указа от 26 декабря 1941 г. на указ от 26 июня 1940 г. и наказывалось исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из зарплаты до 25%¹.

Очевидно, что власть таким образом пыталась «снять» у дезертиров проблему страха перед наказанием, оставить им возможность вернуться к нормальной трудовой жизни, если их случай не имел отягчающих последствий. Тем не менее, они не переставали считаться виновными. Речь шла только о смягчении наказания, учитывая добровольную явку. При этом данное мероприятие власти имело достаточно позитивный результат. За полтора месяца действия указа, с 31 декабря 1944 г. по 15 февраля 1945 г. на предприятия г. Горького и Горьковской области вернулись 210 дезертиров². Руководство ГАЗа в январе 1945 г. направило 811 писем в райисполкомы и лично дезертирам с разъяснением указа и предложением вернуться на завод. В результате на завод вернулись 345 человек³. Помимо прочего это говорит и о наличии высокой степени доверия к власти как одного из факторов позитивной трудовой мотивации.

Усиление репрессии в отношении не выработавших минимума трудодней колхозников также к концу войны стало принимать демотивирующий характер. Наказание за данное нарушение, вполне понятное (в том числе и самим крестьянам) в трудные периоды войны, ближе к ее окончанию могло восприниматься ими как излишне жесткое, а главное ничем не оправданное. Косвенно это можно подтвердить следующим документом. Заместитель председателя начальника отдела общего надзора Прокуратуры СССР Ефимочкин 25 июля 1945 г. написал письмо Прокурору СССР Константину Петровичу Горшенину. В письме он просил пересмотреть на готовящемся заседании Бюро СНК СССР существующее законодательство в отношении колхозников, не отработавших минимума трудодней. Не обладая достоверной информацией, он писал: «Константин Петрович..., как будто вопрос стоит об исключении уголовной ответственности за невыработку минимума...

Для колхозов, как для добровольного объединения крестьян, уголовная ответственность за плохую работу могла быть только временной мерой, вызванной военной обстановкой.

Осудили много - более полмиллиона человек. Массовую ре-

¹ ГАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 56, л. 59 об.

² Там же. Л. 23.

³ ГАНО, ф. 2435. оп. 7, д. 69, л. 124.

прессию следует сократить»¹. Это письмо, на наш взгляд, подтверждает наличие де-мотивирующего потенциала репрессивной политики правительства в отношении *добровольных* по статусу колхозных объединений. Но, как видно из документа, такая политика сохранялась на всем протяжении войны.

Динамика развития трудового законодательства военного времени позволяет говорить о том, что трудящиеся рассматривались властью, прежде всего, как граждане государства, которые обязаны были трудиться. В трудные, критические, сопряженные с опасностью завоевания периоды государство повысило требования к количеству и качеству труда и, соответственно, ужесточило репрессивные меры в отношении дезертиров производства. Несмотря на то, что под такое определение зачастую попадали не «злостные» нарушители, а люди, оставлявшие работу в силу объективных обстоятельств либо ставшие жертвой произвола администрации предприятий, на наш взгляд, не верно говорить о существовании «полицейской», «казарменной» системы мотивации труда в годы Великой Отечественной войны².

Административно-правовые методы стимулирования труда в полной мере распространялись только на тех рабочих, которые не воспринимали иных методов, а репрессивные, принудительные меры воздействия касались только нарушителей закона. И хотя потенциально *каждый* рабочий должен был осознавать степень опасности нарушения трудовой дисциплины, принудительные, административно-правовые методы усиления трудовой мотивации были лишь частью намного более вариативной системы.

§2. Политический контроль

Политико-административные факторы формирования трудовой мотивации связаны, прежде всего, с функционированием государственного аппарата и его контролем за теми или иными формами по-

¹ ГАРФ, ф. 8131, оп. 22, д. 118, л. 26.

² См.: *Кнышевский П.Н., Вылцан М.А.* Указанные работы.

литической активности граждан. Датский социолог Якоб Алстед, определяя роль, сущность влияния государства на сознание его граждан, писал: «...политические структуры (государство) создают контроль и следят за обществом. Они функционируют как символ общего Эго. Государство — местонахождение общей защиты и формирования компромиссов между конфликтующими группами. Как и другие структуры, государство — результат формирования компромисса: государства часто претендуют на полный контроль, но редко его имеют. Эго играет особую роль в психике, а государство в обществе... Государство — местонахождение защит общества от тревог»¹.

Советское государство, как показано в ряде научных работ², с самого начала своего существования организовало систему политического контроля над населением. Ее целью был сбор информации о политических настроениях населения и недопущение проявлений политического нонконформизма. К началу Великой Отечественной войны действия этой системы отличались разработанностью методов и средств. Недопущение антисоветских политических высказываний, критики «правильных действий советской власти», сомнений в верности «линии партии», которые могли привести к де-мотивации трудовой деятельности населения, стало основной задачей системы политического контроля в годы Великой Отечественной войны.

Существование этой системы было для СССР одним из необходимых условий достижения народного единства на случай критической опасности. Еще в 1931 г. 13 декабря в беседе с немецким писателем Эмилем Людвигом И.В. Сталин в ответ на его вопрос о причинах «строгости и беспощадности вашей власти в борьбе с ее врагами» говорил: «...мягкость только подрывает крепость Советской власти. Мы совершили ошибку, проявляя подобную мягкость по отношению к врагам рабочего класса... Очень скоро выяснилось, что чем мягче мы относимся к нашим врагам, тем больше сопротивления эти враги оказывают»³.

Наличие политического контроля во многом было обусловлено актуализацией фактора внешней угрозы. «Ни один народ не может

¹ Алстед Я. Психология, социология, общество: модели мотивации// Социс. 2002. №9. С. 24.

² Сикорский Е.Л. Советская система политического контроля над населением в 1918-1920 годах// Вопросы истории. №5. 1998; Измозик В.С. Политический контроль в советской России 1918-1928 гг. // Вопросы истории. 1997. №7.

³ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 108-109.

уважать свое правительство, если оно видит опасность нападения и не готовится к самозащите»¹, - говорил И.В. Сталин в беседе с корреспондентом газеты «Нью-Йорк Таймс» Дюранти 25 декабря 1933 г.

В обратной интерпретации такое высказывание могло означать, что ни один человек не может оставаться без особого внимания правительства, если его действия препятствуют оборонной работе, ослабляют ее.

Что же считалось в СССР периода войны политическим преступлением? Официально в советской юридической практике такого термина не существовало. К подобным правонарушениям применялось определение «контрреволюционное преступление». Согласно Уголовному кодексу редакции 1926 г., контрреволюционным преступлением считались всякие действия, «направленные к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов... или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции» — ст. 58-1².

Характерна политическая подоплека квалификации подобных правонарушений. Считалось, что виновный в измене Родине не только является предателем государства, но и «становится на путь борьбы против социализма, против большевистской партии, тот изменник не только страны, но и предатель интересов трудящихся всего мира». Такие преступления карались высшей мерой наказания — расстрелом, или, при смягчающих обстоятельствах, - лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества³.

Наиболее ярко выраженный политический характер имела статья 58-10 УК. Согласно ей, пропаганда или агитация, содержащая призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти, распространение, изготовление или хранение литературы подобного содержания наказывались лишением свободы на срок не менее шести месяцев. Те же действия, но при массовых волнениях или с использованием религиозных или национальных идей (в оригинале «предрасудков масс»), или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекли за собой применение высшей меры наказания⁴.

Далеко не все граждане по разным причинам разделяли патрио-

¹ *Сталин И.В.* Соч. Т. 13. С. 279.

² Уголовный Кодекс РСФСР М., 1942. С. 24.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 28

тические идеи государственной идеологии и в силу этого представляли серьезную опасность для обороны государства. Дело в том, что даже единичные проявления деструктивных антисоветских высказываний могли повлечь за собой трудно прогнозируемые последствия, вызвать целую лавину панических настроений, превращая организованную массу в толпу. Не случайно, что органы Прокуратуры и НКВД уделяли повышенное внимание всем подобным фактам и своевременно информировали вышестоящие органы.

Именно об этом говорил в своем программном заявлении 3 июля 1941 г. И.В. Сталин: «Необходимо, далее, чтобы в наших рядах не было места нытикам и трусам, паникерам и дезертирам... основными качествами советских людей должны быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей родины... Мы должны организовать беспощадную борьбу со всякими дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов, уничтожать шпионов, диверсантов... Нужно учитывать все это и не поддаваться на провокации. Нужно немедленно предавать суду Военного Трибунала всех тех, кто своим паникерством и трусостью мешают делу обороны, не взирая на лица»¹.

Чрезвычайная ситуация войны, ощущение опасности, нависшей над страной, делали наличие политического контроля одним из действенных факторов трудовой мотивации. Информация о сущности и целях такого контроля оказывала влияние на все стороны жизни человека военного времени. И в первую очередь на мотивацию труда, поскольку отношение к власти, уверенность в ее правильной деятельности, осознание возможности и необходимости победы во многом придавали труду осмысленный характер. Дискретное отношение к образу власти и образу Родины в сознании трудящегося нередко становилось де-мотивирующим фактором. Интенсивный труд должен был восприниматься как труд всех во благо всех. И власть, ее конкретные представители, политическая основа общества, «завоевания революции» в период войны не должны были становиться объектами критики, поскольку за такой критикой в качестве ее логического продолжения мог последовать отказ от труда. Именно с целью недопущения роста подобных настроений, в том числе, осуществлялся политический контроль.

Многие (особенно колхозники) критиковали советскую власть за то, что она не позволяла работать «на себя». В деревне Внуковке

¹ *Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза.* ОГИЗ: Горьковское областное издательство, 1943. С. 11—13.

Булгаковского сельсовета Саранского района Мордовской АССР колхоза «2-ая Пятилетка» Игошин говорил бригадиру полеводческой бригады: «Черт возьми! Сколько требуется народу в данное время на ремонт дороги и другие работы, а своя работа стоит. Скорее бы захватили нас - в свои руки править...»¹. В Атюрьевском районе, в деревне Кишалах М.Ф. Поршихина говорила: «Германия взяла Москву бы, тогда войну бы прекратили, и нам стало бы лучше»². Тракторист Д.З. Ярмин: «Зачем убирать хлеб? Все равно все возьмут государству»³. В Кадошкинском районе Мордовской АССР в октябре 1941 г. Ф.Г. Кулаков на общем собрании колхозников колхоза «Заветы Ленина» сказал: «Советская власть грабит колхозников, урожай убирать не надо, потому, что хлеб государство отберет и колхозники останутся голодные». Кулаков был привлечен к уголовной ответственности по ст. 58-10 ч.2⁴.

Такие высказывания и политические настроения были довольно характерны для «свободомыслящих» рабочих и крестьян. Как правило, все они ранее были либо раскулачены, в принудительном порядке привлечены на работу в город, либо как-то пострадали от советской власти. Их высказывания несли серьезный деструктивный потенциал, поскольку заставляли остальных трудящихся задуматься о том, насколько необходим их труд и кого они собираются защищать. Надо также отметить, что частота и резкость подобных высказываний была более характерна для жителей сельской местности - как колхозников, так и единоличников. Помимо «обиды» на советскую власть это объясняется более низкой степенью информированности и подверженности влиянию государственной идеологии, а также более высокой степенью религиозности сельского населения.

Исключительное внимание к жесткости наказания за контрреволюционные преступления объясняется чрезвычайными обстоятельствами. В начале войны опасность подверженности подобным настроениям значительного количества трудящихся не оставляла власти альтернативы в выборе средств воздействия на граждан, *проявивших* свое к ней отношение. Жесткая репрессия за контрреволюционные высказывания, как и наказание за нарушения трудовой дисциплины, должна была предотвратить *возможный рост* антиправительственных настроений.

¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. ОГИЗ. Горьковское областное издательство, 1943. С. 48

² Мордовия. 1941-1945: Сб. документов. Саранск, 1995. С. 50.

³ Там же

⁴ Там же. С. 141.

Уже с июня 1941 г. среди обвиняемых по делам о контрреволюционных преступлениях стали появляться эвакуированные из западных областей. Безусловно, они обладали новой для жителей тыла информацией, что придавало их словам большую значимость, а для власти представляло большую опасность. По мере ухудшения обстановки на фронте возрастала тенденция снижения трудовой мотивации в связи с желанием обезопасить себя и свою семью, эвакуироваться на Восток.

Эвакуация населения западных областей и особенно жителей Москвы на восток страны осенью 1941 г. сама по себе негативно отражалась на трудовом настрое граждан. Прежде всего, это было связано с ощущением невозможности обороны западных рубежей страны, вызывало неуверенность в завтрашнем дне, и, в конечном счете, приводило к потере трудовой мотивации. Еще более негативно на политические настроения, на отношение к власти повлияла эвакуация и поведение руководящих работников.

В дневнике главного энергетика ГАЗа В.А. Лапшина есть запись от 21 октября 1941 г., которая довольно точно передает те настроения, которые вызывала эвакуация: «Из Москвы по Московскому шоссе ехало в эти дни много машин, груженных домашним скарбом и людьми. Это внесло некоторое отрешение и на горьковчан. Многие возмущены тем, что едут здоровые мужчины. Почему не остались на защите Москвы»¹.

Не оставил без внимания этот процесс и горьковский историк Н.М. Добротвор. В своем дневнике 17 октября он писал: «Через Горький идут вереницы автомобилей из Москвы, причем преимущественно взрослые люди и мужчины. Должно быть, руководящий состав: пока преобладают автомобили ЗИС. Нехорошо, что едут немало молодых, здоровых людей в возрасте 25-30 лет. Настроение тяжелое. Некоторые уже начали эвакуироваться из Горького. Тяжело на сердце. Все как-то пусто и безутешно»².

Примечательно, что паника и нерешительность была свойственна, в том числе, и работникам прокуратуры. Эвакуация из Москвы их некоторых коллег, их высказывания и прогнозы по поводу дальнейшего хода войны производили деструктивный эффект. Примеры такого свойства стали предметом специального обсуждения на закрытом собрании партийной организации Горьковской областной прокуратуры, которое состоялось 21 октября 1941 г. На этом заседа-

Общество и власть. С. 766.
Забвению не подлежит. С. 519.

нии некоторые из сотрудников выразили недоумение тем, что из Москвы эвакуируются не только дети, женщины, старики, руководящие работники, но и работники прокуратуры¹.

«Их на работе с успехом могут заменить другие лица, а им нужно было бы оставаться защищать родину, защищать Москву, — говорил на партсобрании один из выступавших - Я прошу записать мои слова точно. Я как коммунист хочу об этом донести ЦК ВКП(б) и обкому ВКП(б)»². В то же время материалы этого совещания позволяют говорить о низкой информированности прокурорских работников о положении в Москве, об их подверженности общим для всех в тот критический момент настроениям неизвестности и информационного голода. Как было сказано одним из выступавших на совещании: «Мне кажется, что когда приехали к нам московские работники, то наши отдельные работники с жадностью расспрашивали их, что делается в Москве и под Москвой»³.

Как отмечено в докладе прокурора Горьковской области от 4 ноября 1941 г.: «За последнее время отмечен ряд случаев, когда должностные лица Московских предприятий и учреждений бежали из Москвы, оставляя на произвол судьбы большие государственные ценности»⁴. Например, начальник снабжения Наркомата судостроения Фраткин бежал из Москвы, бросил работу и оставил склады цветных металлов на кладовщиков. Против Фраткина было возбуждено уголовное преследование. Врач Раиса Левит при получении повестки на работу на строительство оборонительного рубежа выехала в Казань. Прокуратурой было дано указание о ее задержании⁵.

Страх, паника, неопределенность, неуверенность в победе, собственные некоторым представителям власти, отражались в сознании части населения и во многом переносились на отношение к руководству в целом. От такого отношения в значительной степени зависела и трудовая мотивация. Интересное мнение по этому поводу выразил в своей дневниковой записи от 6 ноября 1941 г. 18-летний В.П. Киселев: «Завтра - праздник Великой Октябрьской революции, завоевания которой сегодня под смертельной опасностью. Завтра я и другие ребята с допризывного воинского всеобщего идем на рытье окопов. Посмотрим, что будут делать наши начальники с партбиле-

¹ Общество и власть. С. 137.

² Там же.

³ Там же С. 138-139.

⁴ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 14, л. 89 об.

⁵ Там же.

тами, будут ли они, как мы, праздновать за лопатой или дома распивать чай. Можно будет увидеть, есть ли в них «искорки патриотизма». Многое убеждает меня в обратном. Слишком большой знак вопроса висит над их большевистской честностью и прямотой»¹.

Неуверенность в способности власти организовать оборону страны порой перерастала в неуверенность в победе, и, следовательно, терялся смысл интенсивного труда. Многие жители рассматриваемого региона вполне допускали возможность занятия этой территории врагом, но далеко не все явно выражали это допущение. В этом отношении интересен случай с привлечением к уголовной ответственности колхозницы из Кировской области Шураковой Надежды Васильевны осенью 1941 г. Ей вменялось в вину то, что она «на общем собрании колхозников (! - В. С.) обратившись к председателю колхоза с просьбой дать ей лошадь съездить в г. Киров к сестре за вещами, говорила, что от сестры получила письмо, где она пишет, что гор. Киров находится в опасности и что детей из гор. Кирова эвакуируют»². Безусловно такое заявление в обстановке информационного голода, неизвестности, неуверенности в победе имело высокий де-мотивирующий потенциал. Потеря смысла труда, паника, желание эвакуироваться, вызванные негативным прогнозом хода войны, деструктивно сказывалась на трудовой мотивации. Только поэтому любые заявления и действия подобного характера становились предметом внимания системы политического контроля, а зачастую и уголовного преследования.

Особое настроение трудящихся в условиях военного времени характеризовалось повышенной бдительностью, которая не может не оцениваться положительно, учитывая специфику обстановки. Например, по информации Рузаевского горкома ВКП(б) о политических настроениях населения, «понятие революционной бдительности характеризуется еще и тем, что само население города, в особенности рабочие-железнодорожники проявляют особенную настороженность к праздношатающимся и неизвестным подозрительным людям. Только 26 июня было задержано рабочими и приведено в органы НКВД 8 человек подозрительных, неизвестно откуда прибывших людей»³.

С целью усиления репрессии в отношении осужденных за контрреволюционные преступления, и скорейшего приведения в ис-

¹ Общество и власть. С. 1001.

² ГАКО, ф. 2943, оп. 6, д. 5, л. 70 об.

³ Мордовия. 1941-1945. С. 21.

полнение приговоров, Нарком внутренних дел Л.П. Берия 15 ноября 1941 г. направил председателю ГКО И.В. Сталину спецсообщение. В нем он просил решения ГКО предоставить Особому совещанию «право с участием Прокурора Союза ССР по возникающим в органах НКВД делам о контрреволюционных преступлениях и особо опасных преступлениях для порядка управления СССР, предусмотренных ст. 58 УК РСФСР..., выносить соответствующие меры наказания вплоть до расстрела. Решение Особого совещания считать окончательным»¹.

Постановление ГКО по запросу Л.П. Берия было принято 17 ноября. Разъясняя его сущность районным прокурорам, прокурор Горьковской области Осипов писал: «Смысл постановления ГКО от 17 ноября 1941 г. заключается в том, что на Особом Совещании проверка и оценка собранных доказательств по тому или иному делу проходит в отсутствие обвиняемого, свидетелей и экспертов. Поэтому допросы прокурором обвиняемого, основных свидетелей до очных ставок, участие в очных ставках... приобретают в данное время огромное значение.

Не понимать и недооценивать это — значит *совершать серьезную политическую ошибку* (курсив мой — В.С.)»². Таким образом, данное постановление накладывало еще большую ответственность на сотрудников прокуратуры в их работе по надзору за следствием.

Антисоветские настроения были также нередко обусловлены ухудшением материального положения, особенно в деревне. Например, житель села Трофимовщина Ромодановского района Мордовской АССР А.И. Жуков среди своих односельчан говорил: «Советские законы задушили нас, нам нет свободной жизни, о которой большевики говорили в 1917 г., напишу в РККА сыну письмо, чтобы он из Красной Армии дезертировал»³. Житель того же района И.И. Малахов высказывался следующим образом: «При царизме жилось крестьянину лучше, чем при советской власти, раньше всего было много, а сейчас нет ничего, магазины все пустые, даже коробку спичек и килограмм соли нигде не купишь»⁴.

Весной-летом 1942 г. антисоветские высказывания «контррево-

¹ Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939-март 1946 гг./ Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Под общ ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 2006. С. 319.

² ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 22, л. 1.

³ Мордовия. 1941-1945. С. 454.

⁴ Там же.

лгоционного» содержания были отмечены в Марийской АССР. Так, прокуратурой были возбуждены уголовные дела по ст. 58-10 ч.2 на И.Е. Паскаль за «восхваление Германии и Гитлера»¹. Н.И. Каменец-Каблукова в январе—апреле 1942 г. среди знакомых «восхваляла жизнь в фашистской Германии, в похабной форме отзывалась о руководителях Советского государства»².

Похожее обвинение был предъявлено жителю г. Йошкар-Олы И В. Краснову, который в августе 1942 г. так своеобразно и концентрированно выражал свое отношение к власти и к проблеме мобилизации на фронт и на производство: «*Коммунисты в тылу, умные в плену, а дураки на фронте* (курсив мой - В.С.)»³.

Анализ материалов прокуратур показывает наличие довольно устойчивой взаимосвязи между негативным отношением к советской власти со стороны трудящихся и низким уровнем трудовой мотивации. Как правило, «контрреволюционная» деятельность выражалась в прямом или косвенном отказе от труда. Например, рабочий завода №298 г. Йошкар-Олы М.А. Степанченко-Руднев осенью 1942 г. «втягивал молодежь в картежную игру, за которой вел антисоветскую агитацию, давал советы под мышку перед измерением температуры держать бутылку с горячей водой, от чего повышается искусственно температура, рекомендовал натирать тело солью, отчего появляется краснота на теле, пользовался этим методом сам и по его советам неосознательная молодежь из рабочих»⁴ (сохранен стиль оригинала — АС).

Анализ работы по спецделам за 1943 г., проведенный в соответствии с приказом №8-с от 31 января 1942 г. прокуратурами 20 центральных областей, показал, что всего за 1943 г. в Кировской области было возбуждено 312 дел по ст. 58-Ю⁵. За время с 1 января по 1 октября 1943 г. органами НКВД-НКГБ в целом по СССР было окончено расследование 4 413 дел о контрреволюционных преступлениях. Из них по ст. 58-10 в Мордовской АССР - 30 дел, в Горьковской области 186 дел⁶.

В 1944 г. деструктивные настроения, связанные с сомнениями в победе в войне, с жесткой критикой власти были распространены, в

¹ ГАРМЭ, ф. 415, оп. 4, д. 45, л. 13.

² Там же.

³ Там же. Л. 32.

⁴ Там же. Л. 37.

⁵ ГАРФ, ф. 8131 сч, оп. 37, д. 1500, л. 4 об.

⁶ Там же. Л. 53.

основном среди принципиально настроенных против советской власти граждан. Органы прокуратуры продолжали уделять им повышенное внимание. В феврале 1944 г. в Горьковской области была арестована группа поляков. Ее глава - Мицкевич, «являясь враждебным человеком к советской власти, группировал вокруг себя антисоветски настроенных поляков». Затем вместе с другими они «проводили сборища, на которых ставили перед собой целью проводить и проводили среди рабочих а/с агитацию пораженческого характера и восхваление порядков в панской Польше и фашизма»¹. За январь-март 1944 г. прокуратурой Горьковской области было возбуждено 41 уголовное дело на 50 человек по ст. 58-10 ч.2². За четвертый квартал 1944 г. - 39 дел³.

Функционирование системы политического контроля не обошлось без серьезных ошибок, что во многом объясняется «человеческим фактором». Следователи, прокуроры и судьи в условиях войны вынуждены были брать на себя всю ответственность за выявление и наказание лиц, допускавших антиправительственные высказывания. Личные качества работников правоохранительных органов, с одной стороны, и широкое поле для трактовки состава правонарушений - с другой, нередко приводили к «сбоям» в работе данной системы.

В такой обстановке особенно важным было не допускать привлечения граждан к необоснованному аресту и репрессии, поскольку это негативно сказывалось на отношении населения к власти и, соответственно, снижало мотивацию труда. В материалах Горьковской и Кировской областных прокуратур, прокуратуры Мордовской и Марийской АССР имеется значительное количество документов, свидетельствующих о прекращении дел о контрреволюционных преступлениях либо за недоказанностью обвинения, либо по причине нарушений УПК и следственной работы. Прокуратурой по таким делам выносился протест⁴.

О недопустимости необоснованного привлечения к ответственности за контрреволюционные преступления говорилось на оперативном совещании работников отдела по спецделам при прокуратуре Горьковской области 21 января 1943 г. На совещании было принято следующее постановление: «В целях недопущения необоснованных

¹ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 39, л. 15 об.

² Там же. Оп. 1, д. 41, л. 70 об.

³ Там же. Л. 129.

⁴ Например: Доклады о работе прокуратуры Кировской области за 1941 г.: ГАКО, ф. 2943, оп. 6, д. 5, л. 70-75 об.

арестов, совещание обязывает *каждого прокурора* (курсив мой — В.С.) спецотдела, под личную ответственность, тщательно и глубоко изучать представляемые материалы на санкцию и составлять подробные обзоры»¹.

На совещании работников прокуратуры в г. Арзамасе 18 октября 1943 г. заместитель прокурора области Гусев говорил об исключительной политической важности правильной работы по делам о контрреволюционных преступлениях. Особое внимание им было обращено на качество расследования: «Такие факты как прекращение дел, неосновательное привлечение и арест кого-либо вообще, и особенно в условиях военного времени, являются нетерпимыми. Нельзя терпеть подобных фактов в работе по делам о к.р. преступлениях и особенно в условиях войны, когда у многих имеются родственники на фронте и поэтому всякое неосновательное привлечение, а особенно неосновательное привлечение по этой категории дел является недопустимым и преступным»².

Говоря о репрессивной политике в отношении граждан, допустивших в годы войны антисоветские политические высказывания или «контрреволюционные» действия, необходимо учитывать доверенный «опыт» деятельности органов НКВД, который, помимо прочего, характеризовался заинтересованностью следователей в «выявлении врагов народа» и, нередко, фабрикации дел. Относительно деятельности системы политического контроля в период Великой Отечественной войны поводов для подобного обвинения было значительно меньше, несмотря на то, что нарушения ст. 136 УПК³ имели место и в исследуемый период и были далеко не единичными.

Об этом, в частности, говорилось в письме Прокуратуры СССР, адресованном прокурору Горьковской области 24 апреля 1942 г.: «Поскольку случаи фальсификации и применения к обвиняемым

¹ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 28, л. 1.

² Там же. Л. 11.

³ Ст. 136 УПК РСФСР гласила: «Следователь не имеет права домогаться показания или сознания обвиняемого путем насилия, угроз или других подобных мер» // Уголовно-процессуальный кодекс. М., 1947. С 39; В то же время в еще в январе 1939 г. в шифротелеграмме И.В.Сталина секретарям обкомов, крайкомов и руководству НКВД-УНКВД говорилось что: «метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и не разоружающихся врагов народа, как совершенно правильный и целесообразный метод» // Лубянка Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939-март 1946 г./ Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Под общ ред. АН. Яковлева. М., 2006. С. 15.

незаконных методов при ведении следствия не единичны, Вам надлежит разобраться и поставить вопрос перед начальником УНКВД о принятии соответствующих мер и изжить подобные явления»¹.

Кроме того, о количестве подобных нарушений со стороны следователей говорить сложно, поскольку факты выяснялись, как правило, уже в ходе судебного процесса по жалобе обвиняемого или в ходе прокурорской проверки. Но далеко не все могли набраться смелости и заявить на суде о применении к ним методов физического воздействия. В целом же, как нам представляется возможным утверждать на основании анализа документов, репрессивная система действовала в соответствии с обстановкой военного времени и старалась не допускать огульных арестов и необоснованного обвинения. Особенно после коренного перелома в войне, когда опасность внутренней дестабилизации в стране стала снижаться.

Например, с 1 января по 1 июля 1943 г. отдел по спецделам прокуратуры Горьковской области прекратил или отправил на исследование несколько дел. Так, в г. Арзамасе был арестован по подозрению в антисоветской деятельности бывший сотрудник культа некто Сенниковский в возрасте 70 лет. Кроме этого ему было предъявлено обвинение в нарушении паспортного режима. Расследование показало, что никакой агитации он не вел, а нарушение режима состояло в том, что он дважды оставался ночевать у знакомых, не имея при себе паспорта. За недостаточностью собранных доказательств дело было прекращено².

Опасность любых проявлений деструктивной направленности в военное время обуславливала усиление контроля над следственной работой и обоснованностью приговоров. Как и любая система, в качестве основного компонента которой выступает человек, со своими индивидуальными особенностями, система политического контроля не была лишена изъянов. В ее работе порой допускались излишне жесткие, необоснованные приговоры, «выбивание» показаний из подозреваемых, которые могли привести к негативному отношению к власти и усилению влияния де-мотивирующих факторов.

Состояние следственной работы по спецделам в обзоре УНКГБ по Горьковской области от 24 августа 1943 г. было названо находящимся на «очень низком уровне»³. В качестве основных недостатков этой работы были названы нарушения уголовно-процессуальных

¹ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 31, л. 11.

² Там же. Л. 35.

³ Общество и власть. Т. 3. С. 284.

норм, недобросовестное, необъективное ведение следствия, формально-бюрократическое отношение к допросам свидетелей. Например, как отмечал в обзоре начальник УНКГБ по Горьковской области комиссар госбезопасности Баскаков, при допросах имели место подобные случаи. «При допросе малограмотного колхозника или неграмотного человека часто встречаешь следующее изложение показаний: «мне известно, что «Х» — человек антисоветский, систематически проводит антисоветскую, профашистскую пораженческую агитацию». Свидетель не только не мог так показать, но он даже не понимает значения этих слов»¹. Связывая подобные факты с излишней «бдительностью» следователей, начальник УНКГБ приводит несколько характерных примеров необоснованного привлечения граждан к ответственности. В данном случае нам интересен его подход к осуществлению политического контроля, который должен выявлять действительных шпионов, паникеров, дезорганизаторов и т.д. Он говорил об этом так: «Понятно стремление оперработника поймать шпиона и его разоблачить. Но такими методами работы шпиона не поймаешь, а такие шпионы, как Волобуева (арестованная за дезертирство с завода и нарушение паспортного режима — *В.С.*), не нужны»²

Вопрос о качестве следственной работы по делам о контрреволюционных преступлениях с 1943 г. стал одним из проблемных. С целью осуществления контроля за следствием и установления фактов нарушения ст. 136 УПК с 27 августа по 4 сентября 1943 г. прокурор отдела по спецделам прокуратуры СССР Меньшов проводил проверку Горьковской областной прокуратуры. В ходе этой проверки, действительно, был выявлен подобные факты.

Некоторые работники УНКГБ Горьковской области в процессе следствия допускали применение незаконных методов следствия. В частности путем «угроз, применения стойки, ареста, нанесения побоев обвиняемым, свидетелям, вынуждали последних давать ложные, провокационные показания, чем создавали отдельные искусственные дела»³.

В качестве примера представитель прокуратуры отметил ряд дел, по его мнению, наиболее характерных. Дело по обвинению бухгалтера Керженского сельпо Семеновского района М.П. Болотовой 1906 г.р., происходившей из семьи кулака. Она была арестована 2 сентября

¹ Общество и власть. Т. 3. С. 285.

² Там же. С. 287.

³ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 31, л. 70.

1942 г. На первом допросе обвиняемая в антисоветских высказываниях частично признала себя виновной. Ее виновность подтвердили на предварительном следствии свидетели. Но на судебном следствии 21 декабря 1942 г. и Болотова, и все свидетели от своих показаний отказались, после чего облсуд возвратил дело на доследование.

В процессе дополнительного расследования выяснилось, что следователь Изутов, который вел дело, «у своего стола продержал ее (обвиняемую — В.С.) 4 часа стоя, всячески ее ругал, в силу чего она подписала протокол допроса»¹. Свидетель А.Н. Смирнова показала, что протокол допроса она подписала потому, что следователь Куликов «стучал кулаком по столу, крича на нее, угрожая отдать ее под суд, если она не подпишет протокол допроса»². После чего она протокол подписала.

Свидетель Е.С. Плотникова показала, что в конце сентября 1942 г. ее вызвал к себе оперуполномоченный Изутов, составил протокол допроса и требовал его подписать. Когда Плотникова отказалась, Изутов «начал на нее кричать, оскорблять. После чего вызвал дежурного милиционера, арестовал Плотникову и отправил ее в милицию, где ее продержали с 6 часов вечера до 12 часов ночи»³. Данное уголовное дело было прекращено 31 января 1943 г. прокурором области. Болотова незаконно содержалась под стражей 5 месяцев. Материал о незаконных действиях следователей Изутова и Куликова 6 февраля 1943 г. был передан прокурору войск НКВД Лебедеву.

Далее происходит вполне объяснимое, с точки зрения «солидарности» спецслужб. Дело следователей передают на рассмотрение сначала в особую инспекцию УНКВД, а затем на расследование тому же Изутову. Он вновь вызывает на допрос всех свидетелей по делу и склоняет их к отказу от показаний против самого себя. После чего следователь особой инспекции УНКВД Чечуров составляет заключение о «невиновности» Изутова и Куликова. Этот факт настолько возмутил представителя прокуратуры СССР, что он в своем отчете выразил суждение о необходимости немедленного привлечения данных следователей к уголовной ответственности⁴.

Фактами применения незаконных методов ведения следствия заинтересовались в Прокуратуре СССР. Заместитель Прокурора СССР Сафонов 20 октября 1943 г. в письме прокурору Горьковской области

¹ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 31, л. 70.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 70 об.

Осипову обращал внимание на необходимость своевременного информирования о подобных фактах: «...но об этом в Прокуратуру Союза ССР спецдонесение не посылали, тогда как каждое такое нарушение нужно рассматривать как очень серьезный факт и срочно информировать Прокуратуру Союза ССР»¹. После этого прокурор Горьковской области Осипов 26 января 1944 г. отправил в Прокуратуру СССР обстоятельный доклад о фактах нарушения ст. 136 УПК, в котором приводил цифры и конкретные примеры подобных нарушений.

Поскольку подобные факты выявлялись в процессе надзора за следствием, либо уже на суде, приведенные в письме цифры, скорее всего, не отражали реального положения дел. Согласно данным, которыми располагал прокурор области Осипов, за 1942 г. из 650 оконченных дел имели место нарушения ст. 136 УПК по 4 делам². За 1943 г. из числа оконченных 305 дел нарушения в работе следствия были выявлены по 7 делам на 9 человек³. При этом следователей, уличенных в применении незаконных методов, либо вообще не наказывали, либо наказывали слишком мягко.

Так, упоминавшиеся выше следователи Изутов и Куликов, судя по докладу прокурора области, вообще не понесли наказания, а следователи Шахунского РО Слепов и Чеканов, чья вина была установлена, подверглись аресту на 15 (! — *В.С.*) суток⁴.

Приходится признать, что нарушения со стороны следователей, точное количество которых установить не представляется возможным, нельзя считать редким исключением. Именно поэтому такое положение дел стало предметом внимания прокуратуры. В частности, прокурор Горьковской области Осипов в докладе Прокурору СССР К.П. Горшенину писал: «Считаю неправильной установившуюся практику привлекать следователя о нарушении ст. 136 УПК только в том случае, если дело прекращено или вынесен оправдательный приговор, ответственность должна наступать и тогда, когда вынесен обвинительный приговор»⁵. Данное заявление недвусмысленно указывает на неполную статистику подобных правонарушений со стороны следователей.

Тем не менее, примерно с конца 1943 г. власть стала обращать более серьезное внимание борьбе с неправомерным наказанием.

¹ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 31, л. 76.

² Там же Д. 39, л. 5.

³ Там же. Л. 5 об.

⁴ Там же. Л. 5.

⁵ Там же. Л. 7 об.

Следствие и репрессию в отношении виновных в контрреволюционной деятельности власть старалась также контролировать. Как и в случае с наказанием за нарушение трудовой дисциплины излишнее и неоправданное применение мер административно-правового воздействия могло вызвать отрицательный эффект в сознании дисциплинированных и политически лояльных трудящихся.

Об этом, в частности, говорилось на кустовом совещании прокуроров центральных областей РСФСР по вопросам следственной работы в период Великой Отечественной войны в марте 1944 г. Выступая на этом совещании, заместитель Прокурора СССР Шаховской отмечал особый характер следственной работы по делам о контрреволюционных преступлениях. «Мы имеем дело с особой категорией преступности, — говорил он, — и поэтому каждое нарушение при разборе дел, каждая наша ошибка в этом вопросе, это *ошибка в сто раз серьезнее, чем ошибка по обыкновенному уголовному делу* (курсив мой - В. С.)»¹. Далее заместитель прокурора прямо указывал на негативные последствия допущения незаконного осуждения: «Мы имеем дело с такими острыми преступлениями, при которых заключение под стражу человека невиновного *приводит к отрицательным последствиям* (курсив мой — В.С.), и напротив, если мы упустили контрреволюционера, то мы сами допускаем государственное преступление»².

Такое откровенное (естественно для узкого круга коллег) заявление не только свидетельствует о динамичности и рефлексии власти в вопросах политического контроля, но и говорит о существовании примеров обратного свойства, которые и приводили к возникновению антисоветских настроений и отрицательной мотивации труда. «*По совести* говоря, когда возьмешь это дело, да подумаешь как следует над тем, что там написано, совершенно ясным становится, что дело велось неправильно. Какой-нибудь председатель колхоза ставил перед собой мировые задачи, или председатель с/совета ставил перед собой чуть ли не свержение всей советской власти. *Здесь думать надо*» (курсив мой - В.С.), - говорил на совещании Шаховской. Особо он отметил необходимость более тщательного расследования дел со стороны прокуроров. Если дело, как было сказано в его докладе, рассматривается в трибунале, обвиняемый имеет возможность привлечь свидетелей. Если же Особым совещанием, то все то что присылают в обвинительном заключении прокуроры — «это и будет слу-

¹ ГАРФ, ф. 8131 сч, оп. 37, д. 1888, л. 9-Ю.

² Там же.

жить основанием для принятия решения Особым совещанием... Если дело расследовалось неправильно, то здесь на Особом совещании может быть осужден человек, который в самом деле является невиновным»¹. Неправильное расследование дел (в основном это было нарушение ст. 136 УПК) было названо в докладе «буквально преступлением»².

Таким образом, на основании проанализированных документов можно сделать следующие выводы. Де-мотивирующий эффект, вызванный отношением к власти и проводимым ею мероприятиям, в годы Великой Отечественной войны был связан, прежде всего, с прогностическим компонентом сознательной деятельности человека. Недоверие к власти, критическое восприятие управленческих решений, проявление пораженческих настроений в первую очередь сказывались на отношении человека к ожидаемому результату труда. Высокая степень трудоотдачи находила обоснование в сознании каждого трудящегося только стремлением к достижению победы. Только победа оправдывала политику власти в области трудовых отношений. Сомнения в способности достичь этой цели, по сути, лишали смысла сознательный высокоинтенсивный труд. Именно поэтому настроения трудящихся, характеризующиеся подобными сомнениями, становились предметом постоянного контроля со стороны власти.

Опасность в данном случае заключалась в потенциальной подверженности таким настроениям политически лояльных граждан. Без постоянного контроля за политическими настроениями, без *системы наказания* за антиправительственные высказывания и деяния, такие настроения могли охватить и в целом патриотично настроенных граждан, что неизбежно приводило бы к снижению трудовой мотивации.

Необходимо также иметь в виду, что состав преступления не так называемым контрреволюционным делам был продуктом *сознательной* деятельности человека. Негативное отношение к власти, к политической системе СССР, выражение симпатии к противоборствующей стороне, сомнение в необходимости ведения оборонительной войны, были результатом не сиюминутных суждений, а обдуманных, осознанных оценок, сформировавшихся на протяжении определенного времени. Данное обстоятельство в условиях войны не оставляло правительству иного варианта борьбы с паникерскими, антигосудар-

¹ ГАРФ, ф. 8131 сч, оп. 37, д. 1888, л. 18.

² Там же. Ф. 131 сч, оп. 37, д. 1888, л. 18.

ственными, а в конечном счете — профашистскими настроениями. Поэтому факт необходимости осуществления контроля за подобными преступлениями в условиях военного времени и соразмерного чрезвычайной ситуации наказания за их совершения не вызывает сомнения.

С другой стороны, стараясь не допускать снижения конструктивной поведенческой мотивации, которое могло быть вызвано применением незаконных методов политического контроля, власть примерно с конца 1943 г. стала уделять более серьезное внимание борьбе с неправомерным наказанием. Как и в случае с наказанием за нарушение трудовой дисциплины излишнее и неоправданное применение мер административно-правового воздействия могло вызвать отрицательный эффект в сознании дисциплинированных и политически лояльных трудящихся.

Мотивы антисоветских преступлений также претерпевали изменения в ходе войны. Если в 1941-1942 гг. антиправительственные, контрреволюционные высказывания и действия были связаны, в первую очередь, с сомнением в возможности и необходимости защиты страны, то после коренного перелома в войне, когда таких сомнений почти не осталось, подобные действия были вызваны стойким неприятием советской действительности. Например, осенью 1941 г. на трудовом настрое граждан негативно отразилась эвакуация населения западных областей и жителей Москвы, что многими в том момент воспринималось как явное свидетельство невозможности обороны западных рубежей страны, вызывало неуверенность в завтрашнем дне, и, в конечном счете, приводило к потере трудовой мотивации. В этот же период отмечены высказывания о силе германской армии, о лояльности немцев к пленным, об экономическом и военном превосходстве Германии. Они резко контрастировали с образом врага, создаваемым официальной пропагандой и приносили сомнения в сознание трудящихся.

Необходимость интенсивно трудиться, защищать советский строй в значительной степени отрицалась гражданами, так или иначе пострадавшими от советской власти. Значительное количество антисоветских высказываний или действий были связаны с попытками и намерениями людей, их совершивших, восстановить утраченное при советской власти положение. Об этом говорит анализ социального происхождения обвиняемых, проведенных отделами по спецделам областных прокуратур и прокуратуры СССР. Неслучайно, что «бывшие» кулаки, торговцы, крестьяне-единоличники в своих «контрре-

волюционных» высказываниях проявляли частнособственнические настроения, критикуя колхозный строй, вспоминая добрым словом жизнь и материальное благополучие до революции.

На завершающем этапе войны деструктивные настроения, связанные с сомнениями в победе, с жесткой критикой власти были, в основном, свойственны лишь принципиально настроенным против советской власти гражданам. Да и то — только тем, кто не выражал таких настроений ранее и не попал под действие репрессивной машины. В целом же, как нам представляется возможным утверждать на основании анализа документов, репрессивная система действовала в соответствии с обстановкой военного времени и старалась не допускать огульных арестов и необоснованного обвинения. Особенно после коренного перелома в войне, когда опасность внутренней дестабилизации в стране стала снижаться.

Сам факт появления информации о таких преступлениях в компетентных органах, что являлось поводом для начала производства уголовных дел, подтверждает тезис о существовании системы политического контроля, действенными компонентами которой были не только контролирующие органы, но и отдельные граждане СССР. При этом надо сказать, что деятельность этой системы была опосредована конкретно-историческими условиями и не может оцениваться исходя из исключительно современных тенденций развития общественно-правовых институтов. В частности, наличие и функционирование этой системы во многом обеспечило высокую степень трудовой мотивации и четкую работу тыла в годы войны.

Характерно, что практика применения ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления) сводилась, как правило, к приговорам в виде 10 лет лишения свободы или расстрелам. Например, за 11 месяцев 1942 г. военный трибунал г. Горького осудил 140 человек по ст. 58. Из них 65 человек были расстреляны и 75 человек получили срок 10 лет¹. (Для сравнения: за этот же период за дезертирство из действующей армии в Горьковской области были осуждены 4 207 человек). Причем строгость подобных мер объяснялась в информационном докладе трибунала необходимостью предотвратить рост этого вида преступлений и «повысить бдительность трудящихся». То есть эти меры признавались превентивными, можно сказать, «устрашающими».

Другими словами, функционирование системы политического

¹ Забвению не подлежит. С. 78.

контроля в годы Великой Отечественной войны было обусловлено необходимостью не допустить духовного разъединения граждан перед опасностью уничтожения государства, задачами сплочения для достижения общей цели и борьбой с теми немногочисленными, но от того не менее опасными элементами, не желавшими разделять эти цели. «Страна - как одна струна!»¹ - так образно и лаконично передал в своем дневнике 1941 г. горьковский историк Н.М. Добротвор то эмоциональное состояние общества, которое было достигнуто, в том числе, и методами политического контроля, и которое, в конечном счете, позволило победить фашизм.

Забвению не подлежит. С. 513.

Глава III

Информационно-идеологические аспекты формирования трудоуой мотивации

Слово - всегда несет в себе больше смысла,
чем в него стремились вложить, и больше,
чем хотят в нем услышать .

В.В. Кожинев. Великая война России

§1. Информационно-идеологический контроль

Великая Отечественная война, особенно ее начальный период, характеризовалась наличием ряда проблемных ситуаций в социально-экономической, политической и идеологической сферах. Вызваны они были не только фактором внешней угрозы, но и рядом внутренних факторов. Одним из них был фактор *неопределенности*, связанный с потребностью человека в информации. Как отмечает И.Г. Скотников, «источником неопределенности выступает дефицит той информации, которая требуется субъекту для решения задачи, либо, напротив, избыток информации. В обоих случаях возникает многоальтернативность выбора решений и поэтому - субъективная неопределенность относительно выбора одной из альтернатив. В силу этого такой выбор представляет для субъекта проблему»¹. Государство, пытаясь сформировать² единое мотивационное поле трудовой деятельности, прибегало, в том числе к методам контроля над информацией и идеологией³.

Начало Великой Отечественной войны, несмотря на все подготовительные мероприятия, было для многих граждан неожиданным. Масштабы и скорость продвижения фашистских армий вглубь страны, помимо непосредственной угрозы завоевания, таили в себе угрозу негативного психологического воздействия на сознание трудящихся. Информация о ходе войны была доступна жителям тыловых областей,

¹ *Скотников И.Г.* Психологическая структура проблемных ситуаций: пороговые задачи и индивидуально-стилевые механизмы их решения// Психология труда в условиях проблемных ситуаций: Межвуз. сб. научн. трудов. Саратов, 1996. С. 63.

² Говоря о связи настроений и деятельности, о возможности *формирования* настроений, Б.Д. Парыгин писал: «Прежде всего, настроение отдельных личностей и особенно различных социальных групп и классов общества обладают огромной побудительной силой к действию. Они же представляют собой наиболее подвижный и податливый внешнему воздействию, наиболее подверженный идеологическому влиянию компонент всей психики человека» // *Парыгин Б.Д.* Общественное настроение. М., 1966. С. 266.

³ «Структуры идеологии задают правила интеграции индивидов. То есть эти структуры — коллективное выражение приоритетов Супер-эго... Идеологические структуры и организации дают индивидам чувство принадлежности к группе»/ *Алстед Я.* Психология, социология, общество: модели мотивации// Социс. 2002. №9. С. 23

не вступающих в прямой контакт с противником, лишь в опосредованном варианте. Власть стремилась путем ограничения негативной, пугающей, де-мотивирующей информации снизить степень ее деструктивного влияния на поведенческую активность населения.

Одним из самых эффективных средств осуществления информационно-идеологического контроля было **радио**¹. Радио обладает некоторыми специфическими характеристиками и функциями информирования населения. Это оперативность², которая в критических ситуациях выходит на первый план, и манипулятивная функция³, которая составляет один из главных элементов системы информационно-идеологического контроля.

Кроме того, радиовещание «оказывает несомненное психологическое влияние на людей»⁴. Это связано с тем, что радио, «ориентированное, прежде всего, на слуховое восприятие, воздействует более других на воображение человека... Радио возбуждает фантазию, стимулирует чувства и тем самым дает работу и мышлению, и неосознанным эмоциям»⁵.

В критической ситуации войны, в условиях трудно прогнозируемого результата с целью установления контроля над информацией властью было принято решение об ограничении каналов ее поступления путем изъятия у населения радиоприемников индивидуального пользования⁶.

Интересно заметить, что в постановлении говорилось: радиоприемники изымаются на *временное* хранение до окончания войны⁷. Это должно было подчеркнуть уверенность власти в положительном

¹ Как отмечает Т.М. Горяева, опираясь на современные исследования института мозга и работы Ю.М. Лотмана: «Сила воздействия голоса без изображения на сознание человека обладает уникальными свойствами. Видеть говорящего - значит понимать, что мы слышим мнение одного конкретного человека, с которым мы можем не соглашаться. Голос-невидимка претендует на большее - на абсолютную истину в последней инстанции» / *Горяева Т.М. Радио России. Политический контроль радиовещания в 1920—начале 1930-х гг. Документированная история.* М., 2000. С. 4; См. так же: «Великая книга дня» Радио в СССР. Документы и материалы / Состав. Т.М. Горяева. М., 2007.

² *Горяева Т.М. Радио России.* С. 8.

³ Там же. С. 31.

⁴ Радиожурналистика: учебник / Под. ред. А.А. Шереля М., 2005. С. 106.

⁵ Там же.

⁶ Лубянка Сталин и НКВД-НКГБ-ГУРК «Смерш». 1939-март 1946 г./ Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / Под ред. А.Н. Яковлева. М., 2006. С. 290-291.

⁷ Там же. С. 291.

исходе войны, передать эту уверенность населению. Вся официальная информация, согласно этому постановлению, должна была распространяться только при помощи радиоприемников коллективного прослушивания в клубах, радиоузлах, учреждениях, на предприятиях и в строго определенные часы.

Граждане, не сдавшие радиоприемники, подлежали строгой уголовной ответственности. Постановление Пленума Верховного суда СССР №29/13/у от 14 июля 1941 г. установило меру этой ответственности. Пленум в ответ на запросы с мест дал указание: «случаи уклонения от сдачи радиоприемников и радиопередающих устройств, предусмотренной постановлением Совнаркома СССР от 25 июня 1941 г., должны квалифицироваться по ст. 59-6 УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик»¹. Напомним, что данная статья квалифицировала особо опасные преступления против порядка управления СССР.

Отношение населения к изъятию радиоприемников можно проиллюстрировать на примере письма жительницы села Воскрссенское Горьковской области секретарю обкома М.И. Родионову 24 июля 1941 г. «Наша семья живет в лесу, — пишет О.С. Большакова. — Отец вот уже 20 лет работает объездчиком... До ближайшего селения от нас более трех километров. Мы знали обо всех новостях международной обстановки только благодаря радиоприемнику. Сейчас в нашей стране такая напряженная обстановка, *сейчас более чем когда-либо, хочется, да и нужно знать все обо всем* (курсив мой — В.С.), но у нас приемник взял радиоузел с. Воскресенского. Зачем и почему — нам никто не сказал»². Далее автор письма просит: «Если можно, то пусть нам вернут приемник, а если это нельзя, то ничего, видно, не поделаешь»³. При этом обращает на себя внимание отсутствие и намек на возмущение несправедливостью, на критику местных властей, что так характерно для подобных писем. Видимо, автор письма, хотя и не была в курсе постановлений правительства, регламентировавших изъятие, как-то связывала это с военной необходимостью и идеологической кампанией. Неслучайно свою просьбу она подкрепляет сведениями о партийности всей семьи, за исключением отца⁴.

¹ Сборник действующих постановлений пленума и директивных писем Верховного суда СССР 1924-1944 гг./ Под ред. И.Т. Голякова Юридическое изд-во Министерства юстиции СССР. М., 1946. С. 14.

² ГОПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 2171, л. 174.

³ Там же.

⁴ Там же.

Строгость властных постановлений относительно работы радиоузлов в военное время накладывала настолько большую ответственность на партийных и государственных работников, что некоторые предпочитали совсем прекратить прослушивание радио, чем постоянно опасаться вклинивания фашистских радиостанций. Это приводило к тому, что население не только лишалось возможности получать интересующую информацию, но и, по сути, выходило из-под контроля государства. Данная ситуация настолько обеспокоила власть, что 20 октября 1941 г. секретарь ЦК ВКП(б) по идеологии, начальник Главного политического управления А.С. Щербаков отправил на места совершенно секретную телеграмму, в которой призвал к ликвидации неблагоприятного положения с распространением информации.

В телеграмме, в частности, говорилось: «ЦК ВКП(б) известны множественные факты, свидетельствующие о крупных недостатках и грубых ошибках в радиовещании. Во многих районах Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Горьковской, Вологодской областей совершенно не работают радиоузлы, в результате чего население лишено возможности слушать политическую информацию из Москвы»¹. Телеграмма обязывала обкомы и крайкомы ВКП(б) восстановить работу районных узлов проводного вещания и разрешить парткабинетам, клубам, избам-читальням, «красным уголкам» использовать радиоприемники исключительно для *коллективного прослушивания*. В этом можно усмотреть расчет власти на общественные, моральные сдерживающие факторы возможных проявлений негативизма в отношении конкретной информации. А.С. Щербаков особенно подчеркнул, что местное партийное руководство должно «установить постоянный контроль партийных организаций за работой радиоузлов». О результатах работы и принятых мерах следовало докладывать в ЦК.

В ответ на телеграмму А.С. Щербакова 28 октября 1941 г. Горьковским обкомом было отправлено письмо, в котором отмечалось: «Бездействующих районных радиоузлов в области нет. Работают все. Но вследствие недостатка питания (остановка электростанций, недостаток бензина и т.д.) некоторые радиоузлы работают с перебоями»².

Вещание на коротких волнах было вынужденным шагом, связанным с эвакуацией радиостанций из Москвы. По этой же причине

¹ ГОПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 2069, л. 87.

² Там же. Д. 2370, л. 104.

центральное вещание перешло от трех программ к одной¹. Вещание Главной редакции пропаганды осуществлялось на нескольких волнах: РВ-1 (1744 м), РВ-84 (1060 м), РВ-49 (531 м), РВ-43 (1293,1 м), РВ-96 (1947 м), РВ-59 (25 м), РКИ (39,38 м)².

Одним из главных коммуникативных средств определения «текущего момента», направленности и результатов труда, прогноза на будущее для основной массы трудящихся была информация о положении дел на фронте, о ходе боевых действий. За период 1941—1945 г. только в выпусках последних известий было передано до 7 тыс. корреспонденции из действующей армии³.

В зависимости от специфики внутренней мотивации человека, его отношения к власти информация о положении на фронте либо усиливала, либо ослабляла общую мотивацию к труду. В своем большинстве советские граждане искренне желали скорейшей победы над врагом, поэтому фактором, усиливавшим трудовую мотивацию, можно считать информацию о победах на фронте. Такая позитивная информация, во-первых, усиливала надежду на положительный исход войны, на снижение фактора внешней угрозы, во-вторых, придавала уверенность в своих силах и в правильности действий власти, в-третьих - давала ощущение удовлетворения от своего труда.

Цели усиления трудовой мотивации служила также политика цензуры, сокрытия или минимизации информации о неудачах, о числе потерь, поражениях, полного исключения информации, даже косвенно имевшей возможность вызвать сомнение в бесчеловечности врага.

Одним из главных содержательных аспектов пропагандистских радиопередач было снижение де-мотивирующего влияния информации о силе противника, о невозможности сопротивления ему. Даже после успешного контрнаступления, осуществленного Красной Армией под Москвой, опасность такого влияния оставалась исключительно актуальной. Блокировать его в сознании трудящихся должны были радиопередачи следующего содержания.

23 декабря 1941 г. в 18.00 по московскому времени в эфире радиостанции им. Коминтерна прозвучала статья «Не так страшен черт, как его малюют»⁴, в которой особое внимание было уделено связи неуверенности в победе, распространения слухов и деятельно-

¹ Радиожурналистика: учеб./ Под ред. А.А. Шереля. М., 2005. С. 45.

² ГАРФ, ф. 6903, оп. 17.

³ Радиожурналистика. С. 46.

⁴ ГАРФ, ф. 6903, оп 17, д. 7, л. 8.

ста фашистской пропаганды. Снизить страх перед врагом должны были следующие слова, сознательно принижающие успехи немецкой армии в Европе: «Военная *прогулка* (курсив мой — В.С.) немцев по Западной Европе удалась им благодаря численному перевесу в технике и в людях. /.../ Большую роль сыграла в этом и вражеская пропаганда, которая сеяла повсюду панические слухи, подрывала стойкость и боевой дух армий противника, возбуждала неуверенность в своих силах и у народа, и у солдат подвергшейся нападению страны»¹. Кроме прямого указания на причины поражения европейских стран, в передаче косвенно проводилась главная мысль: возможность победы СССР тесно связана с недопущением подобных настроений.

Самоотверженный труд стимулировался, в том числе, и с помощью развенчания информации о непобедимости врага, активизации чувства мести. 17 декабря 1941 г. в 17 ч. по радио звучала статья майора Шарончикова «Документы, зовущие к мести». В ней характерно для этого периода сочетались идеи развенчания образа непобедимости врага и невозможности для него скрыться от народного гнева: «Не уйдут гитлеровские банды от суровой кары. В нашей земле они навсегда найдут себе могилу. За кровь и страдание наших людей, за поруганную нашу землю мы будем мстить беспощадно»².

В переданной в тот же день речи отбойщика Карагандинского угольного бассейна Георгия Руденко говорилось: «Я знаю, что сейчас меня слушают тысячи таких же молодых людей, как и я сам, и очень волнуюсь. Это потому, товарищи, что в сердце слишком много накопилось и словами все это даже передать трудно»³. Такое эмоциональное начало выступления должно было способствовать достижению цели высокой восприимчивости слушателей к дальнейшей информации-призыву: «Мы работаем, забывая об усталости. Одна у нас мысль, одна забота: помочь Красной Армии быстрее разгромить немцев»⁴. Дополняя предыдущую информацию, данная речь вызывала ощущение единства эмоций, восприятия действительности, целей и задач интенсивного самоотверженного труда и, соответственно, повышала конструктивную мотивацию.

Передача под заголовком «Буду работать еще самоотверженнее», прозвучавшая в эфире в 12 ч. 30 мин. 23 декабря, была посвящена письму токаря энского завода Матвеева. В нем он, в частности, го-

¹ ГАРФ, ф. 6903, оп. 17, д. 7, л. 9.

² Там же. Оп. 12, д. 7, л. 72.

³ Там же. Д. 41, л. 100.

⁴ Там же. Л. 101.

ворил: «Мою, энергию, казалось, удесятирила ненависть к врагу, предательски ворвавшемуся на нашу землю»¹. Причем, слово «казалось» было вычеркнуто цензором: у слушателя не должно было возникать сомнению по поводу отношения трудящегося человека к завоевателю. Оно должно было быть именно таким, а пример токаря Матвеева должен был стать одним из факторов трудовой мотивации.

Далее в письме эта тема получила развитие: «У меня от ненависти к этим двуногим зверям сжимаются кулаки. С какою бы радостью я задушил этих мерзавцев своими собственными руками. Скорее истребить их всех до единого, очистить от этой мрази нашу родную землю, освободить от фашистского гнета и насилия родные города и колхозы. *С этой мыслью я живу и работаю, ставя перед собой одну цель — как можно лучше работать для фронта* (курсив мой — В. С.)»². Последняя фраза была изменена цензором на «цель - лучше помогать фронту». Видимо это изменение должно было подчеркнуть ощущение сопричастности к победам на фронте, что, по мнению цензора, должно было усилить мотивирующую составляющую ключевой фразы письма.

Советская информационно-идеологическая машина в начальный период войны активно боролась против создаваемого вражеской пропагандой позитивного образа немецких оккупационных властей. В печати и по радио в большом количестве распространялась информация о зверствах фашистов, о массовых убийствах мирных жителей. В то же время, как показывают источники, среди населения прифронтовых областей активно циркулировали слухи о восстановлении немцами на оккупированной территории дореволюционных порядков, что выглядело весьма привлекательным для некоторого количества советских граждан. Содержание радиопередач в этом период раскрывает сущность информационно-идеологического воздействия на сознание «неустойчивой» части рабочих и крестьян.

Например, в передаче «Гитлеровцы — злейшие враги советского крестьянства», прозвучавшей в эфире 29 декабря 1941 г. в 18 ч. 20 мин., приводились примеры негативного отношения захватчиков к колхозникам на оккупированной территории. При этом цензура применила метод сокрытия информации, дабы она не вызвала ненужных власти вопросов и аналогий. В первоначальном варианте текста радиопередачи говорилось: «Фашисты забирают себе весь хлеб, все имущество колхоза. Они сохраняют колхозы в качестве

¹ ГАРФ, ф. 6903, оп. 12, д. 7, л. 33.

² Там же. С. 34.

крупных хозяйств, работающих на немецкую армию, заставляют крестьян работать даром, а иногда обещают давать им одну шестую или даже седьмую часть, но на деле и этого не делают». После правки цензора в эфире прозвучала лишь первая фраза¹. Информация о том, что немцы не только не уничтожают население, но и сохранили колхозы и обещают за работу в них часть урожая, могла существенно снизить мотивацию и желание колхозников трудиться в советских колхозах, добывая пропитание на собственном подсобном участке.

Фраза: «В деревнях Ленинградской области ежедневно гонят население на принудительные работы» - была допущена цензором к эфиру, поскольку не представляла в этот период излишне опасной аналогии с советской трудовой политикой - трудовая повинность в СССР оставалась все же чрезвычайной, а не ординарной формой организации труда. Но в эту фразу цензором было добавлено уточнение. Получилось: «В деревнях Ленинградской области, *захваченных временно...*»². Это дополнение полностью соответствовало политике формирования в сознании населения уверенности в победе, и должно было подавить в сознании слушателя ощущение неизвестности, неопределенности относительно перспектив развития ситуации на фронте. А от степени этой уверенности во многом зависела мотивация труда.

Региональное радиовещание также развивалось в русле контрастно-негативного изображения образа врага. Например, в передаче Мордовского областного радиокomiteта от 12 августа 1941 г. под названием «Могучий трудовой подъем среди железнодорожников» в качестве мотивирующего эффекта была использована информация об условиях труда на Рузаевском узле в начале XX в. «Старшим акционером бывшей Московско-Казанской железной дороги был тогда немец Фон Мекк», — говорилось в передаче³. Далее шла довольно неприятная, но адекватная ситуации характеристика: «Он был похож на дьявола и зверя, прообраз теперешних немецких фашистов»⁴. В 1900 г. акционерному обществу оказалось выгодным перевести основное депо из Пензы в Рузаевку. «Фон Мекк издал приказ: «Переселиться в Рузаевку со всеми паровозами»⁵. Далее в передаче использованы воспоминания ветеранов депо:

¹ ГАРФ, ф. 6903, оп. 12, д. 7, л. 317.

² Там же. Л. 322.

³ ЦГАРМ, ф. 647, оп. 1, д. 10, л. 14.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

«— Жизнь тогда в Рузаевке оказалась хуже тюрьмы, — вспоминает старый рабочий депо тов. Дмитриев.

- Под жилое помещение для проводников были отведены старые бани, представлявшие собой тесные, вонючие сараи. Рабочих бессовестно эксплуатировали. Машинисты и помощники работали по 400 с лишним часов в месяц»¹.

Какие мысли и чувства должна была вызывать эта передача? В-первых, немцы исторически стремились в Россию ради эксплуатации ее богатств и населения; во-вторых, условия труда и быта при этом были намного тяжелее, чем современные (военные); в-третьих, решить все проблемы, вызванные войной с немцами можно только интенсивным трудом: «Горячее желание ускорить победу над врагом — источник невиданного повышения производительности труда»².

Официальная пропаганда для оказания наибольшего эффекта на сознание слушателя должна была восприниматься как достоверная, правдивая, соответствующая действительности информация. Применение методов сокрытия или искажения информации о событиях на фронте во многом было обусловлено невозможностью для подавляющей части тылового населения проверить её достоверность. Неправдоподобные же сообщения о трудовой жизни и быте в тылу сразу же опровергались самой практикой. Допущение такой информации было опасно для власти тем, что она могло вызвать недоверие трудящихся, которое могло быть перенесено на информационную политику в целом. Поэтому работа цензоров сводилась, порой, к исправлению текстов радиопередач, звучавших излишне сомнительно или неоднозначно.

Например, в статье «Шире вовлекать женщин на железнодорожный транспорт» от 31 декабря 1941 г. говорилось: «Слесарь-автоматчик Тарасов сражается с врагами на фронте Отечественной войны. Бывшая уборщица, молодая девушка Катя Бородина *с лихвой выполняет его производственные нормы* (курсив мой — В.С.)»³. Эта фраза могла вызвать у слушателя серьезное недоумение: видимо слесарь Тарасов работал не слишком интенсивно, так что простая девушка, уборщица «с лихвой выполняет его нормы». Обратный вариант объяснения представлялся еще более неправдоподобным. Поэтому данная фраза была вычеркнута цензором. Вместо нес появилось: «Быв-

¹ ГАРФ, ф. 6903, оп. 12, д. 7, л. 15.

² Там же. Л. 17.

³ Там же. Л. 468.

шая уборщица, молодая девушка Катя Бородина *встала на его место*¹.

В то же время трудно переоценить влияние позитивного образа советского труженика, созданного пропагандой, на формирование конструктивной мотивации труда. Примеры трудового героизма призваны были мобилизовать радиослушателей на аналогичную повышенную трудотдачу. Например, в радиопередаче отдела агитации и пропаганды радиокомитета Мордовской АССР от 5 августа 1941 г. говорилось:

«Даже человеку, постоянно живущему в своей деревне, трудно уследить за всей ее деятельностью в дни Великой Отечественной войны: жизнь, полная событиями, течет как многоводная, бурная река. Она, меняясь на глазах людей, приносит с собой все новое и новое»², — фраза, которая была призвана «настроить» слушателя на повышенное восприятие информации. Радио «знает» намного больше каждого гражданина, поэтому ему необходимо доверять, к его советам — прислушиваться. Далее — без перехода - фраза о необходимости интенсивного труда:

«Закон военного времени: «Побеждает тот, кто наиболее полно мобилизовал все свои силы и возможности», — все более входит в сознание советских людей»³. Обращает на себя внимание утвердительная формулировка: «закон... *входит в сознание людей*». Такое построение подачи информации не должно было оставлять сомнений в обратном, а приводимые далее примеры трудового героизма с указанием конкретных фамилий героев «закрепляли» эту уверенность⁴.

Далеко не случайно, что героями подобных радиопередач были женщины, девушки. Именно этот образ обладал широкими возможностями воздействия на слушателей, поскольку воспринимался более эмоционально: являлся, с одной стороны - предметом восхищения трудовым героизмом, с другой - примером для подражания.

Так, в статье «Неустанно развивать творческую инициативу масс», прозвучавшую в эфире 16 февраля 1942 г., просматривается довольно характерный для такого рода радиопередач образ девушки-труженицы, который на уровне эмоционального восприятия должен был вызвать реакцию, выраженную лозунгом «Делай, как я!». В радиопередаче говорилось: «Советская патриотка Кукушкина... знала,

¹ ГАРФ, ф. 6903, оп. 12, д. 7, л. 468.

² ЦГАРМ, ф. 647, оп. 1, д. 10, л. 4.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 5-6.

что чем больше она сделает, тем ощутительнее будет на фронте ее помощь, тем крепче будут удары по врагу.

— Хотя моя работа маленькая, незаметная, но она нужна фронту, — говорит т. Кукушкина.

Сознание ответственности перед фронтом заставило скромную рядовую работницу *еще внимательнее присмотреться к своей работе, подумать над каждым движением, подсказало Кукушкиной способ усовершенствовать свой стахановский труд* (курсив мой - В.С.)¹.

Обращает на себя внимание тот факт, что последние слова звучат не просто как информация, но и как *скрытый призыв, побуждение*, подсказка — так нужно поступать всем, кто хочет помогать фронту, усовершенствуя свой труд. Призыв этот подкреплен в статье доказательством возможности и необходимости для остальных тружеников перенимать позитивный опыт молодой девушки: «Ее пример *заставил* работниц, занятых на других операциях, глубже вникнуть в свою работу, *пробудил* в них инициативу, сметку (курсив мой - В.С.)»². Другими словами, образ трудящегося, создаваемый в условиях информационно-идеологического контроля, был направлен на формирование позитивного примера для подражания, конструктивного образца, усилившего мотивацию труда.

Главной составляющей информационно-идеологического контроля в годы Великой Отечественной войны можно считать идею о неизбежности победы СССР, которая в самые тяжелые периоды войны постоянно поддерживалась властью на уровне веры в чудо. А также идею о необходимости защищать государство и власть как нечто неотъемлемое от понятия «Родина». Довольно показательна в этом отношении, например, радиопередача, прозвучавшая в эфире 15 и 16 февраля 1942 г. с характерным названием — «Идея, рождающая героизм». В ней говорилось: «Советский народ ведет войну за свою честь, за свою свободу и независимость... Идея защиты Отечества овладела массами и рождает в массовом масштабе героизм, отвагу и самоотверженность»³.

Диалектическая взаимосвязь между получаемой человеком информацией и его конкретным поведением позволяет нам говорить о том, что человек проявлял трудовой и ратный героизм как средство защиты от врага чего-то реально *своего*. Ощущение того что «советская страна — *наша страна*» было как результатом информационно-

¹ ГАРФ, ф. 6903, оп. 12, д. 12, л. 361.

² Там же.

³ Там же. Л. 326, 328.

идеологического воздействия, так и отражением в сознании трудящихся реального положения дел.

С другой стороны, ожидание победы, или хотя бы позитивных изменений на фронте не могло быть бесконечным. В условиях напряженного труда для человека было очень важным знать хотя бы приблизительные сроки проявления результатов этого труда, приближения победы. Власть прибегала для этого к некоторым психологическим методам информационного воздействия. Например, осенью-зимой 1941-1942 гг. многократно и в разной форме транслировались слова И.В. Сталина, произнесенные на параде 7 ноября 1941 г. Он говорил: «Нет сомнения, что Германия не может выдержать долго такого напряжения. Еще несколько месяцев, еще полгода, может быть годик, — и гитлеровская Германия должна лопнуть под тяжестью своих преступлений»¹. Кроме желания вселить уверенность в окончательной победе, обращает на себя внимание и определение сроков ее достижения. Во-первых, они определены достаточно четко: минимум несколько месяцев, максимум — год. Во-вторых, руководитель государства оставляет за собой право на определенную погрешность, ошибку в расчетах — он говорит «*может быть*», что было совершенно не случайно. Более точное определение сроков окончания войны могло вызвать недоверие слушателей и отторжение всей позитивной информации вообще. В-третьих, очень характерно применение уменьшительного суффикса «-ик» в определении срока поражения Германии. Слова «*год*» и «*годик*» воспринимаются человеком по-разному. «Годик» звучит как меньшая по протяженности временная характеристика, вызывая в сознании слушателя эффект ничтожности срока.

Анализ материалов главной редакции пропаганды Государственного комитета по радиовещанию показывает, что после коренного перелома в войне, примерно с конца 1943—начала 1944 гг. содержание радиопередач несколько меняет свою направленность, что, безусловно, было связано с изменением ситуации на фронтах Великой Отечественной войны. Переход стратегической инициативы в руки советского командования мало у кого оставлял сомнения по поводу окончательного исхода войны. Красная Армия наступала, а информация о наступлении служила мощным эмоциональным стимулом к интенсивному труду. К тому же непреходящий интерес трудящихся к событиям на фронте теперь, в отличие от начального периода войны,

¹ Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. ОГИЗ: Горьковское областное издательство, 1943. С. 36.

было чем удовлетворить. Именно поэтому в радиопередачах января 1944-1945 гг. преобладают материалы под заголовком «На фронтах Отечественной войны»¹.

Информация о победах сама по себе была способна повысить мотивацию труда: возможность скорейшей победы прочно увязывалась в сознании трудящегося с необходимостью не снижать темпов и качества труда. С другой стороны, интенсивность использования *призывов* в качестве методов усиления мотивации к 1944 г. частично привела к снижению восприимчивости к подобным стимулам и, соответственно, к снижению их эффективности. Можно даже предположить, что трудящиеся несколько устали от постоянно повторяющихся призывов, причем морально-психологическая усталость, невосприимчивость во многом была обусловлена усталостью физической, накопившейся за годы войны. Это очень хорошо понимали в Главной редакции пропаганды и произвели соответствующие коррективы. Так, название статьи в виде призыва «В Новом году усилим помощь доблестной Красной Армии», которая должна была выйти в эфир 4 января 1944 г. цензор зачеркнул и принял решение: «Объявлять по 1-й странице»².

В Марийской АССР в 1944 г. местные радиопередачи включали в себя краткую оперативную сводку на марийском языке, последние известия и передачи тематического характера. Их содержание также свидетельствует о некотором ограничении использования призывов как средства стимулирования труда. Информация о трудовом подъеме, в отличие от периода начала войны, уже не воспринималась позитивно, вызвала сомнения у слушателей. Поэтому, например, в передаче от 13 сентября 1944 г. цензором были вычеркнуты следующие слова «Волна предоктябрьского соревнования охватила колхозы Горно-Марийского района»³. А в передаче от 15 сентября из выступления заместителя начальника управления трудовых резервов МАССР Чудиной было исключено утверждение: «С 15 сентября... сотни тысяч юношей и девушек нашей страны придут в учебные заведения трудовых резервов, чтобы научиться здесь мастерству, а затем влиться в ряды нашего рабочего класса»⁴.

Исключение этой информации было продиктовано ее несоответствием фактическому положению дел, что могло вызвать критиче-

¹ ГАРФ, ф. 6903, оп. 12, д. 71, л. 2, 15, 22 и далее.

² Там же. Л. 121.

³ ГАРМЭ, ф. 658, оп. 1, д. 33, л. 224 об.

⁴ Там же. Л. 148

ское отношение со стороны слушателей не только к данной информации, но и к сопутствующей ей.

Таким образом, учитывая то, что радио было одним из самых эффективных средств информационно-идеологического контроля, именно *радиопередачи* можно рассматривать как действенный фактор формирования эмоционального и мотивационного фона повседневной жизни трудящихся. Б.Ф. Поршнев справедливо отмечал: «Как в гипнозе повторение внушаемого усиливает эффект, т.е. снимает остатки противодействия внушению, так и в общественной жизни повторность, настаивание — могучее орудие «коллективных представлений». Традиция, обычай, культ, ритуал, всякое заучивание правил, текстов, церемоний, стереотипов выражения эмоций — все это и истории народов Земли было весьма действенным средством истребить самовольство и самоуправство, т.е. задушить в зародыше негативизм поведения»¹. В этом смысле метод повторяемости как самих радиопередач, так и конкретных информационно-идеологических конструкций, усиленный техническими возможностями радио, производил ожидаемое позитивное воздействие на мотивацию труда.

Эффективным средством формирования позитивной трудовой мотивации были **плакаты**. Плакат — наиболее массовый вид изобразительного искусства, одной из задач которого является политическая агитация и пропаганда². Визуальные образы информировали и призывали, предупреждали и объединяли. Но главная цель плаката заключалась в формировании мнений, суждений, эмоций, а в конечном итоге — определенного конструктивного стереотипа поведения человека, направленного на достижение победы.

Как отмечает в своей работе В.Г. Крысько, плакат как изобразительное средство воздействия отличается некоторыми особенностями. Он характеризуется наличием эффекта многократности восприятия, которое облегчает запоминание и усвоение содержания плаката. Восприятие содержащейся в плакате информации осуществляется с помощью зрительных рецепторов, т.е. с помощью наиболее емкого канала передачи информации в кору головного мозга. Этим объясняется высокая степень информационной насыщенности плаката. Изо-

¹ *Поршнев Б.Ф.* Контрсуспестия и история (Элементарное социально-психологическое явление и его трансформация в развитии человечества)// *История и психология/ Под ред. Б.Ф. Поршнева и Л.А. Анциферова.* М., 1971. С. 24.

² *Иванов В.С.* Как создается плакат. М., 1963. С. 5.

бражение, как показывает В.Г. Крысько, оказывает влияние на под- сознание зрителя. Это обуславливает появление у него интеллекту- альных и эмоциональных ассоциаций, что может использоваться для формирования его убеждений и ценностных ориентаций¹.

Исследователь М.А. Ельшина к особенностям плаката относит синтез изображения и слова (лозунга), который усиливал воздейст- вие плаката на зрителя. В условиях довольно незначительной гра- мотности населения доходчивость и выразительность плаката были его необходимыми качествами².

Основными выразительными средствами плаката были: *собст- венно сюжет, цвет и текст*. Именно такое сочетание емких по смыслу и компактных по способу воплощения выразительных средств вызывало в народном сознании наиболее стойкое (позитив- ное или негативное) отношение к заложенному в плакате смыслу. Сюжетная основа, как правило, была *идеологической, исторической, современной (реальной, отражающей обстановку на фронте и в тылу)*. Кроме того, в сюжете карикатур активно использовался юмор, зоо- морфное изображение противника и движение (направленность изо- бражения). А также цветовой контраст (как правило — красно-чер- ный) для усиления восприятия антитезы «свой-чужой»³.

Плакат должен был обращать на себя произвольное внимание зрителя, которое либо исчезает, либо переходит в произвольное, т.е. в осознанное внимание. Человек должен был задержаться перед пла- катом, задуматься над его содержанием, вникнуть в его смысл⁴.

Немаловажное значение имели доступность и массовость плака- та как средства распространения государственной идеологии. На протяжении всей войны и, особенно, в ее начале, плакаты, в силу особенности выразительных средств, приковывали к себе внимание

¹ Крысько В.Г. Секреты психологической войны (Цели, задачи, методы, формы, опыт). Мн., 1999. Режим доступа: www-libri.ru/elib/krysk000/00000072.htm

² Ельшина М.Л. Революционная и государственная символика в раннем советском плакате (1917-1926)// Геральдика: Материалы конф. «10 лет вос- становления геральдической службы России». СПб, 2002. С. 49.

³ По поводу специфики цветового восприятия С.Л. Рубинштейн писал: «Каждый цвет определенным образом воздействует на человека. Действие цветов обусловлено, с одной стороны, непосредственным физиологическим влиянием их на организм, а с другой — ассоциациями, которые цвета вызы- вают на основе предшествующего опыта. Некоторые цвета возбуждают, дру- гие, напротив, успокаивают нервную систему» // *Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии*. СПб., 1999. С 223.

⁴ Крысько В.Г. Указ. соч.

трудящихся. Как писал А. Верт: «Люди жадно читали наклеенные на стенах плакаты, которых, надо сказать, было множество»¹.

Текст, сопровождавший изображение был, как правило, емким, лаконичным, в легко запоминающейся стихотворной форме. «Лаконизм и выразительность текста плаката имеет огромное значение в достижении ударной силы плаката, страстности агитационного призыва, в том, что этот призыв, это краткое словесное определение идеи, органически связанное с изобразительным образом плаката, усиливало бы эмоциональное впечатление от него, и, *хочет того зритель или не хочет, укоренялось в его сознании, внушало ему определенную мысль, убеждение* (курсив мой — В.С.)», — писал плакатист и теоретик данного вида живописи В.С. Иванов².

Кроме того, В.С. Иванов обращал особое внимание на отличительную черту плаката - его эмоциональность. Плакат, по его мнению, «должен что-то говорить и уму и сердцу», а это зависит «от силы тех ощущений и ассоциаций, какие вызывает произведение своим содержанием и той формой, в какую оно воплощено»³.

В начале войны в сюжетах плакатов значительное место занимала идеологическая составляющая, а также изображение боевых действий или готовности к ним. Защита Отечества четко связывалась с защитой революционных завоеваний. Таков плакат В. Серова «Юноши и девушки, защищайте свободу, Родину и честь, завоеванные вашими отцами!». На первом плане изображены вооруженные, стоящие в одном ряду, солдаты и рабочие. В качестве фона художник избрал стилизованное изображение революционных событий 1917 г.: вооруженные солдаты и матросы с красными знаменами атакуют (возможно, «Зимний дворец»). За ними на горизонте в лучах красного восходящего солнца, несколько затмевая его, — крупные цифры «1917»⁴.

В плакатах, обращенных непосредственно к гражданскому тыловому населению, присутствовали сюжеты, которые были призваны активизировать в сознании трудящихся целый комплекс эмоций. Возмущение, гнев, ненависть к врагу, желание отомстить за близких, осторожность, альтруизм, жертвенность, уверенность в Победе - вот основные эмоции, которые вызывали подобные плакаты, непосредственно воздействуя и на мотивацию труда.

¹ Верт А. Россия в войне 1941-1945. М., 2003. С. 111.

² Иванов В.С. Указ. соч. С. 13.

³ Там же. С. 44.

⁴ <http://sovietsite.narod.ru/plakat/war/pl-war26.jpg>

Общественное сознание в тылу, трудовая мотивация в значительной степени формировались в зависимости от информации о событиях на фронте. Политический плакат не только призывал к активным действиям непосредственных участников событий - солдат и офицеров, но и в определенном смысле информировал труженников тыла о ходе боевых операций. Сюжет плаката воспринимался зрителем не только как желательный, необходимый, но и как *реальный*. Такое восприятие способствовало формированию в сознании населения уверенности в реальности и неизбежности разгрома врага.

Пожалуй, наиболее ярким по спектру вызываемых эмоций и мощным по силе воздействия на сознание, как солдат, так и гражданского населения был плакат В. Корецкого «Воин Красной Армии, спаси!». Написанный в один из самых тяжелых периодов войны, он не мог оставить равнодушным ни одного человека, обладавшего нормальной эмоциональной сферой. На плакате изображена женщина с ребенком - символ Родины, будущих поколений и всего самого дорогого, что защищали солдаты на фронте и трудящиеся в тылу. Портреты выполнены в черно-белых тонах, что должно было подчеркнуть трагичность положения и в то же время стать контрастом для восприятия красного цвета крови на фашистском штыке. Лица матери и ребенка напряжены, но не испуганы, полны воли и решимости, они призваны вызвать у зрителя не столько жалость к себе, сколько ненависть к их угнетателю. Кстати, ни его лица, ни вообще его самого на плакате не видно. Зритель лишь догадывается, что направленную на мать и дитя винтовку со штыком держит враг. Это не случайно, поскольку по замыслу плаката, враг не может иметь *ничего человеческого*: ни лица, ни мыслей, ни жалости. Он безлик, бесчеловечен, жесток. Как отмечает Е.С. Сенявская, такая черта является главной в «образе врага»¹.

Красный цвет крови на штыке должен был вызывать у зрителя чувство сопричастности к трагедии: враг проливает *нашу* кровь, ведь красный цвет в традиции советского искусства и идеологии прочно связывался с цветом знамени, партии, революции. В таком же цвете выполнены главные слова плаката, призыв о помощи. Зритель вполне мог представить на месте героев сюжета своих собственных близких, и это усиливало воздействие на его сознание².

Особое место занимают плакаты, которые были призваны корректировать в сознании трудящегося населения образ врага. Паника,

¹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 16.

² <http://www.a-pcsni.golosa.info/ww2/placat/spasi.htm>

страх перед «непобедимыми» гитлеровцами, или, напротив, желание их скорейшего прихода — настроения, имевшие место в начальный период войны. Блокировка и подавление подобных настроений стали задачами, которые определяли применение художественных средств плаката. Как отмечает психолог Т.П. Будякова, одним из эффективных методов воздействия на массовое сознание является карикатура, «изображение, в котором комический эффект создается соединением реального и фантастического, преувеличением и заострением характерных черт, неожиданными сопоставлениями и уподоблениями Самые оскорбительные элементы карикатуры: аллегорические образы, зооморфное изображение, образ преступника, образ садиста, акцент на физических недостатках, аллегорическое изображение негативных черт»¹.

Как правило, в таких плакатах использовались гипертрофированные изображения с целью усилить восприятие того или иного образа. Наибольший эффект при этом достигается применением контрастности в цвете, размере и объекте восприятия. Например, классическая работа (Кукрыниксы) «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!»². На нем изображен советский солдат, протыкающий штыком винтовки прорвавшегося сквозь договор о ненападении Гитлера. Все изображение построено на контрасте, что усиливает позитивное восприятие советского солдата и негативное восприятие Гитлера, олицетворявшего врага в целом. Солдат выполнен красным цветом. Гитлер — черным. Солдат движение винтовкой выполняет справа налево, сверху вниз, как, например, уничтожают ползучего гада.

Изображение Гитлера достойно особого внимания. С пистолетом в руке, со снятой маской, он протягивает левую руку, очень похожую на крысиную лапу и когти коршуна одновременно. Этим движением он разрывает «Договор о ненападении между СССР и Германией». Образ Гитлера зооморфизирован — он похож на крысу. Плакат должен был вызвать соответствующие чувства у зрителя. Гитлер и фашисты — это дикие звери, к которым нет жалости. Причем изображение Гитлера-крысы в одном пространственно-временном поле вместе с обладающим обычными человеческими чертами советским воином усиливало ощущение реальности именно такого образа главы фашистов.

Вообще зооморфизированный образ Гитлера довольно активно

¹ Будякова Т.П. Психологическая оценка оскорбления личности средствами карикатуры// Психологический журнал. 2003. Т. 24. №5. С. 111—113.

² <http://sovietsite.narod.ru/plakat/war/pl-war32.jpg>

использовался советскими художниками для усиления чувства отвращения и ненависти к врагу. При этом плакаты с таким изображением не должны были вызывать ощущения слабости противника, не должны были его представлять в излишне юмористическом виде. Художники должны были постоянно «балансировать» на грани карикатуры и политического плаката, не допуская малейшего отступления от образа Гитлера — преступника, отброса человеческого общества.

Уверенность в победе была очень важной ментальной составляющей позитивной, конструктивной мотивации трудового поведения человека в тылу. Поэтому она всячески поддерживалась в сознании населения. В том числе и плакатами. Например, плакат художника Долгорукова, где на черном фоне по контрасту движения изображены Гитлер и Наполеон. Наполеон в верхней части плаката бежит, подгоняемый *красным* штыком, в направлении справа налево (т.е. на Запад). Надпись под ним, выполненная красным цветом, гласит: «Так было...». Внизу изображен Гитлер с крысиной рукой, наколотый так же на штык красного цвета. Надпись под ним должна была сформировать уверенность в победе: «Так будет!»¹.

Усиление мотивации труда, увеличение его производительности — главная цель плакатов, посвященных трудовому героизму тыла. Трудящиеся должны были постоянно ощущать свою значимость в деле обороны страны, борьбы за ее независимость. В наиболее яркой, эмоциональной, концентрированной форме требование интенсивного труда ради победы, на наш взгляд, было выражено в плакате И. Тоидзе «Ты чем помог фронту?». Красноармеец с винтовкой в руке на фоне дымящихся заводских труб довольно выразительным и характерным жестом, направленным взглядом задает *каждому* зрителю этот, важнейший, определяющий трудовую мотивацию вопрос².

Похожий сюжет и цветовое решение в плакате Н. Авакумова «Больше металла — больше оружия!». В нем изображена мартеновская печь, из которой «по мановению руки» стоящего на первом плане рабочего, выливается расплавленный металл и превращается в танки и самолеты, идущие на фронт³. Призыв здесь выражен путем показа «процесса действия, его результатов, или причин, неизбежно вызывающих его»⁴.

¹ http://sovietsite.narod.ru/plakat/war/pl-war1_55.jpg

² <http://www.petrograd.biz/plakat/pl53.php>

³ <http://sovietsite.narod.ru/plakat/war/pl-war03.jpg>

⁴ Демосфенова Г., Нурок А., Шантыко Н. Советский политический плакат. М., 1962. С. 150.

Примерами таких плакатов может стать произведение П. Караченцова «Урал — фронту!». На нем изображен ковш сталелитейного завода, из которого выливается в виде огромной капли сталь красного цвета. Падая, капля превращается в стилизованную бомбу или снаряд. Под ее разрушительным воздействием рассыпается фашистский танк, изображенный прямо под ковшом в центре внизу плаката¹. Сюжет плаката прямо указывал на результат интенсивного труда.

На плакате А. Кокорекина изображен сталевар, читающий сводку Совинформбюро. Текст под изображением отражает идею единства фронта и тыла: «В этой фронтовой сводке есть и мой боевой труд». Обращает на себя внимание выражение *боевой труд*, которое должно было подчеркивать исключительный характер и значимость труда *каждого* для общей цели².

Следует отметить, что плакаты подобного рода, в отличие от изображений фронтовых сюжетов, выполнены в многоцветной палитре. Это, скорее всего, объясняется отсутствием необходимости цветом подчеркнуть контраст «свой — чужой», как это присутствовало в черно-белых и красно-черных плакатах. С другой стороны цветовая гамма призвана была хоть как-то «разукрасить» монотонные «серые» будни трудящихся.

Усилить мотивацию труда женщин, которые вставали на место мужчин, ушедших на фронт, должен был плакат В. Серова «Заменим!», выпущенный в 1941 г. На фоне движущейся на фронт армии, солдат, танков и летящих самолетов изображена женщина, смотрящая им вслед. Ее взгляд, пожалуй, несет основную смысловую нагрузку: он не выражает ни жалости, ни тоски по уходящим на фронт мужчинам. В этом взгляде решительность и уверенность, готовность выполнить работу, необходимую стране, выполнить гражданский долг³.

Цель интенсивного труда определялась необходимостью победы. Ряд плакатов поддерживали в сознании трудящегося представления о незыблемости этой цели, постоянно концентрировали внимание на главном ожидаемом результате. К подобным плакатам можно отнести работу А. Кокорекина «Все для победы! Фронту от женщин СССР». Несложная композиция плаката подчеркивала простоту и ясность главной идеи: главный стимул труда - победа! На плакате изображена женщина в рабочей униформе среди произведенных бое-

¹ <http://sovietsite.narod.ru/plakat/war/pi-war184.jpg>

² <http://www.plakaty.ru/posters?cid=5&part=1943&id=1837>

³ <http://www.plakaty.ru/posters?cid=1&part=1941&id=1207>

припасов. Женщина — обобщенный образ. В этом образе каждая женщина могла узнать себя. Или, что не менее важно, — могла *стремиться к этому образу*¹.

Решение кадровой проблемы, вызванной отправкой на фронт значительного количества рабочих, решалась, в том числе, с помощью плакатов. Например, плакат Т. Ереминой обращен к женщинам с призывом осваивать мужскую профессию тракториста. На первом плане девушка за рулем трактора прощается с юношей, уходящим на фронт. Текст плаката в стихотворной форме должен усиливать мотивацию труда: «На трактор девушки садятся смело, дают бойцам уверенный наказ: - фашистов бейте храбро и умело, а мы уж поработаем за вас!»². Вообще образ трудящейся женщины — наиболее распространенный сюжет плакатов, обращенных одновременно и к воинам Красной Армии, и к трудящимся тыла. «Женщина у станка, за рулем трактора или за штурвалом комбайна, заменившая мужчину, ушедшего на фронт»³ — сюжет, не только «непосредственно и прямо подчеркивавший связь фронта и тыла»⁴, но и призывающий одновременно воинов к защите Родины, трудящихся - к интенсивному труду.

Аналогичный образ трудящейся девушки был избран художником И. Серебряным для плаката «А ну-ка, взяли!» (1944 г.)⁵. На нем изображена девушка, берущая носилки с кирпичом. Она как бы обращается к зрителю с призывом помочь ей в работе: взять носилки спереди. Вероятно, этот плакат мало кого оставлял равнодушным к призыву, настолько живым и реальным был этот образ. Эмоциональное переживание, желание помочь, должно было перенестись и на реальную ситуацию. В данном случае призыв к действию был вывлен «путем реального показа процесса действия»⁶.

Таким образом, плакаты как визуально-художественная форма идеологического контроля воздействовали на сознание трудящихся, в том числе, с целью повышения трудовой мотивации. С помощью изобразительных, художественных средств они стимулировали высокую трудоотдачу методами *побуждения* и *морального вознаграждения*.

¹ <http://www.plakatv.ru/posters?cid=5&part=1942&id=1209>

² <http://visualrian.ni/images/item/136604>

³ Демосфенова Г., Нурок А., Шантыко Н. Советский политический плакат. М., 1962. С. 138.

⁴ Там же.

⁵ Суздалев П.К. Советское искусство периода Великой Отечественной войны. М., 1965. С. 59.

⁶ Демосфенова Г., Нурок А., Шантыко Н. Указ соч. С. 150.

Кроме этого - формировали и корректировали образы и представления трудящихся, их эмоциональную сферу.

Плакаты позитивно дополняли представления о положении на фронте. Созданный с помощью плаката образ непрерывного движения на врага существенно корректировал деструктивные настроения, преследовал цель снизить степень подверженности панике.

Сюжеты плаката способствовали формированию в сознании трудящихся уверенности в победе. Как правило, это делалось с использованием исторических аналогий. (Например, плакат «Так было. Так будет».)

Плакат и карикатура создавали определенное отношение к врагу и к характеру войны. Скрытые, зооморфные изображения противника, результатов его преступных деяний как у воинов, так и у труженников тыла вызывали ненависть к захватчикам и активизировали чувство мести. Изображения Гитлера, вероломно нарушившего договор о ненападении, вселяли уверенность в справедливом характере войны для Советского Союза.

Обращаясь непосредственно к труженикам тыла, плакаты побуждали к защите самого дорогого (социалистической Родины, Столицы, семьи), подчеркивали единство фронта и тыла, обращались к чувству долга перед Родиной («Чем ты помог фронту?»). В качестве поощрения за интенсивный труд плакат обращает внимание зрителя на его непосредственные результаты. Наиболее характерный прием при этом — изображение превращения сырья, металла, хлеба и т.д. в конкретные виды вооружений, увеличения боеспособности солдата, приближения победы.

Столкновение официальной и неофициальной информации в сознании трудящегося приводило к повышению степени критичности в отношении к власти, проводимым ею мероприятиям. Возрастала неуверенность в верности идеологической концепции, в способности власти отстоять независимость государства. Снижалась мотивация труда. Поэтому ВКП(б) уделяла серьезное внимание идеологическому воздействию на мотивацию трудящихся. Существование информационно-идеологического контроля в период Великой Отечественной войны, при всем его очевидном несоответствии сегодняшним тенденциям оценивать прошлое по критериям «демократии» и «свободы», дает серьезные основания говорить о нем не только как о «продукте эпохи», но и как о факторе, способствовавшем, в конечном счете, достижению Победы.

Содержание информации, форма ее подачи вызывали у трудящихся определенные эмоции (базовые эмоции - страх, гнев, радость и их производные). В зависимости от направленности эмоций информация играла роль мотивирующего или де-мотивирующего фактора. Поэтому трудно согласиться с распространенным мнением о сущности информационно-идеологического контроля лишь как о способе самосохранения власти¹.

Образ трудящегося, создаваемый в условиях информационно-идеологического контроля, также был направлен на формирование позитивного примера для подражания, конструктивного образа, усиливавшего мотивацию труда.

Диалектическая взаимосвязь между получаемой человеком информацией и его конкретным поведением позволяет нам говорить о том, что человек проявлял трудовой и ратный героизм как средство защиты от врага чего-то реально *своего*. Ощущение того, что «советская страна — *наша страна*» было как результатом информационно-идеологического воздействия, так и отражением в сознании трудящихся реального положения дел. Поэтому главными составляющими информационно-идеологического контроля в годы Великой Отечественной войны можно считать идею о неизбежности победы СССР, которая в самые тяжелые периоды войны постоянно поддерживалась властью на уровне веры в чудо. А также идею о необходимости защищать государство и власть как нечто неотъемлемое от понятия «Родина».

¹ Например, Ю.Л. Дьяков утверждает. «Подозрительность власти в отношении своего народа выразилась в изъятии у граждан радиоприемников в 1941 г. (В Германии радиоприемники не отнимали), введении уголовной ответственности за распространение слухов. Правящая клика не исключала возможных народных выступлений против режима власти» (Горькое чувство истории: за ошибки власти расплачивается народ// Россия в XX веке// Война 1941-1945 годов, современные подходы/ Отв. ред. А.Н. Сахаров. 2005. С. 89).

§2. Распространение слухов и информации религиозного содержания

С началом войны в силу специфических обстоятельств (информационный «голод», недоступность достоверных сведений о положении на фронте, изъятие радиоприемников индивидуального пользования) одной из самых ярко проявившихся реакций общественного сознания на начало и ход военных действий было появление различного рода слухов. Слабая, недостаточная информированность населения о реальной обстановке на фронте, информационная монополия государства, с одной стороны, и желание по-своему интерпретировать, объяснить неудачи армии - с другой, порождали феноменальное явление общественного сознания — слухи.

Слухи - сами по себе продукт неизвестности — порождали еще большую неизвестность. А неизвестность всегда вызывает опасение и даже страх. Страх в период войны равносителен панике, а паника, в свою очередь, ведет к потере способности к сопротивлению. В этом смысле распространение слухов было очень опасным для государства явлением. Известный исследователь психологии стихийного массового поведения - А.П. Назаретян - считает, что, передаваясь по сетям межличностного общения, слухи «являются активными *факторами формирования настроений, мнений, а соответственно, поведения людей* (курсив мой - В.С.) и вызываемых ими политических событий»¹.

Специфика данной ситуации заключается также в том, что, как отмечает А.П. Назаретян, «когда люди ожидают какого-либо страшного события, средства избегания которого неизвестны, стимулом паники может стать словесное обозначение ожидаемого события. Или какой-либо другой знак, дорисованный воображением до ожидаемого источника страха»². Попытка *хоть как-то* объяснить существующую ситуацию была напрямую связана с мотивацией поведения. В отсутствие необходимой информации, которая определяет его «систему координат», человек ощущает себя «пассивным *объектом*

¹ Назаретян А.П. Психология стихийного массового поведения: Толпа, слухи, политические и рекламные кампании: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М., 2005. С. 72.

² Там же С. 55.

событий... Но при наличии знания (сколь бы иллюзорно оно не было) и программы действий (пусть и неадекватной) человек чувствует себя активным *субъектом* - и ситуация решительно меняется¹. Такой «выход из ситуации» был в некотором роде спасительным для индивида, но губительным для общества в целом, чреват паникой.

Негативный потенциал, которым обладали слухи в отношении их воздействия на мотивацию труда, а также опасность его реализации в форме паники² и пораженческих настроений³ (демотивирующий эффект) не оставляли правительству иного выбора, нежели жесткая регламентация распространения информации. Даже единичные проявления распространения слухов были потенциально очень опасны⁴.

В первые месяцы Великой Отечественной войны ситуация информационного «голода» породила в сознании некоторой части тылового населения три типа слухов (по классификации А.П. Назаретяна) — *слух-желание, слух-пугало и агрессивный слух*⁵. При этом необходимо учитывать, что все эти слухи в разной степени отражали негативный для советского государства *прогноз* исхода войны. Разница заключалась в том, что для одних распространителей слуха поражение СССР в войне было желанием, а для других таило смертельную опасность.

С целью борьбы с подобными явлениями указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июля 1941 г. за распространение в военное время «ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» была установлена уголовная ответственность, а виновные по приговору военного трибунала карались лишением свободы на срок

¹ Назаретян А.П. Указ. соч. С. 59.

² А.П. Назаретян определяет панику как «состояние ужаса, сопровождающееся резким ослаблением волевого самоконтроля»// Назаретян А.П. Указ. соч. С. 49.

³ «...качественно новой особенностью группового настроения является его заразительность, способность быстро передаваться от одних социальных групп к другим», - писал БД. Парыгин// Парыгин БД. Общественное настроение. М., 1966. С. 72.

⁴ Говоря о единичных носителях слуха, А.П. Назаретян пишет: «Эти люди становятся источником, от которого страх передается остальным. Происходит взаимная индукция и нагнетание эмоционального напряжения через механизм циркулярной реакции. Далее, если не приняты своевременные меры, масса окончательно деградирует и теряет самоконтроль»// Назаретян А.П. Указ. соч. С. 54.

⁵ Назаретян А.П. Указ. соч. С. 74.

от 2 до 5 лет¹. Любая интерпретация текущих событий, расходящаяся с официальной линией, могла повлечь за собой уголовную ответственность.

Правовая квалификация распространения «ложных слухов, возбуждавших тревогу среди населения», представляет особый интерес, поскольку не только отражает политику и намерения власти в отношении данного явления, но и является неотъемлемой частью исторической реальности, духом эпохи.

Согласно законодательству военного времени, преступление, предусмотренное указом от 6 июля 1941 г., было «тяжелым государственным преступлением»². Тяжесть этого преступления заключалась, прежде всего, в том, что совершивший его гражданин вольно или невольно оказывал помощь врагу. Искаженная (ложная) информация оказывала влияние на мотивационный выбор индивида, во многом определяла его поведение. В этом выражался демотивирующий потенциал слухов: «Пытаясь подорвать *дисциплину, организованность и спокойствие* (курсив мой. - В.С.) граждан нашего социалистического государства, враг действует всяческими методами и всяческими средствами. Распространяя ложные слухи, враг использует для этой цели трусов, паникеров, деклассированных, неустойчивых людей. Люди, распространяющие ложные слухи, возбуждающие тревогу среди населения - опаснейшие враги, особенно в условиях военного времени»³. Примечательно, что круг пособников фашистов в подрыве «дисциплины и спокойствия» обозначен довольно широко. Практически *любой* мог попасть под такую квалификацию и этим, в частности, достигался наибольший эффект информационного контроля.

Для определения состава преступления, предусмотренного этим указом, с объективной стороны необходимо было установить, «что слух является ложным, т.е. не соответствует действительности»⁴. На практике, как видно из многочисленных источников, сделать это было чрезвычайно сложно, особенно когда предметом слухов была информация о силе германской армии, о хорошем обращении с пленными, и т.д. Тем более что в этой части слухи как раз и соответ-

¹ Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР 1938-июнь 1944. Издание «Ведомостей Верховного Совета». М., 1944.

² *Вышинская З.* Уголовно-правовые и уголовно процессуальные вопросы в указах военного времени// Социалистическая законность. 1942. №3-4. С. 7.

³ Там же.

⁴ Там же.

ствовали действительности, хотя установлено это было намного позже. *Поэтому ложным слухом считалось все, что не соответствовало официальной информации власти.*

Во-вторых, необходимо было выяснить, что «ложный слух» был распространен, т.е. передан одному, или нескольким лицам, что ложный слух распространялся в военное время и вызывал тревогу среди населения¹.

Советское законодательство уделяло особое внимание именно результату воздействия слуха на сознание граждан - возбуждению тревоги. «Следует иметь в виду, - писала З. Вышинская, - что слово «возбуждает» нужно понимать как в том смысле, что тревога действительно последовала, так и в том смысле, что распространяемые ложные слухи *только могли* (курсив мой. — В.С.) возбудить тревогу среди населения»². Эти слова как нельзя более точно отражают степень опасности, которую власть видела в де-мотивирующем потенциале слухов.

Распространение слухов, как и любая форма вины в советском уголовном праве, могло иметь основой либо умысел, либо неосторожность обвиняемого. От этого зависела мера наказания. Если слух распространялся неумышленно, по неосторожности — виновному назначалось наказание, предусмотренное указом. В более тяжких случаях, если преступник действовал умышленно, его действия квалифицировались по ст. 58-7³, 58-10 УК РСФСР. В случае, когда целью виновного было оказание содействия врагу, он объявлялся изменником родины и подлежал уголовной ответственности по ст. 58-1а⁴ УК РСФСР⁵.

¹ *Вышинская З.* Уголовно-правовые и уголовно процессуальные вопросы в указах военного времени // Социалистическая законность. 1942. №3-4. С. 7.

² Там же.

³ «Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно в кооперации, совершенный в контрреволюционных целях» влекли за собой «высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и лишением гражданства Союза ССР» // УК РСФСР. М., 1942. С. 26.

⁴ «Измена родине, т.е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи СССР, его государственной независимости или неприкосновенности его территории, как то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются — высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах - лишением свободы на срок десять лет с конфискацией всего имущества» // Там же. С. 24-25.

⁵ *Вышинская З.* Уголовно-правовые и уголовно процессуальные вопросы в указах военного времени // Социалистическая законность. 1942. №3-4.

Такое внимание власти к юридическому определению и квалификации распространения слухов, как политического преступления, несомненно, говорит о существовании определенной системы контроля над распространением и содержанием слухов. Ее основными компонентами были районные и областные комитеты партии, органы прокуратуры, НКВД, а также отдельные граждане.

Согласно сводкам Кировского обкома ВКП(б) за период с 23 июня по 2 июля 1941 г., несмотря на наблюдавшееся после выступления по радио В.М. Молотова идейно-политическое единство, настроения некоторых граждан отличалось явным диссонансом. Прежде всего это было вызвано страхом перед врагом. Особенно подвержены таким настроениям были женщины и антисоветски настроенные граждане. Причем можно констатировать, что для женщин, как правило, характерным проявлением был *слух-страх*, а для лиц, пострадавших от советской власти, — *слух-желание*.

Например, рабочий совхоза «Коммунар» Лямбирского района Мордовской АССР Ф.П. Кузнецов говорил в первые дни войны, что «гитлеровские войска уже находятся в 25 километрах от Москвы»¹.

Работница машиностроительного завода Петрова рассказывала, что в Киров уже прибыли пять вагонов раненых². Этот слух, скорее всего, был вызван действительно активным продвижением эшелонов через г. Киров на восток страны³.

Житель Котельничского района Кировской области В.П. Астра-

С 7. Интересно, что подобная ситуация почти в точности имела место в период Отечественной войны 1812 г. Приближение Наполеона к Москве иногда вызывало аналогичную реакцию общественного сознания. Более того, политика правительства в отношении паникеров и распространителей слухов также была сходной. Вот что писал в августе 1812 г. в своих афишах генерал-губернатор Москвы Ростопчин: «Не бойтесь ничего: нашла туча, да мы ее отдуем; все перемелется, мука будет; а берегитесь одного: пьяниц да дураков: они, распустя уши, шатаются, да и другим в уши врасплох надувают. Иной вздумает, что Наполеон с добром идет, а его дело кожу драть: обещает все, а выйдет ничего И для сего прошу: если кто из наших, или из чужих станет его восхвалять и сулить и то и другой, то какой бы он ни был, за хохол да на съезжую! Тот, кто возьмет, тому честь и слава и награда; а кого возьмут, с тем я разделаюсь, хоть пяти пядей буди во лбу!»// *Барсуک И.В.* Ростопчинские афиши. СПб., 1912. С. 10.

¹ Мордовия. 1941-1945. С. 42.

² ГАСПИКО, ф. 1290, оп. 7, д. 44, л. 61.

³ *Калеватова А.И.* В те далекие годы (из воспоминаний ветерана) // Вклад кировчан в достижение Победы: Материалы областной научно-практической конф., посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Киров, 2005. С. 31.

ханцев 25 июня 1941 г., как об этом говорилось в документе, вел антисоветскую агитацию среди школьников: «Не верьте газетам. В сводках о ходе военных действий о наших потерях говорится неверно, фактически убивают наших больше, а в газетах уменьшается»¹. Он же, встретив бывшего председателя колхоза деревни Гребеняты Пестова, сказал ему: «Ты был председатель колхоза, теперь пощады не жди. Вот Гитлер придет, сумеет с вами расправиться»².

В отчете прокурора Горьковской области за июль 1941 г. говорилось, что с 10 по 18 июля 1941 г. было возбуждено 6 дел по указу от 6 июля 1941 г. По двум делам преступление было переквалифицировано по ст. 58-10 УК, поскольку они содержали в себе высказывания контрреволюционного характера³. Наиболее злостный, по мнению прокурора области, случай по распространению ложных слухов произошел в Ивановском районе: «Единоличники Беляев Г.Ф. и Куликов П.И. среди отдельных граждан распространяли слух, что Советское правительство из г. Москвы выехало неизвестно куда и что колхозному строю наступает крах»⁴. Беляев и Куликов были арестованы.

Осенью 1941 г. положение на фронте было очень тяжелым и это отразилось на настроениях населения, в том числе в форме распространения слухов. Но в отличие от июня-июля принятые властью мероприятия привели, в частности к тому, что «сознательные» граждане старались сами пресекать деструктивное влияние распространителей слухов. Например, 12 октября 1941 г. в Горьковский обком ВКП(б) поступило заявление от начальника горьковской Теплоцентрали Фесенко. Он извещал обком о том, что работавший у него мастером П.М. Чайкин «среди рабочих распространяет провокационные слухи, пускаемые фашистами»⁵. Расследование этого дела установило, что Чайкин имел радиоприемник индивидуального пользования СИ-235 и принимал фашистские радиопередачи, а затем, видимо, не счел нужным держать это в тайне и рассказывал их содержание коллегам по работе.

Особенно негативно отсутствие информации и слухи воздействовали на прогностические компоненты сознательной деятельности, придавали пессимизм ожиданиям и становились де-мотивирующим

¹ ГАСПИКО, ф. 1290, оп. 7, д. 44, л. 63.

² Там же.

³ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 14, л. 26.

⁴ Там же.

⁵ ГОПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 2106.

фактором. Например, 18 летний В.П. Киселев 26 октября 1941 г сделал в своем дневнике следующую запись: «Через нашу деревню постоянно идут то войска из Москвы, то беженцы. Унылые лица. Множество слухов. У нас в деревне уже готовятся покидать «насиженные гнезда». А куда?.. *Впереди — мрак, неизвестность, не сулящая ничего хорошего* (курсив мой. - В. С.)»¹.

Особенно тревожило население, естественно, положение на фронте, прогнозировалась гипотетическая возможность продвижения врага вглубь страны. От этого во многом зависела направленность поведенческой реакции человека. Например, в Воротынском районе Горьковской области, некто Кабанов «вел агитацию за убой скота, советовал сушить сухари». «Надо убивать свиней и коров, — говорил он, - и продавать, все равно Гитлер придет»²

В октябре 1941 г. в Саранском районе Мордовской АССР было отмечено негативное влияние информации о приближении фронта на мотивацию труда. В докладной записке секретаря Саранского райкома Учаева говорилось: «...среди колхозников антисоветские элементы усилили свою деятельность, антисоветскую агитацию о том, что «недалеко фронт, Мордовия будет эвакуироваться, все заработанное в колхозе пропадет» в итоге чего ослабла трудовая дисциплина в колхозах, наблюдался массовый невыход на работу и т.д... Такие разговоры исходят, в первую очередь, от эвакуированного населения»³.

Будет не совсем верным утверждение об исключительной «неразборчивости» власти и огульном привлечении к уголовной ответственности распространявших слухи лиц. «Перегибы» в этом вопросе были чреваты усилением и без того активно циркулировавших антисоветских и антикоммунистических мнений, снижением мотивации труда. По аналогии с проведением репрессивных мероприятий в отношении нарушителей трудовой дисциплины и виновных в контрреволюционных преступлениях, власть старалась не допускать неосновательного привлечения к уголовной ответственности.

Например, в материалах Кировской областной прокуратуры имеются целый ряд упоминаний о прекращенных и опротестованных делах по указу от 6 июля 1941 г. за недостаточностью улик⁴. Так, 8 ноября 1941 г. было прекращено дело Артема Сидоровича Тутыри-

¹ Общество и власть. С. 1001

² Там же.

³ Мордовия. 1941-1945. С. 147.

⁴ ГАКО, ф. 2943, оп. 6, д. 5, л. 70-74.

на по мотивам того, что «ложные слухи, распространение которых вменялось в вину Тутырину, частично не являлись, по существу, ложными», а в части, где они были признаны таковыми материал расследования не содержал достаточных доказательств для предания его суду¹.

В целом нужно отметить, что осужденные по указу от 6 июля 1941 г. количественно составляли незначительную часть по отношению к более осторожным в своих высказываниях гражданам. По неполным данным, представленным 19 декабря 1941 г. заместителем начальника следственного отдела прокуратуры СССР М. Альшулера исполняющему обязанности прокурора СССР Сафонову, по состоянию на 1 ноября 1941 г. по стране к уголовной ответственности по этому указу было привлечено 1 423 человека. Из них в местностях, не объявленных на военном положении, - 513. Сроки осуждения: до 3 лет — 266 человек, до 5 лет - 220. Характер распространяемых слухов определялся как «самый разнообразный», но преобладали слухи о «положении на фронте, экономическом положении в стране, отношении немцев к пленным красноармейцам и мирному населению»².

С точки зрения формы вины, совмещая юридическую квалификацию с классификацией А.П. Назаретяна, можно считать, что *слух-желание* и *агрессивный слух* распространялись, в основном, умышленно, а *слух-пугало* — по неосторожности.

Степень и характер информированности граждан о действиях высшей власти также можно считать действенным фактором трудовой мотивации. Сообщение об эвакуации, слухи о бегстве Сталина имели де-мотивирующий эффект. Напротив, информация о его нахождении в Москве — придавали уверенность в благополучном исходе войны и являлись мотивирующим фактором.

Среди неофициальной информации особо нужно выделить информацию (высказывания и действия) религиозного характера. Степень религиозности населения, вообще, и ее влияния на трудовую мотивацию, в частности, достаточно трудно реконструировать по имеющимся источникам. Религиозность — одна из самых интимных сторон человеческого сознания, далеко не всегда может быть напрямую представлена теми, или иными свидетельствами эпохи. Тем не менее, установить факт влияния религиозных воззрений на поведен-

¹ ГАКО, ф. 2943, оп. 6, д. 5, л. 70 об.

² ГАРФ, ф. 8131 сч, оп. 37, д. 587, л. 1.

ческую мотивацию некоторой части населения и определить его характер - пусть и не легкая, но вполне решаемая задача.

Религиозное чувство, как правило, усиливается в период кризисных, сопряженных с опасностью человеческого существования событий. Усиление религиозности, с точки зрения философов-марксистов, порождается определенными общественными условиями, такими как бессилие человека перед лицом стихийных сил природы, незнание истинных причин явления и т.д.¹. Религиозное чувство человека находит свое выражение в эмоциях, которые в зависимости от объекта внешнего воздействия приобретают позитивную или негативную окраску, соответствующую природе взаимодействующего объекта².

В соответствии с концепцией С.Л. Рубинштейна *о единстве эмоционального и мотивационного* следует признать, что эмоции, вызванные религиозным чувством, в определенной мере оказывают воздействие на поведенческую мотивацию группы и индивида³, и, следовательно, могут рассматриваться в качестве мотивационного фактора трудового поведения.

Специфика формирования религиозных представлений и проявлений религиозности в советском обществе в период Великой Отечественной войны заключается в существовании жесткого противоречия между традиционными ценностями религиозного характера и атеистическим характером идеологии, политической основой государства.

В СССР идеология выступала не только в качестве программной основы строительства нового общества, но и как метод государственного управления. По сути, государство не только монополизировало собственность, торговлю, но и право на истину. Несмотря на то, что к началу Великой Отечественной войны в СССР в течение двух десятилетий лет велась активная атеистическая работа, а целое поколение верующих людей сошло «на нет», степень религиозности общества была достаточно высока⁴.

¹ Букин В.Р., Букина И.Н. О природе религиозного чувства// Вопросы философии. 1962. №12. С. 99.

² Там же. С. 100.

³ Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М., 1957.

⁴ Якунин В.Н. Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук Самара, 2003. С. 7; В.Т. Анисков считает несколько иначе: «Война в основном застала крестьян атеистами в их абсолютном большинстве. Даже, многие из тех, кто продолжал посещать церковь, совершать религиозные обряды, больше делали это в силу привычки, чем по убежденности»// Анисков В. Т. Крестьянство против фашизма. С. 468.

Постоянное «взаимопроникновение», экономическая, социальная и ментальная взаимосвязь были основой некоторого единства в развитии религиозного сознания жителей города и деревни¹. Это замечание является важным для понимания специфики ментального облика человека военного времени, и в первую очередь проявлений религиозности. Религиозность, в силу традиции, в большей степени была свойственна сельским жителям. У рабочего-горожанина условия промышленного производства, необходимость иметь специальные навыки и некоторое образование развивали навыки рационального мышления. В период же индустриализации и мобилизации рабочей силы в годы Великой Отечественной войны значительное число сельских жителей, вынужденно ставших горожанами, привнесли в город компонент потенциальной религиозности.

Интересно также, что религиозность и восприятие материалистической культуры не всегда были взаимоисключающими элементами для ряда представителей поколения 30-х гг. В.П. Киселев 9 октября 1941 г. в своем дневнике довольно характерно описал сочетание в сознании его односельчанина религиозных и коммунистических воззрений. Восемнадцатилетний юноша с трудом понимает психологию последнего: «Он меня давно интересовал, этот дедушка с добрыми, зеленого цвета глазами, с признаками начитанности и постоянными речами о боге, духе святом, о коммунизме.. Я мало понял дедушку Лыкова, его запуганную философию, где перемешались и толстовство и коммунизм. Цельности во взглядах и ясности у него нет. Но он думает, спорит сам с собой, добивается истины — этот 70-летний мужик-лапотник в полосатых штанах, сшитых из одеяла. Дедушка Лыков убежден, что коммунизм богом предусмотрен, что он есть святая цель. Но человек заблудился, дьявола перемог в нем дух святой, дух добра и любви...»².

А вот что вспоминала жительница села Актыгашево Уржумского района Кировской области: «Богу веровали, постоянно обращались к нему во всех делах. В церковь ходить времени не было, только по

¹ Интересное замечание по этому поводу делает А.А. Васильева: «В процессе урбанизации было три поколения с разным менталитетом. Первое поколение остается сельским, второе - переходным, и только третье обладает городским менталитетом, без сельского элемента» / *Васильева А.А.* Психологические аспекты урбанизации 1920-1950-х гг. XX в. // Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления: Материалы XX Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 18-19 декабря 2006 г. В 3 ч. СПб., 2006. Ч. 1. С. 152.

² Общество и власть. С. 1000.

большим праздникам и выбирались... Старики говорили, что не нами заведено посещать церковь, не нами и должно закончиться. *Очень часто бывали в клубе, который у нас располагался в здании бывшей церкви* (курсив мой. - В.С.). Любили смотреть кино, а так особо не до чтения было, работали от зари до зари»¹.

Все же война внесла значительные изменения в религиозное сознание населения. Индивид как сознательный субъект государственной и общественной системы был в значительной степени подвержен деструктивному влиянию фактора внешней угрозы. Неуверенность в будущем, обеспокоенность судьбой своих родственников и своей, крушение надежд — все это сформировало основу для усиления религиозно-мистических настроений. Отсутствие достоверной информации, неизвестность и другие деструктивные факторы активизировали в сознании части населения негативное отношение к власти, проводимым оборонным мероприятиям, к труду. Особенно характерным такое отношение было со стороны некоторых представителей старообрядцев, сектантов и т.д. Как отмечает исследователь А.Н. Потапова, «сектантские организации явились своего рода «религиозным подпольем», активизировалась деятельность протестантских религиозных объединений»².

В критических условиях воздействия на человеческую психику целого комплекса мотивационных факторов вектор направленности массового сознания трудно поддавался прогнозированию и, тем более, контролю. В том числе и такое специфическое проявление человеческого сознания, как религиозность. Определенная часть гражданского населения связывала начало войны со своими религиозными воззрениями апокалипсического характера. И далеко не всегда эти воззрения шли в русле позиции РПЦ, которая была четко определена с начала войны. Представители сект, старообрядцев, да и ряд представителей РПЦ³ в начале войны рассматривали ее как наказа-

¹ Сахарова Л.Г. Церковь. Власть. Война. Религиозная политика военных лет в Горьковской и Кировской областях. Киров, 2004. С. 25.

² Потапова А.Н. Религиозные традиции крестьянства Южного Урала в годы Великой Отечественной войны// Мы Победу приближали как могли: Материалы международной научной конф., посвященной Великой Отечественной войне (с акцентом на события 1943 года). Москва, 18-19 апреля 2003 г. Смоленск, 2003. С. 398.

³ Для ряда православных верующих было характерно неприятие позиции высших иерархов. Например, член церковного совета Серафимовской церкви г. Кирова Л.П. Волкова показывала на следствии: «Я была убеждена в том, что религия и Православная церковь не совмещаются с советской властью.

ние за десятилетия существования «безбожной», по их мнению, власти. Их реакция была самая разнообразная, причем как спонтанная, так и подготовленная вражеской агентурой.

За последнюю декаду июня 1941 г Горьковской областной прокуратурой были возбуждены несколько дел по ст. 58-10 УК, связанных с проявлением религиозности и распространением информации религиозного содержания. Например, дело по обвинению Борисова 1877 г. рождения. Борисов — сектант-духобор - в присутствии ряда лиц говорил, что: «война между СССР и Германией продлится до 1945 г. и в этой войне все поколение Советского Союза будет уничтожено... коммунисты обжирают колхозников и весь народ работает только на коммунистов»¹.

С начала войны по состоянию на 5 июля Горьковской прокуратурой было закончено и передано Военному прокурору для направления в Военный трибунал 39 дел, в том числе 4 дела о прямом отказе от военной службы. Все эти четыре отказа были сделаны сектантами-евангелистами, которые заявили, что по религиозным убеждениям не могут взять в руки оружие². Например: единоличник Демин из Тоншаевского района не явился на сборный пункт и заявил, что отказывается служить в РККА. При обыске у него были обнаружены, кроме литературы религиозного содержания, портрет Николая II и три креста с надписью «спаси и помилуй». В донесении отмечается, что «кресты медные и не потускневшие, есть подозрение, что их выделкой занимались в самое последнее время»³.

Прокуратура Горьковской области привлекла к уголовной ответственности по указу от 6 июля 1941 г. жителя Горьковской области И.И. Варганова. Будучи осужден по указу от 26 июня 1940 г., среди группы в 10-12 человек, также осужденных по этому указу, говорил следующее: «После 1941 года будет царь Михаил, он процарствует три года. При царе Михаиле будет всемирная война и его победит и вообще всех царей победит антихрист, он будет в дальнейшем царствовать всем земным шаром»⁴. В селе Воскресенском Горьковской

Руководители Русской Православной церкви патриарх Сергей, а потом Алексей призывали верующих молиться за здоровье Советского руководства. Я в своих высказываниях осуждала эти действия... Указывала, что церковь не должна давать средства на орудия истребления» // *Сахарова Л.Г. Указ. соч. С. 70.*

¹ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 14, л. 29 об.

² Там же. Л. 31.

³ Там же.

⁴ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 14, л. 26.

области бывшая церковная староста Хлебникова устраивала по ночам у гражданки Кокоревой «молебствия за христоролюбивое германское воинство»¹.

В Кировской области летом 1941 г. распространялись следующие высказывания: «Гитлер идет с богом и несет нам счастье, а потому не сражаться с ним надо, а желать скорого прихода»². Или: «Как только будет уничтожена советская власть, жить будет легче, церкви опять восстановят»³.

Источником подобных высказываний, как правило, были представители «Истинной православной церкви», отколовшейся от РПЦ в 20-е гг.⁴. Они были наиболее негативно настроены в отношении советской власти, поэтому почти открыто вели религиозную пропаганду: «действовать во вред советской власти, подрывать военные склады, разбирать железнодорожные пути, уклоняться от призыва в армию и дезертировать из нее»⁵. Духовные лидеры движения (на территории Горьковской и Кировской областей) епископы Виктор (Островидов) и Нектарий (Трезвинский) в своих наказах к пастве прямо призывали: «Нельзя сотрудничать с мероприятиями, проводимыми советской властью, так как эта власть безбожная. Против этих мероприятий мы должны протестовать, удерживать от участия в них верующих и склонять их на свою сторону»⁶.

Призывы лидеров «Истинно православной церкви» отражались, в том числе, на трудовой мотивации наиболее религиозной части их последователей. Даже привлеченные к уголовной ответственности и отбывшие срок наказания участники «антисоветских церковных групп» по возвращении домой продолжали активную антисоветскую пропаганду. Так, по сообщению Кировской областной прокуратуры, в 1942 г., по возвращении из ссылки бывший иеромонах, священник Чунин вместе с дьяконом Южановым и другими в деревнях Шарангского района «организовали нелегальную церковь, в которой под видом молений стали проводить нелегальные сборища верующих и церковников»⁷.

Интересно, что, как отмечено в документе, в этих религиозных собраниях принимали активное участие «лица — дезертиры от воен-

¹ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 14, л. 26.

² Сахарова Л.Г. Указ. соч. С. 7.

³ Там же. С. 9.

⁴ Там же. С. 8.

⁵ Там же. С. 9-10.

⁶ Там же. С. 65.

⁷ ГАРФ, ф. 8131 сч, оп. 37, д. 2365, л. 5 об.

ной службы и от оборонительных работ в тылу»¹. Подобные, как они названы в материалах прокуратуры, «сборища» были выявлены также в Яранском, Кикнурском и Санчуровском районах Кировской области². На этих собраниях со стороны религиозных лидеров звучали призывы к отказу от мероприятий, проводимых советской властью, к выходу из колхозов, к отказу от работы в них, к уклонению от всех видов оборонных работ. Колхозников призывали к саботажу поставок хлеба. Родителей - не обучать детей в школе³. Можно считать, что такие призывы воспринимались участниками собраний позитивно, о чем косвенно свидетельствует благожелательная атмосфера их проведения: духовное единство «закреплялось» пением антисоветских песен⁴.

Обращает также на себя внимание четкий водораздел, который проводили как члены этой религиозной организации, так и представители власти в отношении к ортодоксальной Православной церкви и ее позиции. Священник Чунин призывал верующих не посещать храмы действующей церкви, поскольку «в них молятся за советскую власть и безбожное воинство», а в документах прокуратуры его последователи однозначно были определены как «нелегальная церковь»⁵.

Некоторое распространение течение «истинно-православных христиан» имело и на территории Марийской АССР. В марте 1943 г. в лесу Килемарского района были задержаны четверо его приверженцев во главе с бывшим попечителем церкви И.Г. Кузнецовым, который уже отбывал наказание за создание «монархической группы»⁶. В течение 8 месяцев Кузнецов и его сторонники жили в лесу, в землянке, лишь изредка появляясь в населенных пунктах. При этом, как говорится в документах прокуратуры Марийской АССР, они «вели контрреволюционную агитацию не служить в Красной Армии»⁷.

Члены этой религиозной организации оказывали настолько активное противодействие мероприятиям власти, а их агитация обладала настолько значительным де-мотивирующим потенциалом, что информация о них в виде доклада Л.П. Берия поступала И.В. Сталину. В частности, 7 июля 1944 г. Л.П. Берия направил главе государ-

¹ ГАРФ, ф. 8131 сч, оп. 37, д. 2365, л. 5 об.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 6.

⁶ Там же. Ф. 415, оп 4, д. 56, л. 13.

⁷ Там же.

ства спецсообщение о деятельности секты «Истинно-православных христиан» на территории ряда центральных областей. В нем говорилось: «Сектанты ведут паразитический образ жизни и проводят антисоветскую работу: налогов не платят, от выполнения государственных обязательств и от службы в Красной Армии уклоняются, на вызовы в советские органы не являются, советских документов не принимают... Аресты активных участников не оказывают должного воздействия на членов организации в силу существующего у них поверия: «Кто арестован и сидит в тюрьме, тот избран богом, находится на кресте и ему обеспечено царствие небесное»¹.

Примечательной здесь является *внутренняя мотивация* деструктивного трудового поведения. Сила религиозной веры обуславливала для приверженцев церкви «Истинно-православных христиан» следование эсхатологической концепции поведения: все, что направлено на поддержание земного порядка, не существенно, в том числе и оборонные мероприятия власти. Учитывая де-мотивирующий характер подобной деятельности, власть применяла к представителям секты репрессивные меры. В частности, в марте 1945 г. выявленные в Кировской области члены «Истинно православной церкви» были осуждены на разные сроки лишения свободы².

В июне 1942 г. на территории Заветлужского района Горьковской области была выявлена «тайная церковь» во главе с «попом-нелегалом» Ручиным. Организация, существуя с ноября 1940 г., включала в себя, в том числе, дезертиров различного толка, что также свидетельствует о высокой степени взаимовлияния деструктивной мотивации поведения и религиозной психологией некоторой части верующих. Данная группа, названная в документе «контрреволюционной», в составе 6 человек, «пропагандировала контрреволюционную пораженческую клевету о гибели советской власти в войне с фашистской Германией и о скором приходе к власти в СССР Гитлера. Высказывали намерения о выдаче партийно-советского актива немцам, а также клеветали на политику ВКП(б) и советского Правительства о колхозном строительстве»³.

Сила религиозной веры у некоторых представителей сектантских объединений была настолько высока, что и после коренного перело-

¹ Лубянка Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939-март 1946 г./ архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2006. С.437.

² ГАРФ, ф. 8131 сч, оп 37, д. 2365, л. 6.

³ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 24, л. 50-51 об.

ма в войне они продолжали надеяться на поражение советской власти. В апреле 1944 г. Горьковской областной прокуратурой было возбуждено дело по обвинению группы сектантов-хлыстов. В деревне Чургуши Лукояновского района они организовывали собрания, на которых «проводили а/с агитацию, заключающуюся в пораженчестве и распространении клеветнических измышлений против руководства страны»¹.

Очевидно, что такие высказывания явно противоречили всей идеологической концепции сопротивления. Они выражали негативное отношение к труду на благо государства и общества, придавали характер бессмысленности любой деятельности, направленной на увеличение обороноспособности государства. Именно поэтому власть старалась нейтрализовать их авторов. Возросшая религиозность среди определенной части гражданского населения, зачастую выражавшаяся в предсказаниях и пророчествах, не соответствовала официальной идеологии и бралась на заметку соответствующими органами. И дело здесь не столько в атеистическом характере государства, сколько в том, что подобные высказывания имели или могли иметь слишком действенный и опасный в условиях войны деструктивный эффект в массовом сознании. Они могли посеять (и сеяли) сомнения в возможности и необходимости сопротивления, интенсивного труда.

По крайней мере, на уровне обыденного сознания опасность такого рода суждений и «пророчеств» заключалась в том, что они воспринимались именно как религиозные пророчества, т.е. «на веру». А ведь позиция государства в этот период однозначно выражалась в известной формуле, выраженной В.М. Молотовым: «Враг *будет* разбит, победа *будет* за нами!», что так же предполагало именно веру, уверенность в победе, что должно было активизировать в массовом сознании конструктивный поведенческий императив. Именно по причине несоответствия проявлений стихийной религиозности главной идеологической составляющей государственной политики они (проявления, выраженные в де-мотивирующей форме) попадали под действие ст. 58 УК РСФСР (контрреволюционные преступления).

Что же касается проявлений религиозности в русле патриотической позиции РПЦ, партийному аппарату, идеологическим работникам, еще не «перестроившимся» в начале войны, оставалось только фиксировать их рост. Так, в политинформации Кировского обкома ВКП(б) отмечалось, что по состоянию на 28 июля 1941 г. «в Кикнур-

¹ ЦАНО, ф. 5980, оп. 1, д. 41, л. 90.

ском районе в селе Беляковском работает церковь. За последние дни к ней началось прямо-таки паломничество. Приходят сотни людей из разных районов, даже из Котельничского. Попы крестят людей по 60–90 человек в день. Районные организации являются беспристрастными свидетелями этих возмутительных явлений»¹.

Горьковский историк Н.М. Добротвор так характеризовал в своем дневнике открытие Высоковской церкви в г. Горьком: «20 августа. В Горьком открылась церковь в Высокове, ремонтируется церковь быв. Спаса (где помещался архив) для богослужения. Блюститель патриаршего престола митрополит Сергей разослал воззвание по епархиям с призывом мобилизовать народ против фашизма. «Церковь неотделима от государства», — говорится в этом воззвании... Церковь еще является некоей политической силой. И ее советская власть теперь использует»². Эти выдержки из документов довольно красноречиво характеризуют во многом противоречивое, еще не устоявшееся отношение к проявлениям религиозности со стороны власти в начале войны.

Но буквально через несколько месяцев, по мере того как позиция РПЦ стала очевидной и известной как для государства, так и для верующих³, советская власть начинает признавать религиозность как серьезную консолидирующую силу, способную объединить значительную часть граждан в деле достижения победы.

Примечательным в этом отношении является пример событий, произошедших в сентябре 1941 г. в Чернухинском районе Горьковской области. Чернухинский райисполком принял решение о временном использовании «бездействующей, но не закрытой» церкви в селе Вторуское под склад Заготзерно. Ключей от церкви у администрации не было, а попытка взломать дверь «вызвала возбуждение среди религиозно настроенных женщин». В результате около церкви собралась большая толпа, которая «решительно протестовала против занятия церкви под склад Заготзерно»⁴. На следующий день в село Вторуское выехали районный прокурор Зайцев, начальник райотдела НКВД Голубев и работники райкома ВКП(б), которые вторично

¹ ГАСПИКО, ф. 1290, оп. 7, д. 44, л. 195.

² Забвению не подлежит. С. 517.

³ Начальник УНКВД по Кировской области отмечал: «выпущенные главой Русской православной церкви митрополитом Сергием патриотические обращения с призывом встать на защиту Родины, при отсутствии церковей в г. Кирове и окружающих районах, не получают быстрого распространения»// *Сахарова Л.Г.* Цит. соч. С. 8.

⁴ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 14, л. 63.

попытались взломать дверь церкви. Эта попытка так же закончилась неудачей и сопровождалась уже большей напряженностью: «собравшиеся к этому времени женщины преградили им путь, и в результате произошедшего скандала оттеснили и вытолкали прокурора с паперти»¹.

Сам по себе случай открытого противостояния властям по религиозным мотивам заслуживает особого внимания. Но еще более интересно то, что этот случай не только не имел для религиозно настроенных женщин каких-либо репрессивных последствий, а напротив действия прокурора и начальника УНКВД были названы в спецдонесении прокурора Горьковской области «грубым нарушением социалистической законности». «Безобразием» назван факт привлечения к уголовной ответственности и арест за «хулиганство» наиболее активной из женщин — бывшей колхозницы Козловой, которой при аресте были нанесены «легкие телесные повреждения». Такие действия местных властей привели к тому, что колхозницы села Вторусское *отказались выходить на полевые работы*, поскольку охраняли церковь. Конфликт разбирался на уровне Бюро Горьковского обкома ВКП(б) и в результате его постановления от 23 сентября 1941 г. «за нарушение революционной законности» бывшему начальнику РО НКВД Голубеву был объявлен строгий выговор, и он был уволен из органов НКВД. Районный прокурор Зайцев тоже был снят с должности с объявлением выговора. Против милиционера Каравайкина было возбуждено уголовное преследование². Эти события, произошедшие они несколькими месяцами ранее, скорее всего, вызвали бы противоположную реакцию. Но в сентябре 1941 г. позиция власти была уже иной, что объясняется, с одной стороны, повышением степени религиозности населения, вызванного войной, а с другой — связанным с этим изменением государственной политики в отношении верующих.

Патриотическая позиция РПЦ поддерживалась властью, в том числе, и по причине ее высоких организационных возможностей. Если в 1941 г. информация о поддержке иерархами позиции советского правительства не всегда распространялась с необходимой быстротой³, то открытие ряда храмов способствовали некоторому прогрессу в этом вопросе. Посещая храм, верующие получили возможность «прямого доступа» к информации о позиции руководства РПЦ.

¹ ЦАНО, ф. 5980, оп. 2, д. 14, л. 63.

² Там же.

³ См.: Сахарова Л. Г. Цит. соч. С. 8.

Учитывая высокую степень субординации в выработке отношения церкви к злободневным проблемам, можно говорить о том, что открытие церквей, стало одним из методов «информационного обеспечения» конструктивной позиции верующих в отношении советской власти и проводимым ею мероприятиям. Например, на собрании церковной Смоленской общины Выездновской церкви (пригород г. Арзамаса) по прошествии более чем года с начала войны среди верующих распространялась информация о патриотическом заявлении Митрополита Сергия 22 июня 1941 г.: «В первых словах доклада пр. Архангельский¹ передал благословение от Первосвященителя Русской церкви Блаженнейшего митрополита Сергия и его призыв о помощи родине молитвенно и материально»².

То внимание, которое немецко-фашистские завоеватели обращали на возможную роль РПЦ в их оккупационной политике, вполне аргументированно подтверждает высокую степень ее влияния в советском обществе, даже, несмотря на десятилетия воинствующей антирелигиозной политики. В.Н. Якунин пишет: «...в критическое для страны время выяснилось, что религиозные воззрения для значительной части населения СССР, не смотря на жестокие гонения, остались непоколебимы, и явились одним из стимулов патриотической деятельности верующих»³.

Следует признать, что налаживанию отношений между советским государством и РПЦ во многом способствовало осознание большинством граждан единства цели — победы в войне, что, по сути, нарушало идеологическую монополию ВКП(б). При этом нельзя забывать о сложной социально-психологической ситуации, которая имела место на протяжении всего периода войны. Степень ее сложности делает правомерным вопрос: *почему именно в сентябре 1943 г., а, например, не в начале войны*, произошла знаменитая встреча руководства СССР во главе со Сталиным с Местоблюстителем Патриаршего престола Сергием и митрополитами Алексеем и Николаем, которая зафиксировала изменение государственно-церковных отношений?

Некоторые исследователи считают, что в условиях войны, когда «в дело вступал некий *мало поддающийся управлению* (курсив мой. —

¹ О. Александр Архангельский Благочинный протоиерей г. Горького — В.С.

² Общество и власть. С. 617.

³ Якунин В.Я. Правовой статус, положение, деятельность, внешние связи Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2003. С. 7.

В.С.) духовный фактор», когда «духовные основы русского народа все предвоенное двадцатилетие целенаправленно подрывались, все русское осмеивалось и хулилось» отношение к церкви изменилось благодаря тому, что «Сталин осознал свою роковую ошибку»¹. С.А. Порохин отмечает, что в самый трудный период войны «Сталину хватило ума сделать идеологический поворот на 180 градусов»². Именно его позиция определяла, по мнению исследователя, политику государства.

На наш взгляд, изменению отношения государства и церкви в числе прочих способствовали причины, связанные с особенностями психического восприятия верующими гражданами событий войны. Влияние РПЦ, как и любой религиозной организации, основано на религиозной психологии, наличии у верующих религиозного чувства, вне которых церковь просто не может существовать. Безусловно, начало войны, ее масштабы, неожиданно неудачное начало, отсутствие достоверной информации о состоянии на фронте и в советском правительстве, страх порождали в сознании гражданского населения разнообразные и специфические психические реакции. Наличие политического и идеологического контроля, официальной коммунистической идеологии, разрастание слухов и другие, сопутствующие большой войне, эмоциональные потрясения помимо волевых, конструктивных поведенческих мотивов вызывали в обществе, в том числе, и панические, деструктивные проявления. Их наличие отодвигало налаживание сотрудничества государства и церкви на второй план.

Рост православной религиозности не всегда находился в русле патриотической деятельности РПЦ. Религиозность имела настолько разнообразные проявления, что власть находилась в довольно сложной ситуации. С одной стороны, необходимость духовной консолидации общества, возможность использования для этой цели информационных возможностей церковной организации ставила задачу позитивного изменения отношения к ведущей религиозной организации - Русской православной церкви. С другой - такие серьезные изменения в государственной политике могли повлечь (и влекли) за собой ответную реакцию части населения, которая была деструктивной по отношению к советской власти. Изменение отношения к РПЦ, являясь динамической реакцией власти на возросшую степень религиозности населения, в качестве своего диалектического про-

¹ Порохин С.А. Как тревога — так до Бога// Независимое военное обозрение. 2006. №20. С. 4.

² Там же.

должения имело в общественном сознании эффект ожидания еще больших перемен. За изменением отношения к РПЦ логически должно было последовать изменение отношения к религии вообще и привести, в конечном счете, к идеологическому «коллапсу», парадоксу: позитивное отношение к религии в материалистически ориентированном государстве. Об этом, в частности, пишет Н.Д. Козлов. Он отмечает, что изменения в государственно-церковных отношениях в 1943 г. «...породили разнообразные оценки, мнения и предположения. У работников на местах, коммунистов и комсомольцев существовало определенное непонимание и растерянность, что порождало мысли и мнения, не совпадавшие с официальной идеологией... Отдельные, догматически мыслящие граждане, всецело и слепо верившие руководству, приходили к противоположному, парадоксальному выводу: говорят, Бога нет, а товарищ Сталин разрешил организовать Синод, значит, Бог есть»¹.

Очевидно осознавая реальность возможности идеологического «раздвоения», власть начала проводить «дозированную» и не всегда последовательную политику в отношении РПЦ. Уже в феврале 1944 г., как отмечает А.Н. Потапова, государство начало сдерживать процесс возобновления деятельности храмов. Она приводит в своей работе секретный циркуляр «О дополнениях в утвержденную 5 февраля 1944 г. Советом по делам РПЦ при СНК СССР Инструкцию для уполномоченных Совета», в котором рекомендовалось отклонять ходатайства верующих под различными предлогами: непригодность здания, неправильное оформление ходатайств и т.п.²

О деструктивном (для советской власти) влиянии на сознание части верующих изменении государственно-церковных отношений говорят факты прогностических характеристик и оценок подобной политики. Например, в феврале 1945 г. среди населения Горьковской области компетентными органами отмечались настроения, связанные с ожиданием дальнейших изменений. «Война скоро кончится, Советской власти больше существовать не будет, у руководства России будут союзники. Церкви все откроют, и жить будет гораздо лучше, чем сейчас», - вот довольно характерный пример таких настроений³.

Большинство деструктивных проявлений (высказываний или

¹ Козлов Н.Д. С волей к Победе. С. 169.

² Потапова А.И. Указ. соч. С. 396.

³ Из протокола очной ставки между обвиняемым Жарковым В.И. и свидетелем Шибаниной А.Д. из следственного дела УНКГБ по Горьковской области на Жаркова В.И. по ст. 58-10 ч. 2 УК РСФСР // Общество и власть. С. 625.

действий), имевших в своей основе религиозную окраску, так или иначе, были связаны с попытками и намерениями восстановить утраченное при советской власти положение. Об этом говорит, например, анализ социального происхождения обвиняемых, проведенных отделом по спецделам областных прокуратур. Неслучайно, что «бывшие» кулаки, торговцы, крестьяне-единоличники в своих «контрреволюционных» высказываниях проявляли частнособственнические настроения, критикуя колхозный строй, вспоминая добрым словом жизнь и материальное благополучие до революции. Правда, надо отметить, что в основном фигурантами по этим делам были выходцы из старообрядческой, сектантской среды. Здесь, видимо, сказывались характерные для этой среды апокалипсические настроения и вековые традиции сопротивления властям.

Государство, в значительной степени вынужденное включить РПЦ в сферу своих политических интересов, строго следило за нелегальным, в том числе с точки зрения церкви, распространением предметов культа и спекуляциями на религиозной почве. Вновь повторимся, что в данном случае речь шла не о запрете свободомыслия, а, скорее, о пресечении возможности со стороны противника использовать религиозные чувства народа с целью идеологической диверсии. И здесь трудно обвинять государство в «закручивании гаек». Идеология — слишком серьезная в политике сила, чтобы ослаблять над ней контроль. Тем более, в условиях войны.

Такое масштабное, кризисное, оказывающее воздействие на все сферы жизни общества явление, как Великая Отечественная война, вызывало к жизни разнообразные формы проявления религиозности среди гражданского населения. Эти проявления, на наш взгляд, следует рассматривать с точки зрения их соответствия, или несоответствия общегосударственным задачам победы в войне. Исходя из этой «системы координат», проявления религиозности в СССР (исключая оккупированные территории) можно подразделить на конструктивные, т.е., способствовавшие организации обороны, и деструктивные — противоречившие этим задачам. С начала войны и до середины 1943 г. конструктивные тенденции религиозных проявлений были, в основном, связаны с патриотической деятельностью РПЦ. Деструктивные — в основном, с деятельностью сектантов, старообрядцев и протестантских объединений. До 1943 г. государство (в лице И.В. Сталина), можно сказать, «определялось» со своей политикой в отношении церкви. Дело в том, что предвоенная антирелигиозная пропаганда и ужасающие масштабы войны привели к тому, что в

первый период войны далеко не все верующие, находившиеся в лоне РПЦ, восприняли ее призыв к патриотической деятельности и проявляли свою религиозность вместе с антисоветскими и антикоммунистическими взглядами. Только в 1943 г. РПЦ окончательно объединила верующих под знаменем борьбы против захватчиков. С другой стороны, влияние РПЦ в условиях войны настолько возросло, что можно говорить о нарушении идеологической монополии партии. Именно поэтому сентябрь 1943 г. стал переломным моментом во взаимоотношениях государства и церкви. Государство заключило союз с церковью как с наиболее реальной и конструктивной силой, способной организовать верующих для борьбы с врагом. В какой-то степени обращение государства, и лично И.В. Сталина, к проблемам РПЦ было знаком благодарности за неоднократно и реально проявленный ею с начала войны патриотизм.

Но, к сожалению, несовместимость официальной материалистической идеологии, самой концепции организации советского общества и повысившейся религиозности части общества обусловили непоследовательность государственной церковной политики, определенное «торможение» в ее реализации уже в начале 1944 г.

Реконструкция влияния религиозных настроений исламского населения региона на трудовую мотивацию затруднена по причине их слабого отражения в источниках¹. Тем не менее, исследователи, в частности Ю.Н. Гусева, считают, что «анализ архивных материалов позволяет утверждать, что религия продолжала сохранять заметное место в мировосприятии татар»², несмотря на то, что к концу 1941 г. в Краснооктябрьском районе Горьковской области³ не осталось ни одной функционирующей мечети⁴. Начало Великой Отечественной войны привело к тому, что, с одной стороны, усилились религиозные мотивы в деятельности людей, выразившиеся, например, в прошениях с 1942 г. об открытии мечетей. С другой стороны - духовная жизнь татарского населения Горьковской области, в основном, находила выражение в патриотических настроениях. Исследователи отмечают отсутствие упоминания в документах прогерманских настроений в среде мусульман Горьковской области⁵.

¹ Гусева Ю.Н. История татарских сельских общин Нижегородской области в XX веке (1901-1985 гг.). Н. Новгород, 2003. С. 182.

² Там же. С. 178.

³ Район компактного проживания татарского населения — В.С.

⁴ Гусева Ю.Н. Цит. соч. С. 180.

⁵ Там же. С. 181

15—17 мая 1942 г. в Уфе проходило совещание мусульманского духовенства при Центральном Духовном Управлении Мусульман, на котором было принято обращение к верующим. После «всестороннего» обсуждения вопроса о «зверствах немецко-фашистских варваров над человечеством, в особенности над мусульманами»¹, на совещании было принято решение оказать всемерную поддержку Красной Армии в деле защиты родины. В этом обращении, в частности, говорилось: «Уважаемые братья мусульмане! . Оставшиеся в тылу мужчины и женщины, не поддавайтесь малодушию и панике, приложите все силы для изготовления всех необходимых предметов для успешного ведения отечественной войны и обеспечения жизни населения. В этой святой отечественной войне против фашистской Германии и ее приспешников, доказав свою правоту, покажите перед всем миром верность своей Родине, молитесь в мечетях и молитвенных домах о победе Красной Армии»².

В Мордовии, как отмечает В.К. Абрамов, в начале войны власть довольно пассивно реагировала на восстановление и открытием мечетей в местах компактного проживания татарского населения. Это косвенно может служить свидетельством признания властью мотивирующего характера религиозности мусульман³. В противном случае отношение власти было бы иным, как, например, к представителям сект.

Религия - это, прежде всего, традиция. Религиозные чувства аккумулировали традицию сопротивления, выражали готовность к самопожертвованию, усиливали веру в успешное завершение войны, в победу — в этом их конструктивная составляющая.

В то же время необходимо отметить, что религиозные чувства редко проявлялись в «чистом виде», в форме пассивных, отвлеченных мыслей, или поступков. Активное выражение религиозных чувств представляло собой сложное переплетение суждений и оценок верующих. Они включали в себя отношение к советской власти, современной действительности, степени опасности завоевания и прогностический компонент (пророчества). В зависимости от того, насколько близки были эти оценки тем, которые давала власть, находился характер влияния религиозных настроений на трудовую мотивацию.

¹ Советская повседневность и массовое сознание. С. 411.

² Там же. С. 413-414.

³ *Абрамов В.К.* Мордовия в годы Второй мировой войны// Мордовия в годы Второй мировой войны: Сб. статей / МордГУ им. Н.П. Огарева. Саранск, 2006. С. 73.

Проявления религиозности можно рассматривать в качестве мотивирующего фактора только в рамках церковной организации¹ (РПЦ, Ислам). Патриотическая позиция, выраженная в выступлении церковных иерархов, стала доминантой религиозной идеологии в период войны, и это придавало религиозному чувству верующих конструктивный характер.

Стихийные проявления религиозности, как правило, шли «вразрез» с ортодоксальной церковью и характеризовались усилением настроений апокалипсического характера, потерей смысла земного существования и, как следствие, снижением мотивации конструктивного социального (в первую очередь трудового) поведения. Религиозные чувства деструктивного, де-мотивирующего характера проявлялись, в первую очередь, у представителей нетрадиционных сектантских течений, находящихся вне ортодоксальной церковной традиции.

Война, таким образом, сыграла знаковую роль как в государственно-церковных отношениях, так и в судьбе самой церкви. Ведь именно в чрезвычайной ситуации проявились самые светлые и искренние чувства народа. Религиозность, вера в сочетании с патриотизмом неоднократно оказывалась в истории России одним из главных факторов победы. Война, как чрезвычайный фактор, укрепила веру тех, кто продолжал верить и в условиях гонений, и дала веру тем, кто считал себя атеистом. Отец Иоанн Санкт-Петербургский и Ладожский привел в своей работе пророчество старца, схимонаха Аристоклия, сделанное в Москве в 1918 г.: «По велению Божию, говорил он, со временем немцы войдут в Россию и тем спасут ее от безбожия»². Если такое пророчество действительно имело место, то оно как нельзя более точно отражает состояние религиозности в Советской России в годы Великой Отечественной войны.

¹ Как отмечали В.Р. и И.Н. Букины: «религиозные переживания верующих могут отличаться глубиной или слабостью, быть положительными, или отрицательными религиозная идеология придает этому стихийному процессу целенаправленный характер» / Букин В.Р., Букина И.Н. О природе религиозного чувства // Вопросы философии 1962. №12. С. 101-102.

² *Высокопреосвященнейший Иоанн, митрополит С. Петербургский и Ладожский*. Самодержавие духа: Очерки русского самодержавия. Саратов, 1995. С. 291.

§3. Письма с фронта

Трудовое поведение в условиях войны, внешней угрозы было обусловлено переживанием опасности не только за себя, но и за близких родственников, находившихся на фронте. Одним из наиболее информативных, своеобразных и необходимых для проведения анализа этого переживания видов исторических источников являются письма с фронта.

Письма с фронта имели высокий позитивный потенциал влияния на мотивацию труда. В Мордовии, например, они регулярно транслировались по радио на русском и мокшанском языке¹. В одной из многочисленных радиопередач всесоюзного радио, посвященных трансляциям писем с фронта, говорилось: «Взаимный поток писем с фронта в тыл и из тыла на фронт говорит о единстве армии и народа, о любви друг к другу, о вере в грядущую победу над врагом»². Правительство отлично понимало, что письма являются важнейшим способом восполнения необходимой и важной для населения тыла информации. Именно поэтому решение проблемы доставки писем на фронт и с фронта стало одной из важнейших задач власти на всех уровнях. Для ее реализации было даже принято специальное постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 октября 1941 г.³.

Для характеристики информационного воздействия фронтовой корреспонденции на сознание трудящихся в данном параграфе мы прибегли к историко-психологическому анализу комплекса писем. Многократная повторяемость в письмах тех, или иных беспокоящих авторов вопросов и проблем позволяют восстановить сущность и структуру поступающей с фронта информации. Такой подход делает возможной реконструкцию меры и характера информационного воздействия на настроения и мотивацию труда представителей тылового населения.

Письма с фронта - это письма лиц, находившихся в своеобразной пограничной ситуации ожидания или непосредственного контакта с противником. Их ожидания, ощущения, надежды, выраженные в письмах к родным, необходимо рассматривать с точки зрения

¹ Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Саранск, 2005. С. 341.

² ГАРФ, ф. 6903, оп. 12, д. 12, л. 417.

³ КПСС в резолюциях. М., 1985. С. 243.

своеобразной ментальной связи с домом, которая оказывала не меньше, чем официальная информация, влияние на социальные настроения в тылу.

Представления о ходе боевых действий и о степени их интенсивности неизбежно вызывала у родственников в тылу беспокойство по поводу жизни и здоровья воюющих. Практически во всех письмах главная новость - что автор (сын, муж, брат, отец) жив и здоров. При этом в большинстве писем бойцы старались смягчить представления о степени опасности боевых действий, упоминая о них вскользь.

Так, В.Я. Щепалин, курсант 3-й Чкаловской военно-авиационной школы пилотов писал матери Евдокии Павловне и сестре. Своеобразие ситуации заключалось в том, что молодые курсанты с нетерпением ждали окончания обучения и отправления на фронт, что и нашло отражение в письмах. Следует отметить отношение В.Я. Щепалина к войне в ее начальный период. Еще не воевавший летчик, не сталкивающийся лицом к лицу с врагом, уверен, что трудовой («передовой») народ Германии «за нас»¹. Создается впечатление, что автор пытается успокоить родственников, а заодно и себя. Видимо, он считал, что война не затянется надолго. В одной из строк он называет ее «заварушкой», что с точки зрения терминологии вряд ли соотносилось в его сознании с большой войной.

В письмах В.Я. Щепалина значительное место занимает поэтическое описание природы. С одной стороны, это отличительная черта русского менталитета, а с другой - скрытый способ сообщить родственникам о своем благополучии: описание смен времен года отвлекало их от мыслей о войне, от беспокойства за родного человека. Спокойствие за близких - основа уравновешенного психологического состояния, что в свою очередь способствует жизненной активности и усиливает позитивные поведенческие мотивации.

Письма младшего лейтенанта 5-й батареи 2-го дивизиона 106-го арполка Михаила Ильича Терещенкова своей жене Екатерине Анатольевне также написаны в период ожидания отправки на фронт. В течение октября 1941-января 1942 гг. он очень часто писал домой, практически не зная, доходят ли его письма (находясь в маршевой роте, трудно было получить ответ). В отличие от писем курсанта Щепалина, в письмах М.И. Терещенкова в большей степени выражена уверенность в скорой отправке на фронт и меньшая в возмож-

¹ ЦАНО, ф. 6217, оп. 6, л. 1, л. 3 об.

ности остаться в живых Младший лейтенант Терешенков — простой солдат - сообщает домой сведения о своей жизни, быте, питании, т.е. о том, что в первую очередь беспокоит близких — здоровье и самочувствии. Беспокоясь о материальном положении семьи, автор в одном из писем разрешает продать что-либо из его вещей и сжечь на дрова кое-что из домашней сельскохозяйственной утвари. Но не потому, что чувствовал, что не вернется домой, и они ему больше не пригодятся. Напротив, он пытался успокоить себя и близких, жить надеждой: «Вернусь после войны - всего достанем, если понадобится»¹.

Несмотря на то, что в письмах с фронта мало подробностей о ходе боевых действий (что во многом объясняется деятельностью военной цензуры, даже самоцензуры, о которой пишет И.Ю. Моисеева², с помощью которой бойцы старались не посвящать родственников в подробности суровой военной повседневности), сама обстановка, в которой были написаны письма, предполагала наличие в них тревожащей читателя информации. С разной степенью интенсивности такая информация усиливала беспокойство за воюющих родных.

Так, в письме неустановленного лица, подписывавшегося «М.», своей знакомой автор пишет: «1.12.1942... Мы уже за это время побывали во многих разных местах фронта. Повоевали, по-настоящему побили фрицев и гансов. Вот эта бумага и конверт - трофейные»³. Вероятнее всего, вести с фронта, по мнению фронтовика, должны были быть оптимистичными и вселять уверенность в победе. Можно также отметить попытку показать боевые действия не как чрезвычайные обстоятельства, а как обычную работу: «Словом, немножко уже поработали» или «Все города, о которых вместе слушали летом прошлого года, снова стали нашими. Ну, конечно, не без нашего участия... В этом году повоевали неплохо... Продолжаем бить врага и дальше»⁴. Несмотря на то, что информация о боевой обстановке скрыта за смягчающими терминами, адресат должен был осознавать степень опасности, которой подвергался автор.

Старший сержант П.Е. Аладышев писал жене в с. Теньгушево Мордовской АССР 20 августа 1942 г.: «Дорогая супруга, я вам написал, что меня не так давно слегка царапнуло осколком в голову, и я

¹ ЦАНО, ф. 6217, оп. 5, д. 174, л. 13 об.

² Моисеева И.Ю. Указ. соч. С. 193.

³ ЦАНО, ф. 6217, оп. 6, д. 66, л. 1.

⁴ Там же. Л. 7-8.

об этом не хотел вам писать... Дорогая моя, поэтому я Вам не сообщил, *потому что я знаю, вы, как услышите, что я ранен, так будете сильно расстраиваться*¹.

И.А. Абрамов, призванный в танковые войска из Ичалковского района Мордовской АССР 1 января 1944 г., писал родным: «Был наш танк подбит, и меня немного «того». Ну, ничего, уже выздоравливаю»².

Характерно также отношение авторов писем к жизни и смерти, к судьбе. Соболезнуя о смерти племянника, В.Я. Щепалин писал: «Я очень вам соболезную, но прошу: *особо не огорчайтесь. Бывает и хуже горе...* (курсив мой. — В.С.) *такова видно уж судьба*»³. В этих словах наличествует сильнейший эмоциональный потенциал, который был способен блокировать деструктивные тенденции в сознании читателя: *при всех трудностях в тылу на фронте намного хуже*.

Например, К.И. Храмов писал жене непосредственно перед боями, в ожидании решающих сражений. Состояние души автора в этот период передают следующие строки: «Ну, друг, не обижайся на меня... Тяжело на душе, но видимо ничего не поделаешь, надо защищать родину от наглых извергов-фашистов»⁴. Приближение фронта усиливало волнение и, может быть, страх за жизнь: «Писать кончаю. Что-то не вяжется у меня в предложениях, все же сильно взволнован и обеспокоен»⁵. Эти строки написаны слегка изменившимся почерком: буквы более крупные, строки не всегда горизонтальны. Правда, это можно объяснить тем, что письмо, возможно, писалось в дороге. Форма и содержание письма, вероятно, с одной стороны, усиливало тревогу за родного человека, с другой - увеличивало эмоциональную значимость сказанного им.

По прибытии на фронт в начале октября 1941 г. в письме автора, с одной стороны, проявляется удовлетворение тем, что он наконец-то находится на передовой, на защите родины, а с другой неопределенность ближайших часов (!) жизни нарастала: «Пока жив и здоров, что будет через час-два сказать трудно»⁶. В этих словах - попытка подготовить родственников к худшему, ведь пока письмо идет на родину, он может погибнуть.

¹ Солдатские письма [Текст] / Респ. архив, служба РМ и др. Саранск, 2005. С. 17

² Там же. С. 10.

³ ЦАНО, ф. 6217, оп. 6, д. 1, л. 13.

⁴ Там же. Оп. 5, д. 181, л. 7.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 9.

М.И. Терещенков - житель Горьковской области - сообщал сведения о положении дел в Москве в середине ноября 1941 г. При чем откровенно писал, что «ежедневно бывают тревоги от налетов немецких самолетов, иногда по нескольку раз днем и ночью»¹. Эта информация могла повлиять на рост деструктивных настроений в тылу, но, тем не менее, была пропущена цензурой.

Красноармеец Н.С. Сильнов в середине 1942 г. писал родным в с. Атемар Саранского района: «Надя, ты мне пишешь, что огород засеяла, но хотя вам было очень трудно, ничего не сделаешь, на нас навязался очень коварный враг, на всех на маленьких и на больших, ничем мы его никак не прогоним»².

В письме от 8 ноября 1942 г. курсант В.Я. Щепалин описывал жизнь в летной школе. Она, хотя и протекала вдалеке от фронта, все же была по-военному опасной. Случались крушения самолетов, гибель летчиков: «В нашей жизни редкий день без происшествий. Иногда бьются без возврата к жизни»³. В мае 1942 г. ситуация со снабжением продовольствием для курсанта Щепалина становится настолько тяжелой, что автор писем впервые просит прислать что-либо из продуктов, понимая при этом, что и дома ситуация не из лучших. «В общем, если вы сумеете прислать посылочку, это не плохо. Постарайтесь достать что-нибудь из курева. Но себя не обижайте и не унижайтесь»⁴.

В письмах курсанта Щепалина отражена психология русского советского патриота — яркого представителя поколения. Например, в письме от 8 ноября 1942 г. он с искренней радостью описывает ощущение праздника 25-летия советской власти, заявляя при этом: «Отстоим русскую землю!»⁵. Диалектика восприятия действительности заключается в том, что такая позиция была сформирована у автора письма не только его военным бытием, но и всей предыдущей практикой жизни в тылу, что так же является отражением одного из поведенческих императивов поколения 30-х—первой половины 40-х гг.

Гвардии младший сержант Н.Ф. Алятин писал родным в село Посоп Саранского района: «Я думаю, вы понимаете, что на фронте, дело не одно, работы очень много и даже можно сравнивать с такой поговоркой: «Человек, который находится на передовой линии

¹ ЦАНО, ф. 6217, оп. 5, д. 174, л. 6 об.

² Солдатские письма. С. 247.

³ ЦАНО, ф. 6217, оп. 6, д. 1, л. 32.

⁴ Там же. Л. 17 об.

⁵ Там же. Л. 26.

фронта, переживает столько трудностей за один день, сколько переживает в мирное время за целый год и даже больше»¹.

Из письма красноармейца М.Г. Разумова родным 2 января 1942 г.: «Шлю вам свой пламенный родительский привет и пожелаю вам всего наилучшего в вашей жизни и здоровье, успехов в вашей работе. Я живу пока что «ничего», ожидаю лишь одно — смерти или ранения»².

Письмо Е.И. Агеева от 17 ноября 1942 г.: «Если вы тоже мне пошлете (посылку. - В. С.) — это, конечно, ваше дело. Но сам я просить не буду, так как знаю как вы живете. Мне бы хорошо было вам самим помочь, а не ждать от вас. Мне, сознаюсь, на зиму нужны пара чулок и перчатки. Больше ничего»³.

Письмо И.Г. Гвоздева от 30 сентября 1942 г. родным в д. Старая Чекаевка Лямбирского района Мордовской АССР: «В настоящее время пока жив и здоров. Во первых строках моего письма я передаю, возможно, мой последний красноармейский привет. Тятя, вы наверно, сами знаете, что Сталинградский фронт — самый важный и решающий фронт. Сейчас здесь идут ожесточенные бои. Нахожусь я в самом городе Сталинграде... Тятя, спастись здесь очень трудно. Тятя, наверно, я здесь погибну за Родину, за наш Сталинград»⁴.

Информация с фронта в данном случае включала два важнейших для получателя компонента: то, что автор письма жив, и то, что ему очень трудно. Намного труднее, чем в тылу. Его жизнь сопряжена с постоянной опасностью. Единственным способом помочь ему (помимо посылок вещей и продуктов) был интенсивный труд.

Описание трудностей военного времени, ранений и участия в боях в сочетании с призывами к труду во имя победы, представляли собой действенный *образец поведения*. Особое отношение к родственникам, сражавшимся на фронте и терпящим лишения, дополнительно мотивировали трудящихся.

Особую ценность для трудящихся тыла приобретали советы и жизнеутверждающие рекомендации, которые давали бойцы своим родным.

Из письма старшего политрука П.М. Зайцева родителям в г. Саранск 25 июня 1941 г.: «Главное, я убедительно прошу вас быть в покое, не расстраиваться. Всем крепко взять себя в руки, честно и

¹ Солдатские письма. С. 19.

² Там же. С. 225.

³ Там же. С. 14.

⁴ Там же. С. 85.

добросовестно относиться к нашему общему делу. Сейчас меньше говорить — больше делать... Победа будет за нами. Фашизм мы полностью уничтожим. Вы гордитесь тем, что ваши два сына с честью будут защищать Родину от наглого фашизма До свидания. Живите дружной и умней»¹.

Артиллерист, политрук, младший лейтенант Н.А. Ивлиев писал 22 января 1942 г. родным в с. Керамсурка Козловского района Мордовской АССР: «Мамаша, конечно, я знаю, что вам тоже трудно приходится, но нужно преодолеть эти трудности, так как это наше общее дело. Врага мы, конечно, скоро разобьем, и опять будем спокойны»².

Курсант В.Я. Щепалин - очень молодой человек, по сути, вчерашний школьник, еще не вкусивший всех радостей жизни. Тем не менее, за годы обучения в летной школе у него постепенно и неуклонно формировалась психология воина элитного подразделения, «сталинского сокола». В письме своей сестре он пытается утешить ее, внушить чувство оптимизма, призывает жить несмотря ни на что: «*Нужно обязательно жить и долго жить. Я вот был хилее тебя, но чувствую в здоровье себя замечательно. И собираюсь прожить много лет, если стихия не вырвет меня. Ведь мы, летчики, люди особого склада. Риск для нас благородное дело, особенно в молодые годы. Ну, об этом потом*»³.

Письма К.И. Храмова, как и другие подобные письма, пронизаны тоской по дому и надеждой на победу. В этом заключалось специфическое отношение к общей беде, свойственное поколению 40-х годов. Подавляющее большинство бойцов Красной Армии и трудящихся тыла жили одной мыслью - мыслью о победе. Это единство с большой долей оптимизма выражено в письмах К.И. Храмова: «Вы не беспокойтесь. Я, конечно, знаю, что вы живете одной мыслью: возвращайся быстрее, Коська, с победой. *Этой мыслью живу и я, и весь наш народ.* (Курсив мой. - В.С.) Да! Хотя и мало гарантий на жизнь, но почему-то надеешься, что я вас увижу, и может быть придется так же счастливо и весело жить»⁴.

В кризисной ситуации ожидания отправки на фронт, в обстановке неизвестности во много раз возрастало трепетное отношение к семейным ценностям, что мы видели и в предыдущих письмах.

¹ Солдатские письма. С. 107.

² Там же. С. 119

³ ЦАНО, ф. 6217, оп. 6, д. 1, л. 33.

⁴ Там же. Д. 181, л. 2 об.

К.И. Храмов неоднократно обращается к жене: «У меня будет большая просьба к тебе, Панюша, - живите с мамой так же, как и жили раньше. Пойми, Паня, она очень и очень много пережила, много приняла горя и ей сейчас самый близкий человек - это ты, в тебе она видит сумму мысли обоих сынов - Николая и меня»¹. При этом хочется отметить, что перед автором не стоит дилемма «семья или родина». Он отлично понимает, что, защищая родину, он защищает семью.

Письма М.И. Терещенкова — характерный пример приоритета семейных ценностей перед идеологическими. Понимая всю необходимость нахождения в боевых условиях для защиты Отечества, автор пытается посредством писем и открыток выразить отцовскую нежность и мужскую любовь. В условиях войны эти качества приобретали особую значимость для оставшихся в тылу родственников, и письма были единственным способом их выражения.

Как и М.И. Терещенков, заместитель командира роты противотанковых ружей Н.И. Васильев 8 сентября 1942 г. писал родным в г. Саранск: «Личная моя жизнь идет по двум направлениям: 1) защита Родины и 2) забота и думы о своей семье, о вас, мои милые»².

Красноармеец С.И. Власенко 2 марта 1942 г. писал в г. Ардатов жене: «Не теряй надежды, родная моя. Хочу, чтобы ты была здоровой и благополучно родила дочь или сына, места всем хватит, только очень тяжело одной, дорогая моя, воспитывать ребятшек. Не теряй надежды, родная моя, все может закончиться благополучно»³

Советы и рекомендации родственникам, ободряющие замечания, по мнению авторов, должны были конструктивно подействовать на читателя. Например, летчик Ю.Свешников писал своей знакомой 3 августа 1942 г.: «Война промахов не прощает. *Береги нервы, а то они сейчас очень треплются, побеждает же тот, у кого крепкие нервы*»⁴.

В письмах с фронта часто встречаются утверждения, раскрывающие смысл ратной и трудовой деятельности автора и адресата, подчеркивается единство целей этой деятельности. Еще раз подчеркнем, что эмоциональное восприятие подобной информации способствовало формированию конструктивного поведенческого императива. Так, в письме политрука Сандина жене есть такие слова: «Понят-

¹ ЦАНО, ф. 6217, оп. 6, д. 181, л. 4.

² Солдатские письма. С. 62-63.

³ Там же. С. 75.

⁴ Забвению не подлежит. С. 104.

но, что цели жизни сейчас в первую очередь должны на то, чтобы все силы свои отдать на ускорение полной победы над врагом. Ты меня знаешь, я в последних рядах сражаться не люблю, значит, общечеловеческие ценности и моя практическая деятельность не расходятся»¹.

Как пример скрытого призыва интересно привести письмо С.И. Власенко от 16 марта 1942 г.: «Есть еще один порок в нашей жизни - это дезертиры и мародеры. Правда, этой сволочи у нас мало, но троих недавно расстреляли перед нашим строем. Один гад прострелил себе правую руку, чтобы смыться в госпиталь»². Такая информация усиливала негативное отношение к аналогичным проявлениям на трудовом фронте.

Оптимистические настроения и жизнеутверждающие рекомендации бойцов своим родственникам в тылу воспринимались не только как результат вполне понятного желания авторов успокоить их, но и как знаковый сигнал от более *информированного источника*. Автор письма - человек, находившийся на фронте, и в этом смысле он имел возможность непосредственно наблюдать и оценивать происходящие события. Переживая военные трудности, о которых знали или догадывались родственники в тылу, он становился в восприятии последних уважаемым, достоверным и необходимым источником информации.

Передаваемые в письмах уверенность в победе, оптимизм, надежда на встречу в качестве результата информационного воздействия выступали в роли скрытого призыва к труду ради победы. Такие призывы, несомненно, должны были оказывать позитивное воздействие на жизненную позицию и, в частности, на трудовую мотивацию тех, кому они были адресованы. Ободряющие слова, сказанные в письме близким и родным человеком, выступали в качестве мощного эмоционального стимула.

Кроме того, во многих письмах содержались *прямые призывы* к интенсивному труду.

Красноармеец П.А. Вирясов в письме родным 16 июля 1941 г. писал: «Лена, ты не тужи и не горюй, а старайся хорошенько работать, тем самым поможешь разгрому фашистской гадины, которая напала на нашу страну. Прошу помогать упорным трудом нашей Родине, мы быстрее разгромим фашистов. Лена, я прошу еще раз не

¹ Солдатские письма. С. 242.

² Там же. С. 76.

унывать - этим ничему не поможешь, а лучше образцово трудиться»¹.

Б.Р. Арапов 23 июля 1941 г. писал родным: «передайте всем колхозникам, что чем больше хлеба и продуктов, тем быстрее разгромим врага»².

Боец В.А. Гордин 1 августа 1941 г. написал родным в Ладский район Мордовской АССР: «Папа, пусть все работают честно на уборке хлебов. Папа, и если я погибну, то смертью храбрых. Вы в этом не сомневайтесь»³. В таком эмоциональном контексте призыв к труду звучал как завещание. Сила воздействия такого призыва была, пожалуй, более значительной, чем официальная идеология.

Прямой призыв к интенсивному труду, как к средству достижения Победы — характерная черта фронтовой корреспонденции. Так, уже упоминавшийся Н.Ф. Алятин писал: «Трудитесь на благо нашей Родины и для существования себя. Этим самым мы можем совместно с вами: отцами, матерями, братьями и сестрами - быстрее рассчитаться, разгромить и закончить войну с немецкими собаками, которые всеми силами стремятся поработить нашу свободную, трудолюбивую страну»⁴.

Красноармеец М.А. Купряхин 24 июля 1944 г. писал родным в село Ельники Мордовской АССР: «Жив и здоров, того желаю и вам: быть здоровыми и работой помогать фронту»⁵.

Письма, адресованные коллективам трудящихся, как правило, имели характер своеобразного отчета об успешных боевых действиях того или иного соединения. В таких письмах подчеркивалась идея единства фронта и тыла, также содержался призыв к интенсивному труду как к способу быстрейшего достижения победы.

В феврале 1942 г. комсомольцы и молодежь, призванные в на фронт из Марийской АССР, обращались в письме к землякам: «работайте, не покладая рук, по-фронтовому, как призывал нас великий Сталин, будьте достойными патриотами своей великой Родины»⁶.

В феврале 1942 г. комсомольцы и молодежь, призванные в на фронт из Марийской АССР, обращались в письме к землякам: «ра-

¹ Солдатские письма. С. 68-69

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 89.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же. С. 146

⁶ Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны: Сборник документов и материалов. Йошкар-Ола, 1967. С. 145.

ботайте, не покладая рук, по-фронтовому, как призывал нас великий Сталин, будьте достойными патриотами своей великой Родины»¹.

Личный состав крейсера «Коминтерн» Черноморского флота в письме трудящимся Марийской АССР обращался с призывом к интенсивному труду².

Младший сержант И.С. Большаков, обращаясь к колхозникам сельхозартели «2-я пятилетка» Теньгушевского района Мордовской АССР 1 мая 1942 г., писал: «Товарищи колхозники и колхозницы! Шлю вам свой фронтовой привет и желаю успешной работы в проведении весеннего сева. Вашу работу бойцы Красной Армии ценят высоко и считают ее такой же фронтовой, как и свою. Чем больше разных продуктов, тем сильнее мы нанесем удар врагу, быстрее его разгромим и вернемся домой с победой»³.

Гвардейцы 57-й стрелковой дивизии направили 25 апреля 1943 г. письмо секретарю Горьковского обкома ВКП(б) М.И. Родионову, в котором, в частности, говорилось: «Обращаемся через Вас к трудящимся Горьковской области, призываем их к труду, к труду великой эпохи, к труду военного времени и просим дать стране больше оружия, боеприпасов, самолетов, танков и отлично провести весенне-посевные работы»⁴.

В письме-обращении гвардии сержанта Ф.И. Ларина к колхозникам, рабочим и служащим Чернухинского района Горьковской области так же содержался эмоциональный призыв, усиливший мотивацию труда: «Помните одно, что от вас зависит многое в деле разгрома немецких захватчиков. Чем больше и скорее соберете свой урожай, чем больше Красная Армия получит вооружения, снаряжения и продовольствия, тем быстрее приблизится час разгрома немецких захватчиков, и быстрее очистим свою землю от гитлеровских захватчиков. Смерть немецким оккупантам!»⁵.

Из письма командования подшефной 326-й Мордовской Ровеславльской дивизии руководству республики (февраль 1943 г.): «Мы обращаемся к вам, трудящиеся и руководители Мордовии! Укрепляйте советский тыл, работайте еще лучше. Давайте фронту больше оружия, боеприпасов, снаряжения, продуктов питания. Приближает-

¹ Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны. Сборник документов и материалов. Йошкар-Ола, 1967. С. 145.

² Там же. С. 108.

³ Солдатские письма. С. 42.

⁴ Забвению не подлежит. С. 118.

⁵ Там же. С. 120.

ся второй весенний сев. Посейте больше, чем в прошлом году. Помните: каждая винтовка, каждый пуд зерна и овощей — это удар по врагу. Общими усилиями ускорим приближение победы над интервентами»¹.

Командование 1097-го Ромодановского стрелкового полка писало трудящимся одноименного района 23 августа 1943 г.: «Мы уверены, что вы своим честным трудом в тылу поможете нам добить немцев»².

Уроженец Марийской АССР генерал И.И. Анциферов 29 декабря 1943 г. в письме, адресованном руководящим органам республики, писал: «Дорогие товарищи! Мы знаем какую огромную работу ведете вы в тылу для дела победы. Ваш трудовой энтузиазм творит чудеса. Вашу героическую работу, *устремления и чувства* мы видим в *эшелолах боеприпасов и прекрасного вооружения*, идущего к нам на фронт. За это мы гордимся вами! (курсив мой. - В. С.)»³

В целом надо сказать, что информация, поступающая с фронта в форме писем, как личного, так и общественного характера, способствовала усилению трудовой мотивации, вызывая такие эмоции как беспокойство за судьбы близких людей, чувство мести, ненависти к агрессору, волю к жизни, ощущение сопричастности к победам на фронте, уверенность в положительном исходе войны. Письма с фронта активизировали в сознании трудящихся конструктивные поведенческие императивы. Информация об участии авторов писем в боевых действиях, о переживаемых ими трудностях войны воспринималась трудящимися на глубоком эмоциональном уровне и в сочетании с призывами к труду во имя победы становилась мощным мотивирующим фактором.

¹ Солдатские письма. С. 345.

² Там же. С. 356.

³ Марийская АССР в годы Великой Отечественной войны. С. 190.

Глава IV

Морально-психологические факторы воздействия на трудовую мотивацию

Это было, точно, необыкновенное явление русской силы: его выбило из народной груди огниво бед.

Н.В. Гоголь. Тарас Бульба

§ 1. Эмоция-шок и фактор внешней угрозы

В условиях подготовки к войне первоочередной задачей стала мобилизация духовного потенциала. Как отмечает Е.С. Сенявская, «в экстремальной ситуации вооруженной борьбы «на взаимоуничтожение» имеет ценность только то, что способствует уничтожению противника, т.е. все, обеспечивающее мобилизацию собственных сил, в том числе и морально-психологических. Эта мобилизация, помимо всего прочего, предполагает непереносимое возбуждение в массовом сознании сильных негативных эмоций по отношению к противоборствующей стороне, вплоть до чувства ненависти к врагу»¹.

Образ врага в СССР предвоенного периода играл настолько значимую роль, что лидер государства именно с ним связывал перспективу существования самого государственного института². В то же время нестабильность внешнеполитической ситуации, а также неписанные законы дипломатии не позволяли советскому идеологическому аппарату однозначно «персонифицировать» объект внешней опасности. Во многом именно поэтому, как справедливо замечает Е.С. Сенявская, «у большинства населения не было ни реального представления о будущей войне, ни адекватного образа противника, с которым придется иметь дело»³.

Это замечание также подтверждается появлением в первый период войны в представлениях тылового населения фантастических характеристик образа врага, ассоциирующих его черты с непобедимостью и нереальными техническими и физическими возможностями⁴.

¹ Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006. С. 14.

² В марте 1939 г. на XVIII съезде партии И.В. Сталин говорил: «Сохранится ли у нас государство также и в период коммунизма? Да, сохранится, если не будет ликвидировано капиталистическое окружение, если не будет уничтожена опасность военного нападения извне» // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 14 / Под ред. Р. Косолапова. М., 1997. С. 336.

³ Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века. С. 79.

⁴ Например, представление о существовании у фашистов танков с круглыми башнями, от которых «отскакивают снаряды» и т.п. См.: *Ломагин Н.А.* Политический контроль и негативные настроения ленинградцев в период Великой Отечественной войны: Дис. .. д-ра ист. наук СПб, 2005 С. 245–274.

Сам факт начала Великой Отечественной войны означал предельную конкретизацию образа врага в сознании военного и гражданского населения СССР. Военные действия придали фактору внешней угрозы вполне реальные, непосредственно переживаемые очертания. Возрастала опасность для жизни, свободы и здоровья граждан. В критических условиях оценка степени опасности внешнего завоевания становилась существенным компонентом прогностической функции сознания. Как отмечал И.Б. Гасанов, «человек фиксирует окружающий мир в своем сознании в виде различных образов, которые могут не точно, либо вовсе неверно отражать действительность, окружающую его. При этом *создаваемые в человеческом сознании образы в значительной степени определяют его поведение* (курсив мой. - В.С.)»¹. Это положение может быть применено для решения исследовательской задачи: *изучения влияния переживания угрозы жизни в форме эмоции-шока и информации о положении на фронте на трудовую поведенческую мотивацию.*

Соотношение оценки степени опасности и осознания необходимости интенсивного труда придавало трудовому поведению определенную (конструктивную либо деструктивную) направленность. Потребность в безопасности (одна из базовых по А. Маслоу) выражается в отношении человека к вероятности, характеру и степени внешней угрозы, в стремлении свести эту угрозу к минимуму или исключить ее совсем. Учитывая тот факт, что в начальный период войны непосредственную, реальную угрозу для жизни трудящиеся тылового региона чаще всего ощущали в случаях *налетов вражеской авиации (бомбежки)*, а эффект, производимый переживанием бомбежек, вносил существенные коррективы в эмоциональную сферу сознания трудящихся, нам представляется важным рассмотреть именно этот аспект проявления внешней угрозы.

Еще в 1948 г профессор Е.К. Краснушкин в работе «Нервные и психические заболевания военного времени» писал: «В отличие от психогенного воздействия стихийных бедствий, действующих однократно, психогенное воздействие войны, характеризуется многократностью. Это постоянная, многократная угроза смерти. Этот момент многократности... вызывал в массе, и особенно в армии, своеобразную иммунизацию в отношении его. Действующая наиболее остро на личность неожиданность психического потрясения, сменялась ожиданием его и знанием угрожающей опасности, а отсюда и меньшей

¹ Гасанов И.Б. Национальные стереотипы и «образ врага»// Психология национальной нетерпимости. Мн., 1998. С. 205.

остротой восприятия его. Это убедительно демонстрировалось отношением гражданского населения к воздушным атакам, которых большинство людей скоро перестало бояться. Таким образом, непосредственное острое и предельно мощное воздействие... «эмоции-шока» на психику постепенно ослабевало, и психогенные расстройства вследствие эмоции-шока или шоковые психогенные реакции были сравнительно редким явлением»¹.

Психическое состояние человека во время бомбежки в период Великой Отечественной войны можно реконструировать на основе анализа, прежде всего, источников субъективного, личного происхождения: мемуаров и дневников. Мемуары, хоть и уступают дневникам по степени репрезентативности, непосредственности и «живости» описания, тем не менее, в данном случае представляют значительный интерес для исследователя. В них такое экстраординарное, впечатляющее событие как бомбежка, прочно и надолго врезавшееся в память автора мемуаров, представлено достаточно информативно. Дневники и письма ценны тем, что созданы буквально «по горячим следам» и в них почти с буквальной идентичностью отражено психическое состояние автора в момент переживаемой бомбежки.

Например, в письме горьковчанки А.Г. Юшановой своему мужу Г.П. Сенникову в действующую армию от 22 июня 1941 г. ярко выражены ощущения опасности, связанной с начавшейся войной и возможными бомбежками: «Время уже двенадцатый час ночи. Город у нас теперь весь затемнен, *теперь уж не игра, а настоящая угроза и опасность. Может, нас уж начнут бомбить, что всех нас ждет?* (курсив мой. - В.С.)»².

Город Горький (в первую очередь) и Горьковская область, являясь одним из наиболее важных промышленных центров страны, был также и одной из основных мишеней для фашистской авиации. В течение трех военных лет (1941-1943) на Горьковскую область было совершено 47 налетов, в которых участвовало 811 самолетов³. Первый налет был совершен на город 4 ноября 1941 г. Вот как это событие описывается в источниках.

В.И. Усова работала на Горьковском заводе им. Ленина в должности делопроизводителя. Она вспоминает: «Я была свидетелем этой первой страшной бомбежки... Подходя к проходной завода, удивилась

¹ Нервные и психические заболевания военного времени: Сб. научн. работ/ Под ред. проф. А.С. Шмарьина. М., 1948. С. 264.

² ЦАНО, ф. 6217, оп. 7, д. 35, л. 32 об.

³ Забвению не подлежит... С. 267.

тому количеству людей, которые здесь стояли. Вдруг стены здания как будто вздрогнули, покачнулись, полетело из окон стекло... Это упала бомба. Все бросились бежать через проходную... Мне казалось, что мы бежали до какой-то деревни всего минут двадцать. А потом оказалось, что мы прибежали в деревню Дубенки, расположенную в пяти километрах от завода... В этой деревне я испытала настоящий страх, когда услышала, как грохочут расположенные почти за каждым домом зенитки, которых я в жизни никогда не видела¹.

Такое чрезвычайное событие, впервые имевшее место в г. Горьком, вызывало в сознании человека состояние близкое к шоку. Ощущение возможной близкой смерти, вид погибших, трудность прогнозирования собственной безопасности усугубляли это состояние: «то, что предстало нашему взору, было ужасно. Перед нами был огромный котлован, заваленный досками, кирпичами, балками от деревянных перекрытий, а сверху дыбились горы железобетонной арматуры, балок, врезавшихся друг в друга и удерживающих в своих «объятиях» людей. Зрелище было ужасным. Люди буквально висели на этой арматуре, защемленные ею за руки, ноги, туловище... Людям, защемленным железными балками, которых удавалось спасти лишь на 8-10-й день, подавали еду наверх по нехитро сделанным конвейерам. Я стояла и плакала»². Но несмотря на деморализующий эффект бомбежки, и в этом одна их феноменальных психических реакций, наблюдавшихся в советском обществе в годы войны, осознание первостепенной необходимости выполнения производственного задания (и, конечно, страх перед наказанием за прогул) заставляло людей возвращаться на рабочее место. «Завод продолжал работать, несмотря на серьезные разрушения... Уходили только тогда, когда выполняли полностью задание, тыл и фронт были неотделимы»³. На Горьковском заводе «Красное Сормово», например, еще 21 июля 1941 г. (т.е. до начала бомбардировок) было принято решение работу по сигналу «воздушная тревога» не прекращать⁴.

Бывшая работница ГАЗа, начальник технического сектора экспериментального производства Н.В. Надеждина надолго запомнила первый налет на автозавод в ноябре 1941 г. Она вспоминала: «Низ-

¹ Усова В. И. В тылу, как на войне// За Родину! За Победу! Воспоминания сотрудников НГМА - ветеранов войны и тыла. Вып. III. Н.Новгород, 2000. С. 155-156.

² Там же. С. 156.

³ Там же.

⁴ ЦАНО, ф. 15, оп. 6, д. 629, л. 51.

кий полет самолетов, отделение бомб, их завывание и падение до сих пор живы в памяти»¹. Опасность смерти вызвала, по воспоминаниям Н.В. Надеждиной, панику среди рабочих, они побежали к проходной². Эмоции, вызванные налетом, были настолько сильны, что автор воспоминаний по прошествии многих лет хорошо помнит их. Интересно, что воздействие эмоции-шока на сознание трудящихся имело как конструктивный, так и деструктивный потенциал. С одной стороны, преобладало вполне естественное желание спастись, которое и вызвало панику: «Поднялась паника, и рабочие побежали к проходной»³. Но с другой стороны, эмоции страха продуцировали гнев в отношении источника опасности и желание отомстить доступными способами. Для трудящихся этим способом был только труд. Н.В. Надеждина вспоминает: «Не отдавала себе тогда отчета в опасности спуска по лестнице под огнем, но помню большую злобу, вспыхнувшую в сознании против тех, кто все начал»⁴.

Естественно, что подобную ситуацию наиболее остро переживали люди с особо тонкой психикой. Это наглядно можно проиллюстрировать выдержками из дневника И.И. Пермовского (1911-1983), который во время войны работал художником в управлении ЖКХ Горьковского автозавода им. Молотова. В его дневнике очень подробно описаны те ощущения, которые он пережил во время бомбежки, и после нее, наблюдая результаты. Чрезвычайное и повседневное, жизнь и смерть перемешаны в этих ощущениях. Одно переходит в другое, совмещаясь, создает весьма своеобразную реакцию на кризисные события.

Бомбежку 4 ноября И.И. Пермовский описывает в самых «живых» красках. «Самолет летал так низко над крышами домов зловещей тенью, нагоняя ужас и сея панику... Было жутко от осознания своей незащитности... Все как бы притаилось, приготовилось к чему-то неизбежному... Тревожно бьется сердце». Но в то же время, «любопытство гонит на улицу»⁵. Укрываясь от осколков, он бежит в находившийся рядом окоп. Когда в нем же пытались укрыться двое красноармейцев, это даже воодушевляет автора дневника: «Страх постепенно проходит. Больше людей. Пропадает чувство заброшенности»⁶. Это замечание иллюстрирует позитивное, конструктивное

¹ Забвению не подлежит. С. 379.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Общество и власть. С. 875.

⁶ Там же. С. 876.

влияние группы (коллектива), пусть и вынужденно организованной, на индивидуальное сознание.

19 ноября 1941 г. И.И. Пермовский делает такую запись: «Когда я прохожу мимо этой небольшой воронки... мне представляется то, что было так недавно/.../ Но это было тогда, а сейчас все это воспринимается как нечто такое, что и должно было быть, например так же вот, как и необходимая потребность вместить в себя обед на фабрике-кухне»¹. Цепкий и впечатлительный ум художника чутко прислушивается и фиксирует состояние горожан и их отношение к происходящему: «Но люди приходят и уходят, сменяются лица и уже свыкается с мыслью о том, что это так и должно быть, что война неумолима и требует жертв, что бытие определяет сознание И уже после обеда, ощущая приятную тяжесть в желудке, все это не кажется таким страшным, как это было тогда»². Тем не менее, в этих словах слышится попытка некоторого самоуспокоения. Дальнейшие записи свидетельствуют о повышенном внимании и страхе автора, вызванными бомбежками. Он неоднократно возвращается к месту падения бомбы. Его внимание привлекают пятна крови, по которым ходят люди, спешат по своим делам, потому, что «каждый хочет жить»³.

Первые бомбежки вызывали к жизни разнообразные формы психического реагирования на сопряженную с опасностью смерти ситуацию. Все они еще не были устоявшимися, поскольку еще не возникло привыкание к постоянной потенциальной опасности. Утром 5 ноября после ночной бомбежки кто-то «ругался вполголоса, покоряясь своей судьбе, мужчины сплевывали, жадно затягиваясь махорочным дымом... старушки крестились: «Господи, спаси и помилуй!». Как видно, реакции во многом были обусловлены половозрастными психофизическими особенностями.

Несколько в ином ключе описывает бомбежки В.А. Лапшин (1895-1975), который во время войны работал на Горьковском автозаводе в должности главного энергетика. С 1 декабря 1940 г. на протяжении всей войны он вел свой дневник регулярно и достаточно подробно, и такое неординарное событие как бомбежка не могла не привлечь его внимания. Отражение в дневнике этих событий во многом определялись спецификой сознания, характера и темперамента автора. В отношении к бомбежкам он предстает не просто как человек, но как муж, отец, профессионал, гражданин и патриот. Сравни-

¹ Общество и власть. С. 872.

² Там же.

³ Там же. С. 874

вая дневниковые записи, исследователь может проследить различия в восприятии одного и того же события представителями разных половых возрастных и профессиональных категорий населения. Сразу хочется оговориться, что В.А. Лапшин уделяет бомбежкам минимум внимания. Более значительное место занимает описание производственных успехов и проблем, жизни семьи, собственных ощущений, политических событий, боевых действий и т.д. Человек более занятый на производстве, отвечавший за бесперебойную работу электрооборудования, он, скорее всего, просто не успевал создать полное впечатление от бомбежек и «по горячим следам» записать ощущения. Так, первую бомбежку 4 ноября 1941 г. В.А. Лапшин описывает в несколько «приемов», поскольку получал информацию о ней в течение нескольких дней. В записи от 5 ноября он лишь констатирует факт: «Вчера фашистские самолеты появились над нашим заводом около 4 часов... сбросили бомбы». Но в то же время так описывает свои ощущения: «Весь день прошел в напряженном состоянии»¹.

Огромная занятость на заводе, сверхурочная и ненормированная работа («Завод приводим в порядок») пока просто не давали возможности автору дневника отвлечься и отреагировать на бомбежки адекватно степени опасности. Он пишет далее: «12 ноября. Две ночи подряд дежурил в отделе. Хотя обе ночи прошли спокойно, но все время находился в напряженном состоянии... Утром сегодня был налет... А я эту ночь решил отоспаться после дежурства, разделся и заснул, как убитый. Никаких выстрелов не слышал»². Видимо, семья В.А. Лапшина первоначально не совсем верно оценивала степень опасности налетов: возвращались из убежища еще до отбоя воздушной тревоги, его дочери во время налетов вели себя спокойно («не боятся, не плачут»), сам автор не пренебрегал во время опасности личной гигиеной («надо было побриться, умыться»). Но в то же время автор дневника отдавал себе отчет в неизбежности и вероятной повторяемости налетов: «В общем, теперь каждый день, каждый час жди налета. Кончилась спокойная жизнь и работа».

Только 15 ноября, увидев результаты бомбежки 4-5 ноября, В.А. Лапшин отмечает в дневнике как это страшно, и какие чувства вызывало увиденное: «утром были видны обгоревшие трупы, части тела, разбросанные вокруг. Вероятно, тут были и маленькие ребята, так как валялись детские принадлежности. Жутко было смотреть на эту картину убийства ребят и взрослых». Впервые в дневнике появ-

¹ Общество и власть С. 767.

² Там же. С. 768.

ляется запись о желании отомстить немцам «за все»¹. По мере того, как автор дневника знакомился с разрушительными результатами бомбежек, в его сознании усиливалось чувство мести к врагу и сожаления о разрушенном: «27 ноября. Иду мимо разрушенных первыми двумя бомбежками профтехкомбината, гаража, бараков... Видя эти разрушения, сделанные фашистами, зло берет. А в особенности вспомнишь об убитых во время бомбардировки — еще больше обозлишься и хочется, чтобы поскорее уничтожить всех этих сволочей»².

Постепенному привыканию к такому экстраординарному событию как бомбежка, послужило массовое созерцание ее трагических результатов. Психика нормального человека должна была либо привыкнуть, адаптироваться к этому, либо дать сбой, разрушиться. И.И. Пермовский описывает как люди всматривались в изувеченные, обгорелые трупы (...смотрят, впитывают в себя страшный облик смерти), боялись («А завтра, быть может, я так же буду валяться мешком перемолотых, раздробленных костей. Сверлит сознание неотвязная мысль») и... живут дальше («Бабы, туго перетянутые фартуками, равнодушно разметают тротуар. Они заметут и этот жалкий остаток... А ведь еще вчера в этом остатке рождались мысли»)³.

Оправившись от первоначального шока, люди пытались прогнозировать дальнейший ход событий и минимизировать степень опасности. Те, кто имеют возможность эвакуироваться, делают это: «Хоть куда-нибудь подальше от этого ада. В ближайшую деревню... Люди панически бегут из Соцгорода⁴ из бараков, которые вблизи завода. Бегут с места работы». Кто-то строит бомбоубежище, с тревогой ожидая следующей ночи. Кто-то возмущается плохой, по их мнению, организацией противоздушной обороны: «Такой завод не сумели сберечь! Позор!»⁵. Некоторые целый день не вылезали из «щелей», ожидая налета. Те, кто вынужден был не прекращать работу, в первое время так же были подвержены паническим настроениям. Причем эти настроения усиливались эффектом толпы. И.И. Пермовский приводит услышанный им рассказ: «Я в ДОЦе⁶ работаю, у нас там бомб не сбрасывал близко, а паника большая была. Все как овцы разбежались! Начальник цеха говорит: «Работайте, я за все отвечаю»

¹ Общество и власть. С. 769.

² Там же. С. 770.

³ Там же. С. 878-879.

⁴ Рабочий поселок при Горьковском Автозаводе.

⁵ Общество и власть. С. 880.

⁶ ДОЦ — деревообрабатывающий цех.

- куда тут! Как началось. Сам первый смотался. Но всего интереснее то, что за мной целая толпа увязалась. Куда я, туда и они. Я в убежище и они тоже. Набились до черта, а рядом пустые. Все больше в кучу хотят. Еле отвязался»¹.

Страх и неизвестность в ожидании бомбежек на начальном этапе войны оказывали негативное воздействие на поведенческие мотивы части населения и были опасны для власти высоким потенциалом распространения среди трудящихся. Жительница г. Арзамаса Н.С. Востокова так вспоминала впечатления от бомбежек г. Горького: «Однажды я приехала к родственникам в Кстово². В одну из ночей немецкая авиация совершила налет на Горький. Самолеты пролетели над Кстово: жужжание, гул моторов нагоняли *чувство страха и безысходности, чувства, которые трудно передать словами*. Приходилось мне бывать и в военном Горьком. Внешняя обычность города скрывала за бумажными крестами окон *напряжение каждой семьи, каждого человека*» (курсив мой. — В. С.)³.

Бомбежки г. Горького оказывали серьезное влияние на жизнь и быт города, отражались на мотивации труда. Как вспоминал бывший командир зенитного взвода Николай Павлович Егорычев: «То, что творилось на горьковской земле во время налетов вражеской авиации, без всякого преувеличения можно и нужно назвать войной. Да, это была война, самая настоящая, разрушительная, кровопролитная война, унесшая немало жизней, причинившая горьковчанам много горя и страданий и нанесящая большой материальный ущерб»⁴.

Реакция на возможную смертельную опасность (вполне адекватная для нормального человека) была недопустима с точки зрения власти, как деструктивно влиявшая на мотивацию труда. Поэтому каждому подобному случаю уделялось повышенное внимание. Деструктивная реакция на саму опасность бомбежки, желание эвакуироваться отрицательно сказывались на трудовой мотивации. Именно поэтому такая реакция становилась предметом пристального внимания со стороны компетентных органов. Даже единичные случаи становились предметом особого контроля, поскольку обладали высоким деструктивным потенциалом воздействия на сознание человека. На-

¹ Общество и власть. С. 881.

² Город в 30 км к Юго-востоку от Нижнего Новгорода.

³ *Востокова Н.С. Чувства, которые трудно передать словами*// Арзамасский учительский в годы военного лихолетья. (Материалы к истории АГПИ). Арзамас, 2005. С. 233.

⁴ Забвению не подлежит. С. 385.

пример, 9 сентября 1941 г. заместитель начальника УНКВД по Горьковской области старший лейтенант госбезопасности Балыбердин направил секретарю горьковского Обкома ВКП(б) М.И. Родионову совершенно секретную записку. В ней, в частности, говорилось: «Среди ряда ответственных работников Областной конторы «Союзутиль» за последнее время в связи с войной и опасением возможного воздушного нападения на город Горький создались крайне нездоровые - панические настроения, главным образом направленные на эвакуацию из гор. Горького»¹. Далее в записке приводились конкретные примеры деструктивного, с точки зрения организации обороны, поведения ответственных работников: «Управляющий конторой «Союзутиль» Агафонов, заведующий заречной конторой «Союзутиль» Лафер (оба члены ВКП(б)) и завскладом той же конторы Фридбург в рабочее время почти исключительно занимаются обсуждением вопроса в какой район эвакуировать из города свои семейства и имущество»². В поиске квартир для переезда Фрибург, под видом служебной командировки, ездил в Лысковский район Горьковской области. Подобные настроения среди некоторой части населения стали предметом беспокойства власти. «Изложенные выше обстоятельства отрицательно влияют на остальной аппарат этого учреждения и нормальная деловая жизнь учреждения нарушается», - говорилось в донесении³. Аналогичные настроения были выявлены в аппаратах Главснаба, управления Наркомата электростанций и др.⁴.

И.И. Пермовский, характеризуя в дневнике переживаемый им момент, пытается в то же время убедить себя в необходимости привыкания к нему. *«Нервы натянуты... И к этому привыкнешь. Как привыкают к разным неудобным вещам, это входит в быт, в повседневную жизнь... Жизнь идет своим чередом. Жизнь требует, чтобы люди привыкали»*⁵. После бомбежки паника вспоминалась с юмором: «Вспомнить все это просто смешно, а тогда не до смеха было». 3 декабря 1941 г.: «Прошел месяц с первой бомбардировки, люди уже иное забыли, или вспоминают как забавный анекдот о том, как они перепугались... Ведь вспомнить об этом нельзя без улыбки. Ведь смешны же бывают люди, охваченные безотчетным страхом»⁶.

¹ ГОПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 2121, л. 241.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Общество и власть. С. 882.

⁶ Там же. С. 884.

Однако такое состояние успокоенности было временным, далеким от стабильности. Даже, несмотря на то, что «жизнь вошла в свою колею» и что «скучища неимоверная», новые бомбардировки вернули состояния страха. 4 февраля 1942 г.: «Неужели прежние кошмары вернуться снова? Три месяца спокойной жизни прошли». Тем не менее, уже к лету 1942 г. реакция на результаты бомбежки становятся более скупыми и «повседневными». Вот описание И.И. Пермовским момента после бомбежки¹ «Пришел больной отец, посмотрел блуждающим, непонимающим взглядом на толпу, на обернутый труп дочери.

- Я, ведь, говорил ей! Не стой тут, иди в щель, я, ведь, говорил ей!

- Пальто-то жалко, новое.

Ушел, махнув рукой!»¹. - Здесь и излишнее пренебрежение к опасности со стороны девушки, и беспомощная безучастность отца, и не совсем уместная жалость к вещам со стороны случайных свидетелей.

Тем не менее, регулярность бомбежек приводила к их отнесению к разряду повседневных событий, что сказывалось на реакции населения. 27 июля 1942 г. И.И. Пермовский, так впечатлительно живописавший первые бомбежки, между прочим, замечает: «Обычная картина... Налеты превращаются в систему...»². В дальнейшем он практически не упоминает о них, уделяя большее внимание другим, в том числе бытовым, сюжетам.

С февраля 1942 г. В.А. Лапшин и его семья, судя по дневниковым записям, также постепенно привыкают к бомбежкам, и, с другой стороны понимают, что усиленные меры противовоздушной обороны значительно снижают опасность прямого попадания бомбы 24 февраля автор отмечает, что тревога была с 11 до 2 часов ночи, но бомбежки не было. В убежище никто не пошел, дочери читали. Характерно, что при возникновении определенного привыкания к потенциальной опасности, чувство самосохранения отнюдь не притуплялось. Как только возможность попадания бомбы становилась более или менее реальной, семья В.А. Лапшина не пренебрегала бомбоубежищем: «29 мая 1942 г. Сегодня ночью фашистские стервятники совершили налет... Затем позвонил домой, но уже никто не отвечал, так как ушли в подвал... бабушка очень испугалась. Напугалась так,

¹ Общество и власть. С. 907.

² Там же. С. 908.

что ноги отнялись... 9 июня. Около половины второго началась стрельба из зениток... Вопреки обыкновению собирались спокойно... Бабушка только волнуется. Ходит по комнате и шепчет: «Господи Иисусе!..» 11 июня. Около 2 часов ночи была воздушная тревога. Я так хотел спать, что не вставал с постели»¹.

Через год после начала войны В.А. Лапшин - человек привычный к потенциальной опасности. В то время, когда он находился на рабочем месте, уделял воздушным тревогам минимум внимания. Но вот когда находился дома, старался увести семью в убежище. Сказывалась ответственность за семью, семейные ценности. «22 июня 1942 г. Уже целый год должны маскировать освещение. Наш завод и мы, работающие на нем, перестроились на военную ногу. Привыкли к воздушным тревогам. Теперь во время стрельбы рабочие продолжают спокойно работать за станками»². Аналогичные записи были сделаны 24 июня, 14, 24 и 27 июля, 26 и 31 августа и т.д.

Пожалуй одну из самых тяжелых бомбежек автозавод пережил в ночь с 4 на 5 июня 1943 г. Бомбежки продолжались до 8 июля. Впервые в дневнике В.А. Лапшина говорится о реальной опасности попадания бомбы в дом, где жила семья автора. Соответственно, и реакция на опасность была адекватной: «Сегодня была жуткая ночь... началась бомбежка, да такая сильная, какой я еще не помню. При каждом взрыве бомбы наш дом вздрагивал. Мы стояли на лестнице. Зоя прижалась к маме. Галя ко мне... 22 июня. В эту ночь мне пришлось быть дома, и первый раз за все бомбежки сидел в подвале. Ребята, Валя и бабушка тоже там сидели»³.

Два года почти регулярных бомбежек привели к некоторому (насколько это вообще возможно для нормального человека) привыканию к ним. Это отразилось не в отсутствии страха, а в отсутствии паники. Н.В. Надеждина вспоминает одну из бомбардировок 1943 г. Немцы, как отмечает она, были пунктуальными и совершали налеты в 24 часа. Бомбежка застала Н.В. Надеждину лежащей дома с переломом ноги. Это не позволило ей пойти в бомбоубежище. Ощущение опасности погибнуть под бомбами уже не является для нее чем-то чрезвычайным, напротив налеты и сама опасность стали, по сути, повседневным фактором. «Я на постели оставалась одна. Кругом никого», - вспоминала Н.В. Надеждина. — «Знакомые приходили, что-

¹ Общество и власть. С. 789—790.

² Там же. С. 791.

³ Там же. С. 831.

бы проститься, ведь могли никогда не встретиться. И уходили»¹. Только присутствие духа и некоторое привыкание к постоянной опасности позволяли не поддаваться панике: «Начиналась нервная дрожь и мучительное ожидание. Чтобы успокоиться, я брала в руки гитару и играла. Играла, как умела, и пела»².

Таким образом, на основе анализа источников мы можем сделать определенные выводы о влиянии фактора бомбардировок тыловых областей на психическое состояние гражданского населения и трудовую мотивацию.

На всем протяжении бомбардировок (1941-1943 гг.) отношение к опасности, связанной с риском для жизни, было различным. По мере повторяемости такого чрезвычайного события, как бомбежка в сознании населения возникала реакция на: а) саму бомбежку, б) на ее потенциальную возможность (воздушная тревога) и в) на ее результаты.

Эта реакция зависела от различных факторов. От особенностей психики субъекта восприятия (половозрастных, профессиональных, моральных, ценностных и др.). От степени реальности опасности для жизни субъекта (местонахождение, приближенность к потенциально опасному объекту бомбометания). От степени привыкаемости субъекта к потенциально возможной опасности.

Формы реакции также были различны. В зависимости от сочетания вышеназванных факторов это могла быть и паника, страх, и повышенное религиозное чувство, чувство мести, а в конечном итоге — более спокойная реакция и привыкание, осознание повседневности, ординарности происходящего.

Окончательное, полное привыкание к бомбежкам для человека с нормальной психикой невозможно даже в условиях войны. Но это привыкание в значительной степени прослеживалось у той части гражданского населения, которая осознанно, пусть и вынужденно, подвергала себя этой опасности (рабочие и служащие оборонных предприятий). Главным же мотивом превращения чрезвычайной ситуации в повседневную в сознании гражданского населения тыловых областей была воля к жизни и сопротивлению, как в масштабе личности, так и в масштабе общества. Немаловажно отметить при этом и организующую роль государства.

Как уже отмечалось, трудящееся население тылового региона, если не учитывать бомбежки, не имело прямого контакта с против-

Общество и власть.
Там же.

ником. Поэтому применительно к поставленной задаче можно говорить лишь об опосредованном отношении трудящихся к внешней угрозе. Ощущение опасности во многом зависело от информации, которая поступала по официальным каналам и содержала сведения о ходе военных действий. Эта информация, в зависимости от социально-политических ожиданий трудящихся (например, отношение к советской власти), оказывала непосредственное влияние на их настроения, на трудовую мотивацию.

Например, об этом прямо говорилось в докладе Кировского областного суда о работе по уголовным делам за июль-декабрь 1941 г.: «Военная обстановка вызвала за отчетный период рост дел о гос. преступлениях... Этот рост объясняется обьактивлением к-р вражеских элементов внутри области в связи с временным занятием фашистскими войсками некоторых территорий СССР»¹.

Понимая всю значимость позитивной информации о положении на фронте и перспективах победы, власть старалась, не нарушая принципов информационного контроля, способствовать ее распространению. В 1942 г. Госполитиздат выпустил книгу начальника Управления пропаганды и агитации Г.Ф. Александрова, в которой содержались ответы на наиболее интересовавшие население вопросы².

Среди последних преобладали вопросы о возможностях победы, перспективах создания второго фронта, причинах жестокого обращения гитлеровцев с мирным населением. Компоновка вопросов и ответов на них давала возможность хоть как-то восполнить пробел в информационном обеспечении духовного единства страны.

Информация о положении на фронте не случайно была одной из самых ожидаемых в тылу: именно она позволяла хоть как-то прогнозировать степень опасности и определять направленность поведения. Учитывая высокий потенциал влияния этой информации на сознание населения, власть в начальный период войны «дозировала и фильтровала» информацию о неудачном ходе боевых действий. Основная смысловая нагрузка информационных сообщений этого периода - снизить тревогу и ощущение неизбежности поражения, которыми потенциально могли «заразиться» трудящиеся тыловых регионов. Это объясняет отсутствие в официальных сводках начального периода войны исчерпывающей информации о положении на

¹ ГАСПИКО, ф 1290, оп. 8, д. 70, л. 40.

² Александров Г. Ф. Некоторые вопросы текущего момента (Вопросы, заданные на собрании Сормовских рабочих) ОГИЗ, 1942.

фронте. Наиболее характерные публикации и радиопередачи этого периода имели общую направленность, выраженную словами известной поговорки: «Не так страшен черт, как его малюют». При этом в подобного рода публикациях приводилась ссылка на выступление И.В. Сталина на параде 6 ноября 1941 г.: «Враг не так силен, как его изображают некоторые перепуганные интеллигентки»¹.

Еще одним примечательным аспектом процесса формирования образа внешней угрозы было неуклонное повторение тезиса о неизбежности победы в войне. Слова, произнесенные В.М. Молотовым 22 июня 1941 г., помимо прочего, призваны были снизить ощущение опасности поражения утверждением обратного. Если в начале войны это утверждение-прогноз многими воспринималось скептически, то информация о первых значительных победах Красной Армии усиливала уверенность в победе, в позитивном результате труда, а, следовательно, конструктивно отражалась на трудовой мотивации. В передаче от 26 декабря 1941 г., которая называлась «Новая могучая демонстрация единства фронта и тыла», проводилась мысль о значительном влиянии на состояние трудовой активности информации о победах под Москвой. «Вот энский завод в г Горьком, - говорилось в передаче. — Он с первых дней войны переключился на выпуск продукции для фронта... Но вот коллектив узнал о том, чего с таким волнением ждала вся страна — гитлеровские банды получили под Москвой крепкий удар, немецкие планы окружения и взятия Москвы провалились»². И эта мысль, во-первых, отражала реальное состояние ожидания позитивных перемен со стороны большинства советских граждан, а во-вторых, должна была оказать психологическое воздействие на «неустойчивых» и «несознательных» трудящихся, интенсивность труда которых находилась на низком уровне.

«— Что можем мы сделать, чтобы еще больше усилить помощь нашим дорогим героям?»

Вот вопрос, который задавал себе *каждый рабочий, каждый инженер и техник завода* (курсив мой. - В. С.)³, - говорилось в заключение радиопередачи.

Необходимо заметить, что позитивная информация была преподнесена как одинаково воспринятая *всеми* трудящимися, хотя показатели нарушений трудовой дисциплины говорят об обратном. Но, с другой стороны, мотивирующий эффект при этом достигался путем соот-

¹ ГАРФ, ф. 6903, оп. 12, д. 7, л. 12.

² Там же. Л. 154.

³ Там же.

ношения самосознания трудящегося-слушателя с героями радиопередачи: восприятие себя как части трудового коллектива вызвало положительные, ободряющие эмоции и усиливало мотивацию труда.

Трудовая деятельность человека, как и любая сознательная деятельность, связана с эмоциональным характером восприятия процесса и результатов труда. Источники показывают, что информация о военных действиях воздействовала на мотивацию труда, в первую очередь, через эмоции: страх, радость, удовлетворение и т.п. Выяснить характер этого воздействия позволяет анализ источников личного происхождения, поскольку письма, дневники и воспоминания несут в себе отпечаток эмоций, переживаемых автором в момент их создания. Источники личного происхождения отражают широкий спектр эмоционального восприятия информации о начале войны. Общими чертами реакции можно считать боязнь неизвестности, нервозность, ожидание худшего, возмущение.

Из дневника 18-летнего жителя г. Горького А.И. Полякова: «22 июня. Война застала меня в Горьком... По радио передавали правительственное сообщение. Война! Войска фашистской Германии перешли наши границы, их самолеты бомбили многие наши города. Все возмущены!»¹.

Ровесник А.И. Полякова В.П. Киселев также отразил в дневнике те эмоции, которые вызвала информация о начале войны: «Черт возьми! Муромский район очень далеко от фронта, но и здесь пахнет недобрым... Сейчас редкий может быть спокоен за свою жизнь. Можно ли полагать, что благополучно останешься, когда идет битва не на живот, а на смерть. *Я чувствую это, как и тысячи других* (курсив мой. — В.С.). И я хочу жить, взять от жизни сколько можно. Что если скоро - смерть? А что я видел на свете за свои семнадцать лет?»².

Находившаяся на момент начала войны в г. Саранске М.П. Слепова, позднее заслуженный учитель школы Мордовии вспоминала: «22 июня 1941 г. я оказалась в Саранске... Голос Левитана вещал, что в 4 часа утра Гитлер вероломно, без объявления войны, нарушил нашу западную границу... Закружилась голова. Защемило сердце. А голос Левитана все повторял и повторял это сообщение. Хотя сразу всем стало ясно, что случилась большая беда, но слушающие и я, в том числе, стояли и стояли, не в силах двинуться с места»³.

¹ Забвению не подлежит. С. 135.

² Общество и власть. С. 999.

³ Мордовия в период Великой Отечественной войны. Т. 1 С. 180.

А.И. Гусева, позднее кандидат философских наук, так характеризовала в воспоминаниях реакцию на начало войны: «Никогда не забуду солнечный воскресный день 22 июня 1941 г.. О войне в деревне узнали только к обеду (радио не было), когда прискакал на лошади нарочный из сельского Совета. Все выбежали на улицу, плакали, обнимались, как будто уже простились друг с другом»¹.

«Весть о начале войны, — вспоминает Е.П. Левачёва, — я встретила, когда училась в школе города Горького. Сообщение по радио В.М. Молотова ужаснуло всех. Все плакали. Когда я пришла домой, то родители были в печальном состоянии»².

Ощущение опасности завоевания для многих граждан стало сильным демотивирующим фактором. Житель г. Горького художник И.И. Пермовский так описывал настроения окружающих в эти тяжелые дни: «22 июня 1941 г. Война! Люди приникли к приемникам, репродукторам, бежали к раскрытым окнам, из которых доносилась роковая весть. Война!.. Война захватила всех в свой круговорот... *Что же будет дальше? Этим живут все* (курсив мой. — В.С.)»³.

Несоответствие довоенных представлений о грядущей войне, сформированных официальной пропагандой, негативной информации о территориальных потерях оказывали на сознание трудящихся деструктивное влияние⁴. Жительница г. Кирова А.И. Калеватова вспоминает: «Июнь 1941 г... Все мы надеялись, что война скоро кончится, но вести с фронта были *нерадостными* (курсив мой. - В.С.)»⁵. Н.М. Добротвор 14 августа 1941 г. записал в дневнике: «Тяжелый, траурный день. Сегодня сообщили по радио, что «на днях нами оставлен Смоленск». Что же это такое?.. Ведь так и Москву можно на днях оставить... Все молчат, не разговаривают между собой. Все подавлены. И только изредка у кого-нибудь прорвется слово «Смоленск». Теперь дело идет о Москве. Страшно подумать»⁶.

¹ Там же С. 181.

² *Левачёва Е.П.* Так доставалась Победа// *Погодин В.П.* Техникум - это наша судьба: Очерк истории Арзамасского техникума потребительской кооперации 1957-2007 гг. Арзамас, 2007. С. 29.

³ Общество и власть. С. 879.

⁴ *Козлов Н.Д.* Морально-политические и психологические предпосылки победы// Великая Отечественная война: правда и вымысел: сб. статей. СПб., 2007. Вып. 4. С. 59.

⁵ *Калеватова А.И.* В те далекие годы (Из воспоминаний ветерана)// Вклад кировчан в достижение Великой Победы: Материалы областной научно-практической конф., посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг., 14 апреля 2005 г. Киров, 2005. С. 31.

⁶ Забвению не подлежит. С. 517

Преподавательница техникума г. Ветлуга Н.П. Коломарова записала в дневнике 16 октября 1941 г.: «Вскочила с постели, — радио передало: бои в западном направлении, в одном пункте немцы прорвали нашу оборону. Это известие подействовало особенно тяжело. Ужасные дни, ужасная неделя, тревожное настроение у всех.. 20 октября. Утром по радио приказ Совета Оборона - Москва объявляется на военном положении... Ужасно тревожусь за Аню (родственница. — В.С.). Первый раз еще такое *состояние ощутимой опасности* (курсив мой. - В.С.)»¹.

Переживание сложной гаммы чувств от неприятных известий на фронте объясняется не только динамической реакцией на внешнюю информацию, но и результатом ее соотнесения с внутренними ценностными установками индивида. В зависимости от их характера и направленности в значительной мере формировались те или иные эмоции. Принципиальный, патриотический, волевой настрой, преобладание в ментальной структуре личности общественной направленности порождали, в целом, конструктивную поведенческую модель, усиливали мотивацию труда в ответ на информацию о наступлении противника. Противоположные приоритеты в структуре личностного восприятия давали, как правило, обратный эффект.

Информация о первых крупных победах Красной Армии, в частности о контрнаступлении под Москвой, о начале коренного перелома ободряюще подействовали на эмоциональную сферу и мотивацию трудящихся. Из дневника Н.М. Добротвора: «13 декабря. 1941 г. Радость наша по поводу победы под Москвой была невыразимой. У всех веселые глаза. Только и говорят, что о поражении немцев»².

Динамика реакции населения менялась в зависимости от развития событий на фронте. Неудачи лета 1942 г., информация о занятии немцами советских городов, помимо ощущения затягивания войны, вызывали еще и чувство огорчения от потери «нашей» территории, которую неизбежно, по окончании войны, придется «приводить в порядок». В.А. Лапшин так писал в дневнике по этому поводу: «13 июня 1942 г. Опять печальное сообщение. Наши войска оставили Кантемировку и бои идут на подступах к Воронежу. Как больно это переживать. Неужели и Воронеж сдадут... Чем больше занимают фашисты нашей территории, тем труднее и тяжелее будет восстанавливать после них»³. 30 июля: «Враг идет вглубь территории... Как толь-

¹ Забвению не подлежит. С. 437.

² Там же. С. 523.

³ Там же. С. 793.

ко отвлечешься, так и думаешь об этом. . Положение тяжелое. Нужно напрячь все усилия, чтобы приостановить немцев»¹.

Информация о начале коренного перелома в ходе военных действий позитивно отразилась на трудовой мотивации. Многие трудящиеся видели в этом собственный вклад, ощутили реальные результаты интенсивного труда, получили возможность убедиться в верности позитивного прогноза исхода войны. В.А. Лапшин так передал это состояние в своем дневнике: «21 декабря 1942 г. Ежедневно утром сообщают «в последний час». Крепко колотят в районе Среднего Дона... Все только и говорят о наших победах. Это воодушевляет народ на трудовые подвиги... Громаднейший подъем везде и всюду»². 3 января 1943 г.: «Каждый день радио приносит хорошие вести. Каждый день сообщается о взятии городов и нас. пунктов... В столовой и при встречах разговоры только об этом. *Все рады, у всех подъем*»³. 10 января: «*Хочется работать больше* (курсив мой. — В.С.), чтобы приносить еще больше пользы нашей дорогой Родине в тяжелые дни отечественной войны»⁴. 9 сентября 1943 г.: «Сообщения каждый день передают одно другого лучше. Растет уверенность, что в этом году войну закончим. Каких событий свидетелями мы являемся. Грандиознейшие события. И отраднo бывает чувствовать, что и ты в этих событиях являешься малюсеньким винтиком. Помогашь им, чем можешь, и на заводе работать и по общественной работе — читая лекции, мобилизуя народ на выполнение задач по разгрому фашистов»⁵.

Большой трудовой подъем среди рабочих оборонных предприятий г. Саранска вызвало известие о переходе Красной Армии в наступление на Курской дуге. В многочисленных митингах, состоявшихся по этому поводу, трудящиеся высказывались за увеличение производительности труда с целью увеличения помощи фронту⁶.

В письмах жительницы г. Горького А.Г. Юмшановой на фронт мужу - Г.П. Сенникову неоднократно упоминается связь между победами на фронте и желанием работать с еще большей отдачей. «Гашек мой, а как радостно и хорошо на душе делается, когда ежедневно узнаешь о тысячах колоссальных успехов, как взятие Новгорода...

¹ Забвению не подлежит. С. 798.

² Общество и власть. С. 813.

³ Там же. С. 815.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 838.

⁶ Мордовия в период Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 206.

Белой Церкви»¹ — пишет она в январе 1944 г. И еще: «Детка моя, а какие успехи-то у нас на фронте, какие грандиозные победы на Ленинградском фронте! Ведь взяты уже Красное Село, Петергоф!!! И сегодня — Новгород! Как это колоссально! Я вчера так что-то развеселилась от большой радости этих побед, что уснула даже немного до двух часов ночи. А может быть, и войне скоро конец, деточка?»². 20 февраля 1944 г.: «Вот успехи на фронте грандиозные, и это радует всех, и приближение весны чувствуешь с какой-то такой радостью, и предвесеннее солнце кажется каким-то веселым и ласковым»³.

После коренного перелома в войне информация о военных действиях не только не скрывалась, но напротив, стала самой распространенной на страницах газет и в передачах по радио⁴. В этот момент она играла роль мощного стимула увеличения трудоотдачи для скорейшего окончания войны. Например, 17 января 1945 г. на собрании колхоза «Вперед» с. Дивеево Горьковской области выступавшие представители местной власти обращались именно с такими призывами: «Наступает 1945 год - год окончательной победы, а потому вам, колхозникам, надо напрячь все силы, помочь Красной Армии, хорошо подготовиться к весеннему севу, посеять в срок, получить высокий урожай, тем самым ускорить победу над врагом»⁵.

Несомненно, самый большой эмоциональный эффект имела информация об окончании войны. Реакция на эту информацию сплеталась из большой гаммы чувств, имевших как индивидуальную, так и общественную направленность. Победа для «бойцов трудового фронта» была *главным результатом* их интенсивного самоотверженного труда. Удовлетворение от успеха сплеталось с огромной физической и моральной усталостью. Но главной эмоцией, конечно, была *радость*. Историк Н.М. Добротвор сделал запись в дневнике: «9 мая. Среда. Только что передали в 2 часа 10 минут ночи по московскому времени акт о безоговорочной капитуляции Германии Ночью же на улице началось движение. Стали стрелять, пускать ракеты. По улицам городов и по полям нашей страны ШАГАЕТ САМА ИСТОРИЯ. Необычно-

¹ ЦАНО, ф. 6217, оп. 7, д. 38, л. 3 об.

² Там же. Л. 50 об.

³ Там же. Л. 15.

⁴ ГАРФ, ф. 6903, оп. 12 д. 71.

⁵ ГАНО №2, (г. Арзамас), ф. 808, оп. 1, д. 42, л. 2 об.

венное стало обыкновенным. *Я в жизни не видел такой радости, какая теперь у нас* (курсив мой. — В.С.). Так ночь не сплю и я»¹.

Таким образом, ощущение опасности, эмоции, вызываемые ожиданием или непосредственным наблюдением фактора внешней угрозы, можно рассматривать как одни из проявлений внеэкономических факторов трудового поведения.

Действие эмоции-шока имело разную продолжительность и разный эффект (паника, состояние аффекта, рассеяние, собранность, концентрация, желание защищать родину и др.). Краткосрочное действие эмоции-шока имело, в целом, де-мотивирующий характер. Но во взаимодействии с прогностическим компонентом сознательной деятельности индивида эмоция-шок трансформировалась у большинства населения в конструктивный фактор мотивации труда. Это выразилось в самообилизации, в принятии на себя повышенных обязательств и др. Эта трансформация произошла под воздействием ряда других факторов, в том числе под влиянием идеологии (поколенческий подход), традиции, пропаганды (т.е. морально-психологических факторов).

Фактор внешней угрозы, проявляясь в ощущении опасности, был сильным мотивирующим началом. Как только угроза из потенциальной (до 1941 г.) стала реальной, данный фактор претерпел некоторые изменения. Поскольку опасность стала реальной, фактором трудовой мотивации стала *информация* о положении на фронте. Количество, качество и характер информации о положении на фронте воздействовали на сознание человека, вызывая следующий эффект: отсутствие информации вызывало тревогу, становилось де-мотивирующим фактором. Сообщения об оставлении советскими войсками территорий, о поражениях Красной Армии вызывали ощущение усиления опасности, также были мощным де-мотивирующим фактором («опускались руки») Информация о победах вызывала трудовой подъем, поскольку, во-первых, снижала ощущение опасности, во-вторых, усиливала надежду на скорейшее окончание войны, возвращение к мирной жизни, в-третьих, продуцировала ощущение причастности к общему успеху («Мой труд вливается в труд моей страны»).

§2. Коллективная ответственность и чувство долга

Решая сложную задачу реконструкции духовного облика советского человека периода Великой Отечественной войны, необходимо иметь в виду, что ее успех во многом зависит от выяснения факторов, формировавших личность исследуемого объекта. Трудно также рассчитывать на возможность восстановления психологического портрета в полной мере в рамках одного исследования. Это связано, прежде всего, с многообразием видов деятельности, более сложной мотивацией поведения человека в тылу, нежели на фронте, с влиянием географического фактора (степень удаленности от фронта) и т.д. В этой связи нам кажется целесообразным применение локального подхода к изучению проблемы, что позволит выяснить значительно большее количество интересующих нас параметров психики объекта, нежели это возможно сделать в глобальном масштабе. В ином случае исследование будет, на наш взгляд, несколько эклектичным, а психологический портрет исследуемого объекта получится довольно «размытым».

Для реконструкции духовного облика советского человека периода Великой Отечественной войны необходимо определить несколько, на наш взгляд, важнейших параметров, которые во многом детерминировали поведение основной массы гражданского населения. Как отмечал психолог Ю. Козелецкий, в ситуации принятия решений, определяющих поведение человека, «существуют такие факторы (семья, школа, предприятие), которые оказывают давление на то, чтобы человек выбрал определенную альтернативу... Отсюда следует, что можно изменять человеческие предпочтения и выборы, манипулируя такими ситуационными факторами как множество доступных альтернатив»¹.

Поколение 30-х гг. в значительной степени отличалось энтузиазмом и социальной активностью. Во многом это было обусловлено участием (вольным или не вольным) в грандиозном строительстве, развернувшемся в этот период. На поколение военного времени оказал влияние процесс урбанизации, вызванный необходимостью раз-

¹ Козелецкий Ю. Психологическая теория принятия решений / Пер с польского. М., 1979. С 321.

вития промышленного производства. Этот процесс отразился на духовном облике трудящегося, который некоторое время сочетал в себе ценности и восприятие, свойственное и сельским и городским жителям. Исследователь А.А. Васильева замечает по этому поводу: «В процессе урбанизации было три поколения с разным менталитетом. Первое поколение остается сельским, второе — переходным, и только третье обладает городским менталитетом, без сельского элемента»¹.

Между характером, направленностью труда и духовным обликом трудящегося существует диалектическая взаимосвязь, выражающаяся в приобретении последним определенных морально-психологических качеств. Еще А.А. Богданов в своей работе «Всеобщая организационная наука, или тектология» отмечал, что коллективный труд, совместность работы «действует на нервную систему работника оживляющим ободряющим образом и тем повышает производительность труда»².

На взаимосвязь формирования мировоззренческой концепции человека и коллективной трудовой деятельности в советском обществе обратила внимание американская исследовательница Ш. Фицпатрик³. К этому можно добавить указание на такую мотивирующую составляющую коллективного труда как *потребность в признании* (по А. Маслоу), которая активизировала в сознании человека чувство сопричастности к общему делу.

От того, насколько искренне и с какой самоотдачей человек трудился, во многом зависело отношение к нему со стороны общества. Еще в 1931 г. на I-м съезде Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии выступающие отмечали: «Трудовая направленность рабочего становится основным стержнем поведения, повышается производственное «честолюбие», *оценка рабочего становится оценкой личности* (курсив мой. - В. С.)»⁴.

¹ *Васильева А.Л.* Психологические аспекты урбанизации 1920-1950-х гг. XX в.// Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления: Материалы XX Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 18—19 декабря 2006 г. В 3 ч. СПб., 2006. Ч. 1. С. 152.

² *Богданов А.Л.* Системная организация материи// На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. М., 1990. С. 424.

³ «Труд в советских условиях считался преобразующей силой, поскольку был коллективным и вдохновлялся сознанием общей цели»// *Фицпатрик Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Пер. с англ. М., 2001. С. 94.

⁴ *Коган В.М.* Изучение ударничества с психологической точки зрения

Указанные замечания позволяют говорить о чувстве ответственности и долга, как о факторе трудовой мотивации¹.

Для советского человека, рожденного в период «культурной революции» 20-х гг. очевидной была связь между трудовой и воинской обязанностью. Основной Закон СССР, действовавший в годы войны, — Конституция СССР 1936 г., — определяла защиту Отечества как священнейший долг каждого гражданина. А, соответственно, измену Родине — нарушение присяги, переход на сторону врага, нанесение ущерба военной мощи государства, шпионаж — как «самое тяжкое злодеяние» (Ст. 133). Характерно, что присяга, как морально-правовая форма ответственности, сопровождала советского человека с детства и до зрелого возраста. Правила для учащихся, пионерская клятва, воинская присяга — это морально-правовые обязательства, в рамках которых во многом формировалась коллективная ответственность и чувство долга советского человека. С детского возраста в сознание человека закладывались идеалы, образы, которые, как писал С.Л. Рубинштейн, становясь *образами*², в значительной степени определяли его отношение к окружающей действительности, в том числе — к труду.

Важными для реконструкции духовных качеств советского человека являются также положения, обоснованные С.Л. Рубинштейном, относительно установок и направленности личности³.

(Доклад на I-м съезде Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии Май 1931 г.) // История советской психологии труда: [Тексты] (20-30-е гг. XX в.) М., 1983. С. 317.

¹ На «взаимное чувство морального долга, обязанности и благодарности», имевшее место в отношениях воинов и тружеников тыла, как на «один из многих мотивов напряженного труда и борьбы» указывал Н.Д. Козлов // *Козлов Н.Д. С волей к победе* С. 90.

² «Идеал может выступать в качестве совокупности норм поведения; иногда это образ, воплощающий наиболее ценные и в этом смысле привлекательные человеческие черты, — образ, который служит образцом. Идеал человека — это, таким образом, и то, и не то, что он есть. Это предвосхищенное воплощение того, чем он может стать. Это лучшие тенденции, которые, воплотившись в образе-образце, становятся стимулом и регулятором его развития» // *Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии*. СПб., 1999. С. 531.

³ «Установка личности — это занятая ею позиция, которая заключается в определенном отношении к стоящим целям и выражается в избирательной мобилизованности и готовности к деятельности, направленной на их осуществление... Всякая установка — это установка на какую-то линию поведения, и этой линией она и определяется... Складываясь в ходе развития личности и постоянно перестраиваясь в процессе ее деятельности, установка как позиция личности, из которой исходят ее действия, включает в себя целый спектр

Действительно, воздействие государства на формирование духовных качеств личности начиналось со школьной скамьи¹ 3 сентября 1935 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б) принимают Постановление «Об организации учебной работы и внутреннем распорядке в начальной, неполной средней и средней школе»². В нем было отмечена необходимость разработки правил для учащихся средних школ. В документе отмечалось: «В основу правил поведения учащихся положить строгое и *сознательное* соблюдение дисциплины, вежливое отношение к преподавателям, товарищам и старшим, привитие культурных навыков, *бережливое отношение к школьному и общественному имуществу*, а также меры решительной борьбы с проявлением хулиганства и *антиобщественным* поступкам среди детей»³.

Народным комиссарам просвещения республик вменялось в обязанность ввести во всех школах «единый тип ученического билета (на родном языке) с включением в него основных правил поведения учащихся»⁴. Обращает на себя внимание установка на приоритет общественных ценностей и соблюдение поведенческой дисциплины.

«Правила для учащихся» появились уже в годы войны. Утвержденные СНК РСФСР 2 августа 1943 г., эти Правила не только показывают направление развития советской педагогической мысли, но и отражают концепцию социального, в том числе - трудового, поведения советского человека.

Следование этим правилам должно было, по замыслу их создателей, сформировать личность, направленную на приоритет общественных интересов. Учеба рассматривалась не столько как личная необходимость, сколько как общегосударственный интерес. Школьник, согласно правилам, должен был «упорно и настойчиво овладевать знаниями для того, чтобы стать образованным и культурным гражданином и *принести как можно больше пользы Советской Родине*

компонентов, начиная с элементарных потребностей и влечений и кончая мировоззренческими взглядами или позициями личности» // *Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии*. СПб., 1999. С 520.

¹ Как отмечает В.Т. Нанивская, согласно положению о единой трудовой школе, «основой школьной жизни был объявлен производительный труд и как средство «коммунистического воспитания» и как способ оплаты и издержек на содержание детей» / *Нанивская В.Т. Анатомия репрессивного воспитания (как создавалась отечественная школа)*// *Вопросы философии*. 1990 №5. С. 47-60.

² *Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР*. 19 сентября 1935 г. №47. Ст. 391. С. 701.

³ Там же. С. 704.

⁴ Там же.

(курсив при цитировании документа мой. - В.С.)¹. Особое внимание Правила уделяли соблюдению дисциплины, которая должна была рассматриваться как необходимое условие достижения успеха в учебе. Аккуратное посещение уроков, *беспрекословное подчинение* распоряжениям директора и учителей, почтительность и уважение к учителям, запрет употребления грубых выражений, курения и «игры на деньги»² дополнялись обязанностью «во время урока сидеть прямо, не облакачиваясь и не разворачиваясь, не разговаривать и не заниматься посторонними делами»³.

Даже если учесть, что эти правила соблюдались без стопроцентной строгости, они, безусловно, оказывали влияние на личность школьника, приучали его к дисциплине и ориентировали на деятельность как на, прежде всего, *общественно-полезную деятельность*. «Игра на деньги» естественно не входила в число таковой и поэтому была запрещена.

Но главное на что должен был ориентироваться школьник все время обучения — это моральная ответственность за честь коллектива. Согласно п. 10 Правил, учащийся должен был «дорожить честью своей школы и своего класса как своей собственной»⁴. Такая направленность морального потенциала оказывала прямое воздействие на мотивацию трудового поведения в сложные годы войны. Практически в любом (конструктивном по отношению к защите и обороне государства) поведенческом акте прослеживается определенное влияние этой психологической установки. С другой стороны, она, безусловно, была принята не всеми, и это также сказалось на отношении к сверхинтенсивному труду. Но, как правило, в деструктивной форме.

Правила для учащихся были формально обязательными для всех и были основой подготовительного процесса к восприятию последующих социалистических установок. В более зрелом возрасте значительное количество детей вступали в пионерскую организацию им. В.И. Ленина⁵. Эта организация по своей структуре и направленности

¹ ГАРФ, ф. 9550, оп. 6, д. 340, л. 1.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ С 1923/24 учебного года пионерские организации стали появляться в школах в виде, так называемых, «форпостов». К 1925 г. по стране насчитывалось более 10 тыс. таких форпостов. В 1929 г. численность пионеров по стране возросла до 1,8 млн человек, а к 1932 г. до 6 млн. При этом влияние пио-

была почти военизированной. Ее изучение может стать ключом к пониманию поведенческих приоритетов молодого поколения трудящихся в период Великой Отечественной войны

Цель пионерской организации определялась в Положении как «коммунистическое воспитание детей, *подготовка из них будущих борцов* (курсив мой. - В.С.) и строителей коммунистического общества»¹. При этом важно отметить, что воспитание должно было проводиться не только теоретически, но и на практике: «Воспитать борцов и строителей коммунизма вне борьбы и строительства - нельзя. Поэтому в основу работы организации юных пионеров кладется непосредственное участие детей в революционно-строительной работе партии, комсомола и советской власти»². Практическое участие детей в социально-политических мероприятиях власти оказывало на сознание молодого поколения конструктивное воздействие.

В пионерские организации принимались *все* дети от 10 до 15 лет, *выразившие готовность* исполнять законы, активно участвовать в работе отряда, и подчиняться всем постановлениям организации»³. При этом приоритет отдавался детям рабочих и крестьян - бедняков и батраков⁴. Во всех городских школах, где были пионеры, надлежало иметь школьный *форпост* для «организованного проведения пионерского влияния на учащихся и школу»⁵. Учитывая активность организаторов, государственную поддержку и специфику детской психики, можно с высокой степенью уверенности говорить о значительном распространении этих идей среди советских школьников середины 20—30-х гг. Желание подражать взрослым, быть частью организации, участвовать в проводимых ею мероприятиях, играх и т.п.⁶ формировало у детей потребность в признании со стороны

неров на жизнь школы и, соответственно, на воспитание, постоянно усиливалась // Страницы истории юных ленинцев. М., 1976. С. 49.

¹ Вожатому села: Хрестоматия для курсов вожатых деревенских пионеротрядов. М.; Л., 1930. С. 77.

² Там же.

³ Там же. С. 78.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 79.

⁶ В качестве ролевых игр и «мероприятий» пионерам постоянно предлагались разнообразные задания с трудовой тематикой — «Участвовать в культурном ведении сельского хозяйства», «Создавать мастерские», «Бороться за горячие завтраки в школе», «Подготовим отрядный клуб к зиме», «Поможем благоустроить наши улицы» и т.д. Все они, выполняемые коллективно и на общее благо, формировали соответствующие приоритеты в поведении и образе мышления // Страницы истории юных ленинцев. М., 1976. С. 51.

сверстников. Параллельно с этим в духовную структуру личности органически «встраивались» чувство ответственности и долга перед обществом.

Обращает на себя внимание торжественная форма и обстоятельства пионерской клятвы, которая принимала характер ритуала посвящения. Прием в пионеры приурочивался, обычно, к главнейшим советским праздникам (1 мая, 7 ноября). Торжественная клятва, произнесенная в присутствии сверстников, взрослых, родителей, общественности, представителей партии и комсомола¹, производила неизгладимый эффект в сознании юного пионера. Активизировала *чувство ответственности и долга* как составляющую трудовой мотивации, удовлетворяющую потребность в признании (по А. Маслоу).

Текст обещания был своеобразной формулой, атрибутом новой социальной общности со своими понятиями о чести и достоинстве: «Я, юный пионер СССР, *перед лицом своих товарищей* (курсив мой. - В.С.) торжественно обещаю что...»². Далее перечислялись «законы пионеров», среди которых можно выделить те, которые содержат *образец* трудового поведения советского человека. Седьмой закон: «Пионер — за дисциплину в учебе и труде, за бережливость к общественному имуществу»³. Кроме того, обращает на себя внимание жесткая социально-политическая направленность «законов пионеров»: пионер - «верен делу рабочего класса, враг кулаков и буржуев, младший брат и помощник коммунисту и комсомольцу»⁴.

Практика воспитания подрастающего поколения в духе ответственности за будущее своей страны включала в себя подготовку к взрослой активной трудовой деятельности. «Пионер не играет, а готовится к большому делу. Пионер не будет вечно пионером, а, набравшись сил и знаний, встанет рядом со старшими товарищами в ряды борцов за коммунизм», — говорилось в методическом пособии для пионервожатых⁵.

Труд был одним из главнейших методов воспитания: «Пионер должен изучить какое-либо ремесло, для чего работает в мастерских. Пионер всегда помнит, что знания ему нужны не для себя, а для общего дела. Общие интересы - дело рабочего класса - выше лич-

¹ Вожатому села. Хрестоматия для курсов вожатых деревенских пионеротрядов. М.; Л., 1930. С. 78.

² Там же. С. 80.

³ Там же. С. 79.

⁴ Там же.

⁵ *Сорокин В.* Законы и обычаи пионеров. Л., 1925. С. 9.

ных интересов пионера»¹. Отношение к труду формировалось как к естественному и очень *ответственному* делу: «Пионер не возьмется за дело, если он не может его почему-либо выполнить, но, взявшись за дело, доводит его до конца»². Причем именно в коллективе любое дело будет приносить не только пользу, но и удовлетворение: «Пионер не боится работы и знает также, что, работая сообща, дело сделаешь быстрее и лучше.. Нужно уметь работать коллективом»³.

Характерным примером процесса воспитания пионеров в духе коллективной ответственности может служить следующий диалог, приведенный в пособии для вожатых: «- Зачем ты ломаешь калитку? — спросили одного паренька.

- Да так. Она не моя.

Пионеру не понятен такой ответ. *У него нет слова "моё", а есть - наше. Он знает, как трудно сделать каждую вещь и поэтому уважает чужой труд* (курсив мой. - В.С.)»⁴. Именно на уважении к своему и чужому труду было основано отношение к результатам этого труда как к чему-то общественно-значимому: «Пионер всюду - на улице, в саду, на площадке — следит и охраняет общественное имущество»⁵.

Сама форма функционирования пионерской организации подчеркивала коллективизм и чувство долга как основные качества пионера. Об этом можно судить, например, по материалам пионерского журнала «Барабан», который в качестве методического пособия по организации жизни пионерского звена, форпоста и отряда четко определял приоритеты пионерской работы. В журнале содержалась разнообразная информация, адресованная как «вожакам» движения, так и непосредственно пионерам. Методические статьи, статьи по обмену опытом, рассказы, повести, стихи, фотографии, схемы для конструирования, исторические портреты героев революции — все они были направлены на подчеркивание роли коллектива в строительстве нового общества.

Обложка одного из номеров содержала характерный фотомонтаж: стилизованная шестерня, на зубцах, которой были размещены фотографии пионеров разных национальностей. Лозунг внизу гласил:

¹ Сорокин В. Законы и обычаи пионеров. Л., 1925. С. 24

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Там же. С. 28.

«Много нас, но мы - ОДНО!»¹. В качества эпиграфа к одной из статей этого номера были помещены такие стихи:

Десять нас, а сердце - как одно,
И звено — наш спаянный
Десяток,
Дружное и крепкое звено
Из веселых, боевых ребяток².

Коллективизм и чувство долга — вот те качества, которые, по мнению авторов и учредителей журнала, должны в обязательном порядке присутствовать у каждого пионера. Они в первую очередь должны были проявляться в отношении государственного имущества, народного богатства и т.п. Например, в материале Б. Фрейман под названием «Пионерам о режиме экономии» были затронуты вопросы трудовой дисциплины. «Режим экономии, - говорилось в статье, - это такое отношение к делу, когда на всем, на чем необходимо и можно экономят, ко всему бережно относятся и от всего ненужного и дорогого стараются освободиться...

Кроме всех этих мер, надо экономить еще и на «прогулах». Прогул — это значит невыход на работу, а когда стоит машина без дела, то это приносит государству убыток и уменьшает производительность труда. Таким образом, борьба с прогулами также является одной из задач режима экономии»³.

Надо сказать, что анализ материалов журнала позволяет говорить о высокой степени заинтересованности организаторов пионерского движения в его успешном функционировании. Формализм и бюрократия в пионерской организации регулярно подвергались критике на страницах журнала, что говорит не только об их присутствии, но и о желании эффективно с ними бороться.

В целом материалы журнала, включавшие не только теоретические публикации, но и практические советы по овладению профессиями, азами медицины и анатомии человека, ведению сельского хозяйства, авиамоделированию, не только прививали интерес к труду, но и формировали отношение к трудовой деятельности - прежде всего как к деятельности *общественно полезной*.

На воспитание чувства ответственности, дисциплины, готовности к самопожертвованию была направлена военно-организационная

¹ Барабан. Двухнедельный журнал юных пионеров. Орган МК ВКП(б), МК ВЛКСМ и МГСПС, №18(65). Сентябрь 1926.

² Там же. С. 7.

³ Барабан. 1926. №16(61), июль. С. 14-15.

работа среди пионеров. Военизация пионерской организации в 30-е годы была значительной. При проведении военно-спортивных игр среди пионеров использовались, по сути, формы подготовки армейских и партизанских соединений. Пионеры обучались топографии, азам маскировки, наблюдения. В методическом пособии по организации военно-спортивной работы содержались советы: «Как интересно, просто и с пользой обучить пионеров качествам разведчика»¹. Задачи военного обучения пионеров заключались в том, чтобы «воспитать ребят в духе сознательной дисциплины, взаимопомощи (курсив мой. - В.С), любви и преданности Красной Армии и готовности стать одним из ее славных борцов»².

В таком контексте более понятными и не вызывающими улыбку у современного человека, представляются следующие стихи, посвященные бдительности:

Через рощу комсомолка
Шла на свой служебный пост,
А шпион сидел под елкой,
Рисовал бетонный мост.
Комсомолка попросила:
- Нарисуйте мой портрет,
Вы художник? Очень мило!
Приглашаю на обед! —
Он пошел за нею франтом:
- Девка дура, буду сыт.
Через час у коменданта
Думал иначе бандит³.

Логическим продолжением общественной деятельности, связанной с торжественной клятвой, в более зрелом возрасте была воинская присяга. К службе в Красной Армии или к самоотверженному труду на благо Родины пионеры 20-30-х гг. были готовы. Их моральный облик в значительной степени включал те качества, которые были сформированы советской системой школьного и пионерского воспитания. События Великой Отечественной войны показали, что именно такие качества как чувство долга и коллективной ответственности за судьбу страны стали одним из факторов конструктивной поведенческой мотивации.

Думается, что для человека, воспитанного в рамках советской

¹ Ганишин Н. Опыт военизации в пионеротряде. М., 1929. С 71-78.

² Там же. С. 6.

³ Горьковская Коммуна. 1941, 24 октября. С. 1.

системы образования и воспринявшего коллективистские ценностные установки, далеко не праздными звучали стихи Лебедева-Кумача, опубликованные в газете «Красный Сормович» 9 июля 1941 г.:

Клятва труженика

Я клятву дал - пока дышать могу,
Да будут собраны все помыслы, все силы,
Чтобы сильней ударить по врагу,
Чтобы верней служить моей отчизне милой!
Заботы мелкие пускай уходят прочь,
Пусть сердце полнится одной большой заботой:
Скорей и лучше родине помочь
Ударной, боевой, невиданной работой¹.

Признание фактора торжественного обещания, клятвы, данной «перед лицом товарищей» (т.е. *публично*) в качестве мотивирующей составляющей трудовой деятельности позволяет понять смысл таких форм повышения производительности труда как, например *социалистическое соревнование*. Его смысл, скорее, не столько в «спортивном азарте», как средстве достижения максимального результата, сколько в *публичности* заявленных претензий на лидерство. О том, что ты запланировал выполнить в определенный срок некоторый объем работы, благодаря соревнованию, знали все заинтересованные лица. Невыполнение ранее озвученного плана, как и нарушение данных обязательств, были для человека с советской моралью неприемлемыми, поскольку могли повлечь за собой общественное порицание. Потребность в общественном признании в данном случае определяла трудовое поведение соревнующихся в соответствии с принципом: «Дал слово — держи!». Именно поэтому, на наш взгляд, в годы войны часто практиковались публичные (коллективные и индивидуальные) заявления о взятых трудовых обязательствах.

В качестве примера (а таких примеров десятки тысяч) приведем выдержку из резолюции членов артели «Красный пресс» г. Киров от 3 июля 1941 г. В ней говорилось: «Мы берем на себя обязательство ежедневно выполнять производственную программу, твердо помня, что каждый выпущенный предмет сверх плана - это удар по бандиту Гитлеру»². Невыполнение ранее объявленных публично обязательств больно ударило по самолюбию советских трудящихся. Инженер ГАЗа В.А. Лапшин приводит в дневнике характерный для того времени

¹ Красный Сормович. 1941, 9 июля. С. 3.

² ГАСПИКО, ф. 1290, оп. 7, д. 44, л. 70.

пример «установки» руководства предприятия на победу в социалистическом соревновании: «Позор будет всему коллективу, если эти красные знамена заберут у них другие заводы»¹.

Аналогичный характер имели в годы войны движения передовиков производства, многостаночников, «двухсотников», «тысячников» и т.д. Об этих выдающихся примерах интенсивного труда написано достаточное количество научной и научно-популярной литературы². Мы же ограничимся тем, что подчеркнем: все подобные «движения» и соревнования во многом были обусловлены ответственностью такого морально-психологического фактора как чувство долга и коллективной ответственности за порученное дело.

Восприятие значительной частью населения коллективистских моральных ценностей подтверждается также анализом такого уникального источника как письма граждан в органы власти с просьбами подтвердить свой трудовой стаж. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 г. труженики тыла награждались медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». Многие из награжденных первоначально отнесли к этому без должного внимания: кто-то терял документы, или, вообще не являлся за медалью. В 1975 г. новый указ в связи с 30-летием победы над фашистской Германией предоставлял героям тыла льготы. После этого в архивы стали поступать письма от граждан с просьбами подтвердить их трудовой стаж и награждение медалью. В этих письмах содержится немало оценок и характеристик, относящихся к характеру труда в годы войны.

Интересно, что многие из тружеников в тот исторический момент не осознавали характера и интенсивности своего труда, не видели альтернативы другому поведению, относились к нему как к единственно возможному. Только по прошествии десятилетий многие из них стали относиться к своему труду как к героическому.

Жительница Кировской области Анисья Васильевна Лимонова вспоминала в письме: «В колхозе работать начала рано, *пришлось* научиться все делать..., выполняла всю работу за взрослого. Как

¹ Общество и власть С. 846.

² См. например: *Парамонов В.Н.* Указ. соч.; *Серебрянская Г.В.* Промышленность и кадры Волго-Вятского региона Российской Федерации в конце 30-х—первой половине 40-х годов XX. Н.Новгород, 2003; *Тимофеев В.В.* Республика Волго-Вятского региона в годы военных испытаний (1941—1945). М., 2004 и др.

только мне исполнилось 16 лет, пришла повестка ехать в лес на заготовки... *Тяжело вспомнить и трудно представить* (курсив мой В.С.), как я, совсем девчонка, пилила вручную пилой, и таскала огромные бревна... Никаких условий труда тогда не было, голодные, босые»¹.

Характерно, что авторы подобных писем, чаще всего, не пытаются объяснить мотивы такого тяжелого труда. Для них основной мотив — необходимость. Таисия Ивановна Семенова так описывала свой труд: «И вот в годы войны с 11 лет вместе с матерью пошла на работу, выполняла всю взрослую работу... Трудились, *не щадя самих себя, не разбирая взрослый или ребенок* (курсив мой. - В.С.)»².

Тем не менее, в некоторых письмах присутствует попытка объяснения причин, определявших мотивы интенсивного труда. Среди них - необходимость выживать, подчинение приказам, желание победы. Так, Лидия Георгиевна Чекушина 1925 г.р. писала: «Ведь нас не спрашивали тогда: можешь ли ты, или будешь ли ты работать, а *мы знали, что война и надо было работать* (курсив мой. — В.С.)». Чувствуется в письме и обида на власть, забывшую их подвиг: «А как коснулось восстановить стаж, это никого не касается, а мы работали в лаптях, голодные и отказу не было, что я не пойду, а сейчас куда не обратись - везде отказ»³.

Цель защиты Родины для многих была неотделима от семейных ценностей. Валентина Петровна Глушкова в письме, адресованном Б.Н. Ельцину, 31 июля 1990 г. писала: «Работать надо было еще так. Я и работала. *Первое — надо семью кормить* (курсив мой. — В.С.), надо родине помогать, чтобы завоевать победу»⁴.

Отношение к строгости законов военного времени было, в основном, адекватным ситуации. Как писала Нина Ивановна Сысоляпина: «Дисциплина была строгая, но никто на это не обижался»⁵. «*Жить надо было* (курсив мой. — В.С.), поэтому и работали с утра и до ночи», - так сформулировала основной мотив труда Зоя Михайловна Ожогина⁶.

Пожалуй, самое емкое определение причин необходимой высокой трудоотдачи содержится в письме жительницы г. Мурманска Галины Андреевны АLEXИНОЙ. В период войны она трудилась в Ки-

¹ ГАСПИКО, ф. 1290, оп. 7, д. 44, л. 12.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 23 об.

⁴ Там же. Л. 45.

⁵ Там же. Л. 36.

⁶ Там же. Л. 47 об.

ровской области: «Хотя мы и были дети, но спрос был как со взрослых, *потому что была война* (курсив мой. - В.С.), и оставались в деревнях старики и мы — дети»¹.

Коллективная ответственность за судьбу страны, выраженная в форме торжественного обещания, была для военного поколения существенным фактором трудовой мотивации. Например, в письме М.Н. Градобоевой есть такие строки: «Я начала работать в начале 1943 г., а 2-го августа была проведена приказом. В этот день я стояла под знаменем дорогого вождя В.И. Ленина и *давала свое честное советское слово работать честно, добросовестно* и выполнять любые задания, что от меня потребует наша партия и правительство, *и слово свое я с честью сдержала* (курсив мой. — В. С.)»².

Анализ подобных писем показывает, что, воспитанные в социалистическом духе, молодые труженики тыла в основном руководствовались в своем труде общегосударственными приоритетами. Главная потребность, определявшая мотивы труда, - победа в войне, дававшая возможность вернуться к нормальной, безопасной, мирной жизни. Защита Родины и семьи, моральные принципы, подчинение и субординация - своеобразная ценностная система, сформированная общественной практикой функционирования советского общества еще в довоенный период. Война, как чрезвычайное обстоятельство, активизировала эти поведенческие нравственные императивы.

Интересно, что материальное вознаграждение за труд как мотив труда стало актуальным для тружеников только «постфактум». Лишь по истечении десятков лет, многие герои тыла осознали всю значимость своего труда и стали более настойчиво требовать заслуженной материальной компенсации душевных и физических затрат. Как писал И.А. Горшков: «А мы в войну о наградах и не помышляли, а вот сейчас на склоне лет особенно обидно становится, что, отдав свое молодое здоровье, силы, энергию, остаешься за бортом»³.

Даже учитывая специфический характер письма-просьбы, который мог отразиться на воспоминаниях авторов, — усилить их желание (особенно в 1975 г.) связать мотивацию труда с коммунистическими идеалами, информация, содержащаяся в них, представляется нам вполне репрезентативной.

Такое утверждение основывается, кроме прочего, на анализе источников личного происхождения, созданных непосредственно в

¹ ГАСПИКО, ф. 1290, оп. 7, д. 44, л. 57.

² ГАКО, ф. 3842, оп. 2, д. 1, л. 3.

³ Там же. Д. 8, л. 11.

период войны. Как вспоминала жительница Лысковского района Горьковской области В.В. Никитина (1927 г.р.): «Мужчины почти все ушли на фронт. А выращивать и убирать хлеб *надо было*. Работали все - и стар, и млад. Дома никто не сидел. Большие надежды возлагались на нас — школьников 8-9-х классов... Опускались руки от усталости, хотелось спать и есть, и не видеть бы снопов. Жали с нетерпением, когда сломается молотилка, чтоб хоть часок вздремнуть прямо на копне. Починят молотилку, затарахтит она, окаянная, а всех как ветром сдуло. Бегают Мишка Злой (бригадир), кричит, матерится, никто не слушает его. Сон все переборол. Но вдруг в ночи раздастся чей-то голос:

- Ребята, вставайте, пора! За Родину, за Сталина - давай! И пошла работа...»¹.

Ветеран труда З.С. Мякишева из г. Кирова: «...хочу вспомнить не только о своей жизни и работе, а о том, каково было единодушие всего коллектива в быстрейшем разгроме врага. *Рабочие сердцем осознали свою ответственность и причастность* (курсив мой. - В.С.) к разгрому врага, знали, что от них зависит обеспечение зимней одеждой фронтовиков»².

Удовлетворение от успешно выполненной работы можно считать «индикатором» наличия чувства ответственности за результат труда. В.А. Лапшин, инженер ГАЗа, писал в дневнике по этому поводу: «22 ноября 1941 г. Всю неделю работали по ремонту компрессора и мотора... День и ночь был на заводе. Ночью прикорнешь где-нибудь на стуле, вздремнешь с полчаса - часик, и опять на ногах. Вчера всю работу закончили, сделали пробное включение мотора, пошел хорошо, затем соединили муфту, пустили с компрессором - тоже пошел хорошо. *С большим чувством удовлетворения отправились домой. Колоссальную работу проделали в течение одной недели. По мирному времени этой работы хватило бы недели на три* (курсив мой. — В.С.)»³.

29 декабря 1941 г.: «Утром в столовой быстро распространился слух о том, что наш завод награжден правительством орденом Ленина... Это сообщение вызывает чувство гордости за завод и его кол-

¹ Забвению не подлежит. С 481-482.

² *Мякишева З.С.* Из воспоминаний военных лет// Вклад кировчан в достижение Великой Победы: Материалы областной научно-практической конф., посвященной 60-летию Победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов, 14 апреля 2005 г. Киров, 2005. С. 24.

³ Там же. С. 769.

лектив... Я лично счастлив и горд сознанием того, что и моя заслуга очень небольшая, но все-таки есть в том, что завод стал орденоносным»¹. 2 января 1942 г.: «Настроение боевое. В особенности после того, как коллектив нашего завода стал орденоносным. *При малейшей задержке в выполнении оборонных заказов принимаем немедленные меры* (курсив мой. — В.С.)»². С другой стороны, автора дневника испытывает ощущение несправедливости в случае необоснованного, по его мнению, обвинения в нарушении технологии производства. Был нарушен принцип коллективной ответственности, что так возмутило В.А. Лапшина: «В частности записано, что чуть ли не главным виновником являюсь я. Вот это мило! Главный энергетик, на основании которого мы работаем, остался в стороне, а тут отвечаю за все, что творилось. *Как получать награды и премии — так мы тут, а как дело до ответственности — надо выставить других* (курсив мой. — В.С.). Если дело дойдет до серьезного, так конечно я этого не оставлю»³. Здесь необходимо заметить, что чувство коллективной ответственности потенциально могло найти выражение и в юридической форме. Поэтому более понятным становится стремление некоторых трудящихся, по возможности, избежать ее.

Ощущение сопричастности к общему делу является для автора дневника мощным конструктивным стимулом. Он неоднократно применяет к заводу, на котором работает определение «наш», практически не отделяя его успехи и неудачи от своих собственных. Когда В.А. Лапшину предложили перевод и повышение, он согласился с некоторой неохотой: «Рассказал о мотивах, побудивших меня уходить с завода после 12 лет работы. Жаль уходить с такого красавца-гиганта. С завода, который рос на моих глазах, с завода, на котором я сам рос вместе с ростом завода»⁴, «Хорош наш завод. Люблю завод»⁵.

Как ни странно, особую гордость и удовлетворение вызывает у автора дневника ощущение «винтика», причастного к великим свершениям «системы», особенно в период коренного перелома в войне. Он писал 7 сентября 1943 г.: «Сообщения каждый день передают одно другого лучше. Растет уверенность, что в этом году войну закончим. Каких событий свидетелями мы являемся. Грандиознейшие

¹ *Мякишева З.С.* Из воспоминаний военных лет... С. 772.

² Там же. С. 773.

³ Там же. С. 813.

⁴ Там же. С. 814.

⁵ Там же. С. 829.

события. *И отрадно бывает чувствовать, что и ты в этих событиях являешься малюсеньким винтиком* (курсив мой. - В. С.)»¹.

Не материальное вознаграждение, а признание его государством заслуг стало для В.А. Лапшина мощным импульсом трудовой активности. 10 марта 1944 г. за успехи в труде его наградили орденом Красной Звезды. Это событие было воспринято им на высоком эмоциональном уровне и трансформировалось в конструктивную мотивационную составляющую: «Это замечательное событие, не хватает слов описать те чувства, которые я сегодня переживаю. *Настроение такое, что хочется сейчас бежать на завод и работать, работать и работать. Это дало мне прилив новой силы и энергии* (курсив мой. — В.С.)»². При этом не стоит считать В.А. Лапшина исключительно «идейным», преданным лишь идеалам коммунизма. Он вполне адекватный к повседневным и, в первую очередь, семейным проблемам человек. Например, к увеличению рабочего дня для своей жены он относится негативно: «4 октября 1944 г. Валю назначили зав. физиотерапевтическим отделением с тремя стационарами. Работы ей теперь прибавилось. Это нехорошо. Она, все-таки, такая слабая здоровьем»³.

Власть, старалась постоянно поддерживать в сознании трудящихся элемент аналогии между воинским долгом и обязанностью четко выполнять производственные задания. Ощущение значимости для общего дела труда каждого человека также было необходимым волевым импульсом активного труда. Первый секретарь Горьковского обкома ВКП(б) М.И. Родионов на X пленуме обкома 27 марта 1942 г. говорил: «Если только у кого-нибудь есть такое *настроение*, что все зависит не от него, пропадет такой человек *Большевики всегда исповедовали такую мораль, что все зависит от меня, как я активно буду работать...* (курсив мой. - В.С.)»⁴.

Обязанность, долг — эти понятия, благодаря школьному и пионерскому воспитанию, многими воспринимались как естественные моральные и правовые характеристики трудового поведения.

Примеры безответственности, которые отрицательно сказывались на трудовой активности и результатах труда, показывают характер отношения к ним со стороны «ответственных» граждан. Внима-

¹ *Мякишева З.С.* Из воспоминаний военных лет... С. 838.

² Там же. С. 850.

³ Там же. С. 864.

⁴ Забвению не подлежит. С. 447

ние к таким безответственным поступкам характеризует историческую действительность по принципу «от обратного». Негативные, по преимуществу, оценки подобного поведения указывают на их «ненормальность», чрезвычайный, не повседневный характер. В документах личного происхождения, а также материалах официальных, партийных, государственных органов примеры антиобщественного поведения приводятся с целью недопущения подобного в дальнейшем. Отрицательный пример показывал: как *не должен* поступать советский человек. Изучение таких фактов и отношения к ним со стороны трудящихся и руководителей позволяет, в свою очередь, реконструировать «нормальные», общепризнанные формы поведения, связанные с чувством ответственности и долга.

И.И. Пермовский, описывая в дневнике реакцию населения на бомбежку Горьковского автозавода 5 ноября 1941 г., приводит характерные оценки действиям местных властей: «Гигантские столбы огня и дыма. *Гибли труды людей. Пропадали ценности.* Останавливали идущих от завода людей, спрашивали, какие цеха горят. Отвечали по-разному, с горечью, с равнодушным тупым молчанием.

- Такой завод не сумели сберечь! Позор!

На тротуаре мужчина в очках в высокой каракулевой шапке говорит.

- Это дело никуда не годится! Завод горит от зажигательных бомб, у нас в Москве этого не допустили бы. У нас мальчишки, играя, с ними управляют... На крышах дежурных нет. Все разбежались! *Полная безответственность!* (курсив мой. — В.С.)¹. В данном случае обращает на себя внимание, с одной стороны, выраженное сожаление по поводу утраты коллективно создававшихся ценностей. С другой — указание на безответственность со стороны местной власти как на причину потери результатов труда тысяч людей.

Резкое ухудшение материально-бытовых условий проявило некоторые негативные черты человеческого характера, противоположные чувству долга и коллективной ответственности: индивидуализм и невнимание к проблемам других людей. Как писал Н.М. Добротвор 6 декабря 1941 г.: «Люди стали грубы, непочтительны друг к другу. С одной стороны, отвага, геройство, самопожертвование, а с другой — проявления черствости, грубости»². 3 июня 1942 г.: «Вакханалия спекуляции и блага. *Жутко честному человеку* (курсив мой. - В.С.).

Война рождает героев и поднимает накипь человеческих отбросов наверх. Сегодня слышал: «Раньше было: не трудящийся да не ест, а теперь наоборот: трудящийся не ест». Это намек на блат»¹.

В.П. Киселев 6 ноября 1941 г., находясь в одном из районов Горьковской области, сделал такую запись в дневнике: «Встречаю людей, которые о себе сами говорят - признаются: «Если зовут на колхозную работу, то обувь на ноги нечего, а себе за дровами только бы лошадь колхоз дал - обувь найдется». Вот как выросло сознание за двадцать четыре года Советской власти»².

Отсутствие чувства ответственности и долга было более характерно для трудящихся, ориентированных на узко личные интересы. Такие приоритеты вызывали у человека с советской моралью осуждение и неприятие, как не способствующие достижению общей цели. Мера воздействия на таких трудящихся, в основном, также выражалась в методах морально-психологического воздействия. Правда, надо сказать, что от осуждения морального до осуждения в юридическом смысле был «один шаг». Так, согласно политдонесениям в Кировский обком ВКП(б), в начале войны в области наблюдались случаи безответственного поведения рядовых трудящихся и коммунистов. В областном управлении связи электротехник Бабинцев, член ВКП(б), после речи по радио В.М. Молотова 22 июня 1941 г. получил задание на установку телефонов по мобилизационному плану. Выполнив со своей бригадой поставленную задачу, т.е. дневную норму, он собирался идти домой. Начальник телефонной станции попросил его остаться ввиду возможного нового задания, но тот отказался, заявив: «У меня выходной день, что вы меня дергаете»³. Как сказано в документе, после этого «его стали уговаривать беспартийные товарищи — давайте подежурим. *Это наша задача* (курсив мой. — В.С.). Бабинцев отказался»⁴. В результате «виновному» был вынесен «строжайший выговор» по партийной линии⁵.

Состояние выбора между личными и общественными интересами — ситуация довольно показательная, особенно в кризисной ситуации. Анализ документов показывает, что неприятие коммунистической коллективистской морали было более характерно для лиц, так или иначе пострадавших от новой власти. Ярко выраженный инди-

¹ Забвению не подлежит. С. 528.

² Там же С. 1001

³ ГАСПИКО, ф. 1290, оп. 7, д. 44, л. 61 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

видуализм и следование личным интересам можно отнести к демотивирующим факторам. Подобные факты, не являясь массовым явлением, тем не менее, вызывали стойкое неприятие со стороны «сознательных» трудящихся. Например, работница артели «Игрушка» г. Кирова Лысцова до войны, как отмечается в политинформации обкома, «работала хорошо, а в июне все время переделывала свой брак»¹. Когда коллеги-работницы сделали ей замечание, она выразила сожаление по поводу прежней жизни: «Раньше я ела сливочки, пила наливочки, вот это была жизнь, а теперь и поесть нечего. Дали бы мне револьвер, я бы вас всех перестреляла»². В артели «Верный путь» сторож Бакин, сын крупного кулака, в один из дней явился на работу пьяным. В документе отмечается, что «члены артели просят выгнать его из артели, как дезорганизатора (курсив мой. - В. С.)»³. Как видим, пьянство на рабочем месте воспринималось большинством как безответственное поведение. В Макарьевском районе Кировской области «бывший торговец» Доронин, узнав об объявлении войны, «среди колхозников заявил: «Бросай работу! Война!» И два дня не работал. Дочь его, депутат сельсовета и зять первыми бросили работу»⁴.

Можно с уверенностью утверждать, что пьянство и, так называемое, самоснабжение, особенно со стороны ответственных работников отрицательно воспринималось трудящимися, вносило дискредитирующий элемент в восприятие власти и негативно отражалось на трудовой мотивации. Призывы к интенсивному труду плохо сочетались с антиобщественным обликом таких руководителей. Безответственность в их поведении не оставалась незамеченной рабочими и колхозниками. Так, в январе 1942 г. в редакцию газеты «Горьковская Коммуна» поступило письмо от гражданки Кашеваровой, жительницы Залесского района, с жалобой на первого секретаря райкома ВКП(б). В письме приводились факты пьянства и самоснабжения⁵. Письмо было перенаправлено в обком партии, и по данной информации была проведена проверка, которая, в основном, подтвердила указанные факты. В справке по расследованию этого инцидента говорилось: «Население видит эти факты пьянства и высказывает свое недовольство. Тов. Кириллова, жена бывшего секретаря РКВКП(б),

¹ ГАСПИКО, ф. 1290, оп. 7, д. 44, л. 73.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же, л. 155.

⁵ ГОПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 3147, л. 69.

проживающая в одном доме с т. Мироновым (один из руководителей района. — В.С.), говорит, что пьют каждое воскресенье *и становится стыдно за таких руководителей* (курсив мой. - В. С.), влияние войны на которых ни в какой степени не отразилось»¹.

Формирование позитивных поведенческих императивов, основанных на восприятии советской коммунистической морали, было актуальным на протяжении всей войны. Это можно подчеркнуть, используя в качестве примера издание популярной брошюры с характерным названием: «Черты советского человека»². В ней в форме небольших повестей раскрывался и одновременно пропагандировался позитивный образ советского человека, коммуниста, готового пожертвовать всем и самой жизнью ради общего дела³.

Как бы мы сегодня не оценивали сущность и последовательность советской коммунистической морали, необходимо признать, что в условиях Великой Отечественной войны именно она стала мощным духовным стимулом самоотверженного интенсивного труда на заводах, фабриках, в колхозах и совхозах. Ответственность за страну, за данное обязательство, торжественное обещание, клятва, чувство долга перед Родиной - эти определения, далеко не исчерпывающие понятие коммунистической морали, большинством трудящихся воспринимались как реально действующие нравственные императивы, во многом детерминирующие трудовое поведение. Именно поэтому отклонение от этих норм характеризовалось не только как опасный для обороны государства, но и общественно неприемлемый стиль поведения.

Проанализировав факторы, формировавшие духовный облик гражданского человека периода Великой Отечественной войны, и основные мотивации его поведения, можно реконструировать те черты его духовного портрета, которые способствовали организации

¹ ГОПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 3147, л. 87-88.

² Тихонов Николай. Черты советского человека (Ленинградские рассказы). М., 1942.

³ В повести «Люди на плоту» рассказывалось о том как немецкий самолет разбомбил пароход и все, кто спасся, плыли на плоту. Военный фотограф едва не утонул, но не бросил фотоаппарат - «Лейку». Вдруг он увидел плот, на котором были три мужчины и женщина. Она плакала. «Кто здесь коммунист?» - спросил фотограф. «Я» - сказал один из мужчин. «Тогда вы должны успокоить ее». Тут волна смеха фотографа. На плоту подумали, что он утонул. Через некоторое время коммунист с плота пришел в редакцию, где работал фотограф сообщить о его гибели и героическом поведении и с удивлением узнал, что тот спасся. «Ваш окрик вернул нас всех к жизни», - сказал коммунист, обращаясь к фотографу// Там же.

сопротивления врагу, благодаря наличию и развитию которых государство добилось победы в войне. Кроме того, можно определить черты, противоположные конструктивным, которые подавлялись государством, поскольку в потенциале могли помешать организации обороны.

К конструктивным качественным характеристикам психики человека военного времени, в первую очередь, следует отнести: 1) волю к жизни, 2) преимущественное наличие коллективистской психологии, 3) веру в победу и доверие к власти. Их противоположностью являлись: 1) слабоволие, выражавшееся в панике, фрустрации, неспособности к сопротивлению, 2) индивидуализм, который приводил к отторжению идеи совместной борьбы с врагом, 3) неуверенность в победе, недоверие властям. Все эти деструктивные с точки зрения организации обороны психические реакции и вызванное ими соответствующее поведение активно отслеживались властью и пресекались.

§3. Восприятие образа И.В. Сталина

Период руководства страной И.В. Сталиным уже давно ассоциируется с понятием «культ личности». Это своеобразное клише, идеологема¹, ставшее сегодня общеупотребительным для обозначения целой эпохи в истории советского государства. «Тиран» или «отец народов» — суть образы, которые были созданы и использовались в определенный исторический момент для воздействия на массы. «Отец народов» - для консолидации в момент опасности (война). «Тиран», «деспот», «преступник» - для дискредитации советской

¹ *Фельдман Д.М.* Советская идеология в контексте политической истории XX века (Идеологемы «культ личности», «репрессии», «реабилитация», «коллективное руководство», «революционная законность»): Автореф. дис. .. д-ра ист. наук. Саратов, 2007

системы, образ, которым пользовалась фашистская пропаганда в годы войны¹ и антисталинская группа после XX съезда КПСС².

Получение нового исторического знания с высокой степенью актуальности требует сегодня пристального изучения «народного» восприятия власти и, в частности, ее лидера. В том числе процесс формирования мотивации труда не может быть изучен без обращения к проблеме восприятия И.В. Сталина массовым сознанием, т.е. к проблеме *образа* власти.

Выбор этого образа в качестве предмета исследования обусловлен тем влиянием, которое оказывал И.В. Сталин на развитие советского общества. Как писал Е.П. Ильин, главной характеристикой суггестора является его авторитетность, которая складывается, в числе прочих, из следующих моментов:

— наличие прошлых заслуг, опыта, ореол известности;

¹ Согласно инструкции И. Геббельса от 5 июня 1941 г., пропаганда на Россию должна была заключаться в следующем: «никакого антисоциализма, никакого возвращения царизма; не говорить о расчленении русского государства (иначе озлобит настроенную великоруски армию); против Сталина и его еврейских приспешников» // *Ковалев Б.Н.* Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941-1944. М., 2004. С. 274; Негативный образ И.В. Сталина активно использовался фашистской пропагандой в форме листовок, которые сбрасывались с самолетов в июле 1941 г. В них открыто, с целью вызвать социальный протест, говорилось о том, что Сталин прикрепил рабочих к заводам «как рабов и за 20-минутное опоздание сажает в тюрьму... отнял всякую свободу слова, кроме свободы читать «великому и мудрому» акафисты и подхалимные слова благодарности... сделал жизнь советских людей под вечным страхом ареста и расстрела... безо всякого суда арестовывает по подозрению в «антисоветском настроении» миллионы беззащитных советских граждан и бросает их в концлагеря и спецпоселения... Не ясно ли вам теперь, что человек, сделавший все перечисленные преступления против русского народа, есть не «величайший, мудрейший, гениальнейший и любимейший вожьд трудящихся и отец народов», каким он себя называет, а величайший преступник перед всем человечеством, настоящий враг всех трудящихся, обербандит и враг народов» // Лубянка. Сталин и НКВД-НКГБ-ГУКР «Смерш». 1939—март 1946 г. / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева. М., 2006. С. 303-305; Председатель так называемого Русского Комитета генерал Власов 27 декабря 1942 г в обращении «ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза» отмечал, что главнейшей задачей комитета является «свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма» // Офицерский корпус в политической истории России. Документы и материалы 1941—1945 гг. Серия: Армия и политика Т. 6. Калуга, 2003. С. 215.

² *Яковлев А.Н.* Большевизм — социальная болезнь XX века// Черная книга коммунизма. Изд. 2-е / Пер. с фр. М., 2001 С. 14

- мнение окружающих о нем как о высокопоставленной личности;
- обладание тем или иным видом власти;
- престиж используемых им источников информации;
- таинственность его образа, приписывание ему особых способностей или возможностей¹

Реальная внешняя угроза (война) представляла собой опасность как фактор, нарушавший структурные связи в системе «власть - общество», достаточно устойчивые в мирное время, т.е. как изначально де-мотивирующий фактор. В кризисной ситуации общество испытывает острую необходимость в руководителе-лидере. Причем этот лидер должен обладать позитивными качествами, *известными* всему обществу, чтобы одно их упоминание воодушевляло и вдохновляло коллектив. Еще в 1921 г. на 1-й Всероссийской инициативной конференции по научной организации труда представитель школы А.А. Богданова С.С. Раецкий отмечал: «понятию организатор свойственен некий комплекс психологических особенностей и специальных врожденных качеств». Сам А.А. Богданов добавлял, что «идеальным является организатор, сочетающий в себе способность к организации и людей, и вещей, и идей»².

О важной роли руководителя в организации общества писал и Н. Коупленд: «При умелом руководстве коллектив представляет собой нечто большее, чем сумма его членов, и, наоборот, при неумелом руководстве — нечто меньшее»³. При этом он должен обладать непререкаемым авторитетом: «Каждый великий руководитель, как каждый гений, обладает магическим качеством, не поддающимся ни определению, ни анализу»⁴.

А.А. Зиновьев, считая культ личности элементом государственного управления, а реакцию на образ И.В. Сталина *системным* процессом, писал: «Сталин был вытолкнут на роль вождя самими обстоятельствами. Ему не надо было прилагать особых усилий к тому, чтобы выбиться на первую роль. Ему достаточно было лишь соглашаться и иногда использовать обстоятельства. Властолюбие Сталина — не причина, а следствие того, что его выталкивали на роль властителя»⁵.

¹ Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. СПб., 2000. С. 99.

² Раецкий С.С. Организация организаторов// Вестник международного института АА Богданова. 2000. №2. С. 18-20.

³ Коупленд Н. Указ. соч. С. 53.

⁴ Там же. С. 65.

⁵ Зиновьев А.А. Указ. соч. С. 146.

Сам И.В. Сталин также однозначно высказался (можно, конечно, подвергать сомнению степень искренности такого высказывания) по этому поводу. В беседе с немецким писателем Э. Людвигом 13 декабря 1931 г. на вопрос о том, что он думает по поводу случайности или закономерности его нахождения у власти, сказал: «Имеются и внутренние и внешние причины, совокупность которых привела к тому, что я не погиб. Но совершенно независимо от этого на моем месте мог быть другой, ибо кто-то **должен** (выделено И. Сталиным. - *В.С.*) был здесь сидеть»¹.

Еще в предвоенный период И.В. Сталин и советское правительство были уверены (либо однозначными заявлениями пытались вселить эту уверенность в других), что в случае войны советское общество будет как никогда монолитным. В отчетном докладе XVIII съезду партии 10 марта 1939 г. Сталин говорил о выборах в верховные органы страны, называя их демократическими. При этом он особенно отметил, что характерной особенностью советского общества является дружба народов и что именно она является основой и источником прочности советского общества. «Это значит, между прочим, что в случае войны тыл и фронт нашей армии ввиду их *однородности и внутреннего единства* (курсив мой. — *В.С.*) будут крепче, чем в любой другой стране, о чем следовало бы помнить зарубежным любителям военных столкновений», - говорил лидер государства². Понимая под «дружбой народов» классовую солидарность трудящихся, И.В. Сталин видимо еще не предполагал, что война внесет существенные коррективы в самосознание граждан СССР и этим многократно усложнит процесс управления обществом.

В кризисной ситуации войны образ власти (степень доверия к ней, вера в способность власти и наличие политической воли у политического лидера организовать оборону) оказывал значительное влияние на консолидацию общества, на его способность решать самые сложные задачи. Для наиболее полного и адекватного представления о специфике восприятия образа И.В. Сталина в сознании трудящегося населения необходимо проанализировать источники, отражающие внутренний мир их авторов. Применяя методы микроисторического и историко-психологического исследования личных и общественных интересов в годы Великой Отечественной войны на основе системного анализа, можно не только выяснить степень их

¹ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 120.

² Сталин И.В. Сочинения. Т. 14 / Под ред. Р. Косолапова. М., 1997. С. 319.

взаимовлияния, но и оценить роль руководства страны в организации управления обществом и влияние образа И.В. Сталина на этот процесс.

По воспоминаниям соратников, коллег, родственников, политических противников и критиков, образ Сталина достаточно хорошо известен. Те, кто знал Сталина близко и имел возможность наблюдать его непосредственно, не были так «захвачены» его образом, как «рядовые» граждане. Например, видели его маленький рост, оспы и т.п. Они были более критичны к нему, так как видели его в разных, в том числе бытовых ситуациях¹. Изучение его на основе источников личного происхождения может существенно скорректировать существующие оценки.

Восприятие гражданским населением лидера государства И.В. Сталина в годы Великой Отечественной войны зависело от нескольких факторов. Это, во-первых, довоенный образ, созданный пропагандой, средствами массовой информации, средствами культуры и искусства. Во-вторых, это конкретные действия лично И.В. Сталина в чрезвычайных условиях войны, о которых становилось известно широким массам. В-третьих, это слухи, распространявшиеся среди населения, в том числе и вражеской пропагандой, которые призваны были скорректировать в воображении населения образ власти, и таким образом придать общественной реакции конструктивный или деструктивный характер деятельности.

Образ Сталина в массовом сознании с достаточной степенью достоверности можно воссоздать по письмам, которые поступали в его адрес от граждан с просьбами, жалобами, указанием на проблемы, недостатки и другим источникам личного происхождения. Реконструируя мотивы написания писем, можно предположить, что их авторы, находясь в сложной ситуации, считали, что Сталин, во-первых, *может* им помочь. Во-вторых, и это основное при анализе, - *захочет* это сделать, не останется равнодушным к их проблемам, прислушается к их критике. В противном случае такие письма не имели бы смысла.

Анализируя письма граждан, можно попытаться понять: *к кому* в

¹ Переводчик И.В. Сталина В.М. Бережков писал: «Дверь снова открылась, и вошел Сталин. Взглянув на него, я испытал нечто близкое к шоку. Он был совершенно не похож на того Сталина, *образ которого сложился в моем сознании* (курсив мой. - В.С.). Ниже среднего роста, исхудавший, с землистым, усталым лицом, изрытым оспой... Неужели это он? Как будто его подменили!» // *Бережков В.М. Рядом со Сталиным*. М., 1998. С. 233.

лице Сталина обращались они со своими проблемами, *на кого* возлагали свои надежды. Другими словами, воссоздать образ И.В. Сталина в сознании трудящихся. Изучая насущные проблемы трудящихся, которые они пытались решить, используя письмо, как последнее средство, можно заметить, что глава государства предстает в разных образах: от снабженца-хозяйственника до вершителя судеб.

Например, вожатая пионерского отряда Батурихинской средней школы Горьковской области Боркова в мае 1941 г. написала письмо Сталину, в котором просила помочь приобрести горн и знамя для своего отряда¹.

Авторы таких писем, в основном, «простые» люди, не представители власти. Они, не видя возможности решения вопроса на местном уровне, будучи не до конца уверенными в компетенции местных властей, пытались привлечь внимание главы государства к *общим*, как им казалось, проблемам. В мае 1941 г. в адрес Сталина было направлено письмо за подписью и.о. начальника электростанции г. Семенова Горьковской области Ю.М. Сафонова. В нем он обращается к Сталину как к главе государства, к хозяину: «вот если бы за Вашей подписью в адрес Горьковского облисполкома вышла телеграмма, что Семеновской электростанции нужно помочь, выделить ей с Горьковской конезаводской лошадей, а с Горьковского автозавода одну машину газогенераторную... *мы бы работали, как этого требует советское правительство* (курсив мой. — В.С.)»².

Интересно, что в письмах такого рода авторы очень подробно описывают суть своей проблемы, а не просто излагают просьбу. Видимо, они представляли, надеялись, что Сталин проникнется их трудностями и сможет разобраться, устранить несправедливость, несмотря на свою занятость. Автор понимал, что у главы государства немало проблем и без его письма: «Т. Сталин! Я знаю, что у Вас каждая секунда на учете. Ваше время драгоценнее всего. Но положение для нас серьезное. Помогите нам»³. Наличие таких оговорок предполагает уверенность автора в том, что адресат не останется «глух» к подобным просьбам. Объяснять это «наивностью» или «рабской психологией» не совсем справедливо. Именно реакция со стороны власти (как правило, не лично Сталина, а секретарей соответствующих обкомов) на изложенные в письмах проблемы, на их устранение укрепляла в сознании населения позитивный образ Сталина — защит-

¹ ГОПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 2162, л. 170.

² Там же. Д. 2163, л. 33 об.

³ Там же. Л. 33.

ника трудящихся. Авторы писем, скорее всего, не знали технологии подобной реакции. Догадываясь, что их письма не всегда доходят до адресата, они не могли знать о существовании Особого сектора при ЦК ВКП(б), который большинство писем, направленных в адрес Сталина, отправлял обратно в областные комитеты с требованием сообщить заявителю о результатах рассмотрения его просьбы¹. Но штамп «взято на контроль», или резолюция секретаря обкома, а иногда и результаты проверки жалоб, имеющиеся в документах, говорят о том, что власть пыталась реально помочь нуждающимся. Даже не связывая изменение ситуации к лучшему непосредственно со Сталиным, граждане могли воспринимать его как человека, которого никто не можетслушаться. По результатам письма Ю.М. Сафонова Семеновской электростанции были выделены деньги на покупку лошадей, хотя в газогенераторной машине было отказано².

Кроме того, очень важно отметить такую деталь в восприятии общественным сознанием образа И.В. Сталина как уверенность в его постоянной загруженности работой, что, впрочем, вполне соответствовало действительности. Осознание того, что лидер государства много и активно трудится можно рассматривать как действенный фактор трудовой мотивации рядового населения.

Авторы писем доверяют Сталину свои самые насущные проблемы, может быть, осознавая не только то, что он может их решить, как руководитель государства, но и, понимая, что многие из этих проблем напрямую связаны с его политикой. Например, 10 декабря 1940 г. житель Горьковской области Иван Яковлевич Лавров написал Сталину письмо с просьбой помочь разобраться в его биографии и таким образом, по сути, решить его судьбу. До этого Лавров написал четыре подобных письма в ЦК ВКП(б) и два в Горьковский обком, но, видимо, не нашел поддержки.

Суть проблемы Лаврова заключалась в следующем. Его отец Яков Кузьмич с 1904 по 1915 гг. работал в Сибири на золотых приисках, как пишет сам автор «был вольным старателем, скитался по горам в полубосом состоянии в шайке пьяниц. Пропадал там около 12 лет. Нам на пятерых детей с шестой матерью... не присылал ни копейки»³. Лавров жалуется на то, что его жизнь стала невыносимой:

¹ Письмо сопровождалось небольшой по размеру карточкой с текстом: «Посылается полученное на имя т. Сталина заявление (Ф.И.О.) для рассмотрения. О последующем распоряжении просьба сообщить заявителю».

² ГОПАНО, ф. 3, оп. 1, д. 2163, л. 30.

³ Там же. Д. 2162, л. 222 об.

«Пребывание моего отца в Сибири приносит мне много бедствий. Меня обвиняют в том, что я «скрываю» прошлое моего отца. Считаю, что... я являюсь сыном золотопромышленника и скрываю прошлое моего отца»¹ Пытаясь вызвать у адресата доверие, обратить внимание на свои «заслуги» перед государством, на свою сопричастность к «общему делу», Лавров упоминает о том, что в 1929 г. он написал «в Политбюро три письма о контрреволюционных делах в нашем заводе»². «В этом 1940 году в Политбюро ЦК о наших беспорядках на заводе я написал еще четыре письма»³.

Открыто обращаясь к Сталину, находясь в «безвыходном положении», автор называет его «дорогим другом и отцом, учителем трудящихся». Себя же характеризует сначала как «весьма маленького человека», а затем (и в этом суть его просьбы) вообще затрудняется сказать кто он в социально-классовом смысле. Представляя, что только Сталин может решить его судьбу, Лавров просит рассмотреть его биографию и дать «распоряжение кому следует»⁴. Не сомневаясь в том, что он пишет самому могущественному человеку, автор с трудом проводит самоидентификацию: «А я достоверно и сам не знаю: кто же я на самом деле»⁵. Хотя и уверен (иначе бы не обращался с просьбой), что он «свой», пролетарий: «дети золотопромышленников скотину не пасут, батраками не работают»⁶. «Кто же был мой отец, будучи в Сибири? Виноват ли я в том, что сигнализирую о неполадках в заводе?.. И кто же я — или сын золотопромышленника, или я - коммунист, или я, наконец, — клеветник?»⁷ - эти жизненно важные для автора вопросы мог, по его мнению, решить лишь один человек - Сталин. Сталин для него - последняя инстанция, последняя надежда, вершитель судеб, который должен принять справедливое решение.

Авторы анализируемых писем глубоко убеждены в том, что только Сталин способен устранить все недостатки в государстве, сделать жизнь лучше. Ощущение реальности существования вертикали «Сталин - народ - рядовой гражданин» можно назвать ментальной основой легитимности советского государственного устройства ста-

¹ ГОПАНО, ф. 3. оп. 1, д. 2162, л. 223.

² Там же.

³ Там же. Л. 224 об.

⁴ Там же. Л. 222.

⁵ Там же. Л. 225.

⁶ Там же. Л. 224.

⁷ Там же. Л. 227-230.

линского периода. На наш взгляд, ошибочно считать авторов писем лишь рабски преданными «винтиками», которые, не отдавая себе отчета, беспричинно прославляли вождя. Напротив, в этих письмах прослеживается определенная рефлексия: с одной стороны, респонденты понимали недостатки возглавляемой Сталиным Системы, с другой — видели перспективы ее совершенствования.

Таким образом, анализируя письма, поступавшие в адрес И.В. Сталина в предвоенный и военный периоды, можно реконструировать отношение их авторов к руководителю государства. В большинстве писем он воспринимается авторами как единственный представитель власти, способный решить насущные проблемы граждан.

Авторы писем - представители трудящихся и интеллигенции, относились к разным половозрастным категориям, с разным уровнем образования. Но они, по сути, *единодушны* в своем отношении к Сталину. Обращения к руководителю («отец», «учитель», «вождь») используются гражданами вполне *искренне*, без «слепого поклонения», раболепия и подобоострастия. Об этом, в частности, говорит присутствие в некоторых письмах критического отношения к осуществляемой государственной политике.

Философ А.А. Зиновьев устами своего персонажа, обращаясь к критикам сталинского периода, писал: «Вы бы тогда увидели, что главным в эту эпоху было нечто иное, позитивное, а не негативное. Вы смотрите на эту эпоху глазами репрессированных»¹. Взгляд «на эпоху глазами» рядовых, не претендовавших на власть граждан, может существенно скорректировать современные стереотипы восприятия И.В. Сталина как руководителя советского государства.

С точки зрения человека предвоенной и военной поры, забота о трудящихся - непосредственная задача лидера. Авторы обращений верят в то, что Сталин не оставит их проблемы без внимания. Именно *вера* (а не доверие, основанное на рациональном восприятии) в *народную* сущность власти в лице Сталина стала духовной основой ее поддержки основной массой гражданского населения в годы Великой Отечественной войны.

Представление о непрерывном и продуктивном характере труда, свойственном И.В. Сталину², становилось примером, следовать ко-

¹ Зиновьев А.А. Указ. соч. С. 28.

² Например, именно по этой причине зоотехник Горьковской железной дороги С.И. Городецкая 23 мая 1943 г. писала Р.С. Землячке: «Товарища Сталина, милого, мне беспокоить не хочется, он и так сильно загружен... Това-

тому считали необходимым многие и многие труженики. «Руководство — это искусство обращения с людьми, точнее говоря, это искусство так *влиять на людей с помощью убеждения и личного примера* (курсив мой. - В.С.), чтобы они неуклонно действовали в определенном направлении», - писал военный психолог Н. Коупленд¹. В частности, именно поэтому образ И.В. Сталина использовался государственной пропагандой с целью усиления трудовой мотивации.

Народное сознание уже в достаточной степени было подготовлено к такому восприятию образа И.В. Сталина. Например, выступления делегатов XVIII съезда ВКП(б), материалы которого исключительно активно «прорабатывались» на местах в предвоенные годы, содержали красноречивые определения его роли в усилении мотивации труда. Так, депутат Игнатов в своем выступлении говорил: «Каждое мудрое слово товарища Сталина и его соратников зажгло в наших сердцах неукротимое желание бороться с трудностями, *вселило желание работать, не покладая рук* (курсив мой. - В.С.), и с большевистской, сталинской верой в торжество наших побед мы поднимем всех трудящихся на борьбу за построение коммунизма в нашей стране»².

В данном случае усиление трудовой мотивации достигалось не только харизматическими качествами вождя, но и культивированием в массовом сознании *уверенности* в правильности действий власти, в непереносимое достижение поставленных властью целей. Позитивное прогнозирование результатов труда в сознании значительной части населения непосредственно связывалось с образом власти и лично И.В. Сталина.

Выступление И.В. Сталина 3 июля 1941 г. и стало, по сути, своеобразной программой действий, а одновременно имело эффект психологического воздействия на массовое сознание. Как писал А. Верг: «Авторитет Сталина не вызывал никаких сомнений, особенно после его речи по радио 3 июля. Все верили, что он знает, что делает»³. Даже В.И. Вернадский, известный своими критическими оценками И.В. Сталина и созданной им политической системы при-

ришу Сталину, родному, передай мой горячий, сердечный привет, с пожеланием долгих, долгих лет, продолжения его плодотворной работы, о нас всех заботы» // Советская повседневность и массовое сознание. С. 267.

¹ Коупленд Н. Психология и солдат/ Пер. с англ. М., 1991. С. 58.

² XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10-21 марта 1939 г. Стенографический отчет. ОГИЗ, 1939. С. 379.

³ Верг А. Россия в войне 1941-1945. М., 2003. С. 117-118.

знавал: «3 июля 1941 года выступление по радио Сталина. Речь очень хорошая и умная»¹.

В начале обращения И.В. Сталин косвенно успокаивает слушателей, произнося: «несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражений, враг продолжает лезть вперед, бросая на фронт новые силы... Над нашей родиной нависла серьезная опасность»². Здесь Сталин, безусловно, выдает желаемое за действительное. Кому, как не ему было знать, что лучшие дивизии врага еще не понесли значительных потерь. Но такая, пусть несоответствующая действительности, информация была *необходима* в данный критический момент. И только после нее Сталин делает уже вполне адекватное ситуации заявление о степени опасности, нависшей над страной. Продолжая выступление в том же ключе, он в свойственной ему манере задает вопросы обобщенному собеседнику: «Неужели немецко-фашистские войска, в самом деле, являются непобедимыми войсками, как об этом трубят неустанно фашистские хвастливые пропагандисты?» - и, апеллируя к истории, отвечает: «Конечно, нет!»³.

В такой же форме Сталин пытается снять у народа все вопросы о правильности действий своих и правительства относительно предвоенных отношений с Германией. Как известно, он признает наличие таких ошибок только по окончании войны, произнося знаменитый тост: «За русский народ», — когда опасность минует. Теперь же такое признание могло повлечь за собой не только сомнение в правильности действий власти, но и вызвать серьезные демотирующий эффект: «Не была ли здесь допущена ошибка со стороны Советского Правительства? Конечно, нет!»⁴.

Признав наличие серьезной («смертельной») опасности для государства, И.В. Сталин далее предлагает четкую и понятную программу действия с целью ликвидации этой опасности. За немногими исключениями эта программа станет основой целеполагания всего общества на период войны: «Что требуется для того, чтобы ликвидировать опасность, нависшую над нашей Родиной, и какие меры нужно принять для того, чтобы разгромить врага?»

Прежде всего необходимо, чтобы наши люди, советские люди

¹ Режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/s/shewjakow_m_w/vemadskij.shtml

² Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. ОПИЗ: Горьковское областное издательство, 1943. С. 7

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 9.

поняли всю глубину опасности, которая угрожает нашей стране, и отрешились от благодушия, от беспечности, от *настроений мирного строительства* (курсив мой. — В.С.), вполне понятных в довоенное время, но пагубных в настоящее время, когда война коренным образом изменила положение... Нужно, чтобы советские люди поняли это и перестали быть беззаботными, чтобы они мобилизовали себя и перестроили всю свою работу на новый, военный лад, не знающий пощады врагу»¹. Характерно, что в данном программном заявлении на первом месте среди методов усиления мотивации сопротивления стоит *призыв*, обращение к *сознательности* трудящихся, а также активно используется актуализация потребности в безопасности в качестве основного мотивационного фактора.

Далее руководитель государства обозначает контуры негативных и позитивных психических характеристик, которые, по его мнению, будут способствовать или мешать организации обороны. Причем не только обозначает их, но и в контексте сказанного ранее, жестко ориентирует граждан на позитивные качества: «...основными качествами советских людей должны быть *храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться* (курсив мой. — В.С.) вместе с народом против врагов нашей родины»².

Как отмечает В.В. Смолененкова, «перед Сталиным стояла риторическая задача сплотить народы СССР, поднять освободительный дух и воодушевить их на победу»³. Нам представляется, что эта задача была, в основном, решена.

Речь И.В. Сталина 3 июля 1941 г. стала для преобладающей массы трудящегося населения долгожданным и ожидаемым выражением, актуализацией тех эмоций, поведенческих императивов, которые они олицетворяли с именем Сталина в предвоенные годы. Именно так и *должен* был выступить лидер государства в трудную для всех граждан минуту. Местные органы ВКП(б) прямо указывали на необходимость активизировать разъяснение его речи населению. Секретарь Горьковского обкома ВКП(б) М.И. Родионов в тот же день направил секретарям горкомов и райкомов партии телеграмму: «В связи с выступлением по радио нашего вождя и учителя тов. Сталина Иосифа Виссарионовича обком ВКП(б) предлагает провести митинги, собрания рабочих, колхозников, интеллигенции.

¹ Там же. С. 11.

² Там же. С. 11-13.

³ Смолененкова В.В. Риторика Сталина военного времени Приказ №70// режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_105shtml

Призывайте всех трудящихся свято и непоколебимо выполнять указания тов. Сталина»¹.

Практически повсеместно большинство населения конструктивно ответило на выступление И.В. Сталина 3 июля 1941 г. Это отмечается как по официальным данным, так и по источникам личного происхождения. Судя по справкам Горьковского обкома ВКП(б) о патриотическом подъеме трудящихся за период 24 июня—23 июля 1941 г., одним из факторов, способствовавших интенсификации труда, было именно это выступление. «Велик гнев трудящихся против фашистских варваров, осмелившихся напасть на нашу родную землю. Как никогда едина мощь советского народа, его сплоченность вокруг партии Ленина - Сталина. Особенный подъем намечается в связи с выступлением по радио тов. Сталина»². В Куйбышевском районе труженики завода им. Ульянова объявили себя мобилизованными, обязались «свято и непоколебимо выполнять указания тов. Сталина. Не уходить с рабочих участков, не выполнив суточного или дневного задания»³. В Красно-Октябрьском районе колхозники ответили на выступление лидера государства массовым выходом на полевые работы. Аналогичная реакция была отмечена и в других районах⁴.

Отношение к И.В. Сталину как к лидеру государства, вера в наличие у него свойств и качеств, необходимых для решения главной задачи — организации обороны и достижения победы в войне, может рассматриваться как действенный мотивационный фактор интенсивного труда. Например, инженер В.А. Лапшин, работавший в годы войны на Горьковском автозаводе, 3 июля отметил в своем дневнике: «В 7 часов утра по обыкновению слушал сводку о положении на фронтах. После окончания сводки диктор сообщил, что в 7 ч. 30 минут будут передавать правительственное сообщение. Разбудил Валю, стали слушать. У микрофона с обращением к народам Советского Союза выступал т. Сталин. Затаив дыхание, стараясь не пропустить ни одного слова, слушали мы с Валей эту речь, в которой он говорил, с какой целью идет на нас фашистская саранча и о том какой конец ждет эту саранчу. Конец такой же, как и Наполеона»⁵. Интересно, что в день рождения Сталина 21 декабря 1941 г. В.А. Лапшин

¹ Забвению не подлежит. С. 496.

² Там же. С. 277.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 277-282.

⁵ Общество и власть. С. 761.

сделал в своем дневнике следующую запись: «Сегодня день рождения нашего родного Сталина. 62 года исполнилось ему. Но сколько силы, сколько мощи и непреклонности имеет он. *Как много, вероятно, он работает без усталы* (курсив мой. - В.С.). Именно только благодаря его неутомимой деятельности, его организаторскому таланту, его способности, его чутью и умению схватить момент изменить обстановку, мы имеем победу над кровавым фашизмом. И эти победы скоро закончатся полным разгромом Гитлера. Да продлится его жизнь еще на многие, многие годы, чтобы под его руководством процветала наша любимая родина»¹.

Тем не менее, влияние образа И.В. Сталина на общество не всегда было конструктивным, поскольку во многом передавалось и трансформировалось в общественном сознании с помощью одной из базисных человеческих эмоций (наряду с радостью и гневом) — эмоции страха². Страх оказаться среди осужденных (морально или юридически) за неприятие советской модели развития общества, имел как позитивный, так и негативный потенциал мотивации к труду³. Его трансформация во многом зависела от личностных аспектов восприятия населением власти. Например, говоря о реакции тылового населения на выступление И.В. Сталина 3 июля 1941 г. нельзя не сказать и о неприятии его призывов частью населения. Так, в Ичалковском районе Мордовской АССР член ВКП(б) Мишина после выступления заявила соседке: «пусть тов. Сталин сам пойдет с коммунистами воевать»⁴. Как правило, подобные высказывания отражали отношение их авторов не непосредственно к И.В. Сталину, а к советскому (колхозному) строю в целом. Это также подтверждает суждение о прямом соотношении образа И.В. Сталина с проводимой им политикой и сущностью советского государства.

Безусловно, у многих уверенность в наличии у И.В. Сталина необходимых для руководителя качеств пошатнулась, когда враг вплотную подступил к Москве, и было объявлено осадное положение. Но и здесь ситуация во многом «выправилась» благодаря авторитету Сталина. Как писал А. Верт: «Какие бы неприятные воспоминания и недовольство ни таили в душе некоторые советские генералы, Сталин был необходимым объединяющим фактором в атмосфере октяб-

¹ Общество и власть. С. 771.

² Колесов Д.В. И.В. Сталин: Право на власть. М., 2000. С. 225.

³ См.: Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история советской России в 30-е годы: город. Пер. с англ. М., 2001.

⁴ Мордовия. 1941-1945. С. 30.

ря-ноября 1941 г., которую лучше всего характеризовали слова "Отечество в опасности"¹ -

В качестве стимулирующего эффекта, вызываемого отношением к образу И.В. Сталина, кроме ощущения сопричастности к общему делу, можно назвать *одобрение, моральное вознаграждение*, которое в условиях культа личности и во взаимодействии с другими морально-идеологическими факторами давали ожидаемый властью результат. Например, при организации всесоюзной радиотрансляции письма на фронт «токаря-стахановца энского завода т. Матвеева» 23 декабря 1941 г. в эфире прозвучали следующие слова: «Каждый из нас сейчас подходит к себе и к другим с повышенной требовательностью. *Мы все словно на экзамене перед родиной, перед партией, перед т Сталиным* (курсив мой. — В.С.). Пришло время на деле показать свою преданность родине в стахановском труде»².

Директор горьковского завода «Красное Сормово» Рубинчик, выступая на собрании наставников и молодых стахановцев в ноябре 1942 г., говорил: «В сентябре месяце коллектив нашего завода упорно работал над выполнением сталинского задания и с честью его выполнил, и получил *величайшую награду* (курсив мой. — В.С.) - благодарность великого Сталина. Что может быть выше этого?»³. Здесь уместно вспомнить слова долгое время находившегося рядом со Сталиным переводчика В.М. Бережкова: «Его одобрительная улыбка стоила для нас многого... Так думали тогда миллионы и миллионы советских людей»⁴.

Известный конструктор артиллерийских систем В.Г. Грабин в разговоре со Сталиным по телефону пообещал лично: «Ваше задание и просьбу, товарищ Сталин, я передам коллективу завода, а Вас могу заверить, что завод в ближайшее время увеличит выпуск пушек»⁵. Председатель горьковского городского Комитета Оборона М.И. Родионов также по телефону говорил В.Г. Грабину: «Задание И.В. Сталина является заданием не только коллективу завода, оно обязывает обком и лично меня. *Я* считаю себя обязанным помогать Вам, и, пожалуйста, обращайтесь ко мне в любое время»⁶.

В передаче всесоюзного радио 19 декабря 1942 г. о знаменитом

¹ Мордовия. 1941-1945. С. 147.

² ГАРФ, ф. 6903, оп. 12, д. 7, л. 36.

³ Общество и власть. С. 48.

⁴ *Бережков В.М. Рядом со Сталиным...* С. 415-416.

⁵ Забвению не подлежит. С. 323.

⁶ Там же. С. 324.

колхознике Ферапонте Головатом из Саратовской области, который сдал сто тысяч рублей на постройку самолета, подчеркивалось, что в качестве благодарности он получил телеграмму от И.В. Сталина: «В своей телеграмме колхознику т. Сталин писал: "Спасибо, Вам, Ферапонт Петрович, за Вашу заботу о Красной Армии и ее воздушных силах"»¹.

Благодарность главы государства должна была восприниматься как высшее моральное поощрение за вклад в дело победы. В радиопередаче от 21 декабря прозвучали стихи Макара Пасынка, которые призваны были подчеркнуть «всенародный» характер сталинской благодарности:

Вчера лишь, как призыв набата
Всех всколыхнула весть:
Сдал все сто тысяч Головатый!
Привет ему и честь!
Всем, всем, кто заодно с фронтами
И дышит и живет
Спасибо шлет товарищ Сталин,
*А с ним и весь народ*².

В телеграмме комсомольцев и молодежи Горьковской области на имя И.В. Сталина от 23 февраля 1943 г. есть такие слова: «Дорогой Иосиф Виссарионович! Комсомольцы и молодежь Горьковской области, воодушевленные героическим наступлением наших войск, а также Вашей приветственной телеграммой, встретили двадцать пятую годовщину Красной Армии новыми производственными подарками и дополнительным сбором средств на вооружение Красной Армии... Заверяем Вас, товарищ Сталин, что комсомольцы и молодежь Горьковской области готовы пойти на все для выполнения поставленной Вами задачи разгромить немецких оккупантов и изгнать их из пределов нашей Родины.

Желаем Вам, наш вождь, учитель, друг и отец здоровья и сил на радость всего советского народа»³.

О роли и влиянии образа И.В. Сталина на ситуацию в стране красноречиво свидетельствует отношение к нему Патриарха Московского и всея Руси Алексия. Узнав из правительственного сообщения в марте 1953 г. о его болезни, патриарх обратился в епархии с телеграммой. В телеграмме архиепископу Горьковскому Корнилию, в

¹ ГАРФ, ф. 6903, оп. 12, д. 41, л. 168.

² Там же. Л. 263.

³ Забвению не подлежит. С. 332—333.

частности, говорилось: «Наш долг, долг всех верующих, прежде всего, обратиться с молитвою к Богу об исцелении дорогого для всех нас болящего. Благословляю во всех храмах епархии совершить молебствия о здравии Иосифа Виссарионовича. Церковь наша не может забыть того благожелательного к ней отношения нашего правительства и лично Иосифа Виссарионовича, которое выразилось в целом ряде мероприятий, клонящихся ко благу и к славе нашей Православной Русской Церкви, и ее долг свойственным ей образом, т.е. горячей молитвой отозваться на постигшее наш народ испытание — болезнь дорогого всем нам вождя и мудрого строителя народного блага»¹.

Перед панихидой по И.В. Сталину, в патриаршем соборе в день его похорон 9 марта 1953 г. Алексей произнес речь: «Великого Вождя нашего народа, Иосифа Виссарионовича Сталина не стало. Упразднилась сила великая, нравственная, общественная сила, *в которой народ наш ощущал собственную силу, которую он руководился в своих созидательных трудах и предприятиях* (курсив мой. — В. С.), которую он утешался в течение многих лет»².

Таким образом, говоря о влиянии образа И.В. Сталина на мотивацию труда в годы Великой Отечественной войны, нужно признать его конструктивный характер. В кризисной ситуации образ власти (степень доверия к ней, вера в способность власти и наличие политической воли у политического лидера) оказывал первостепенное влияние на консолидацию общества, на его способность решать самые сложные задачи.

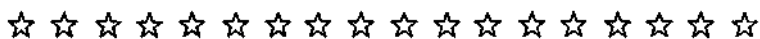
В годы Великой Отечественной войны отношение к образу И.В. Сталина со стороны населения стало не только ободряющим, стабилизирующим фактором, но и дополнительным волевым стимулом к защите Родины, к ратному и трудовому подвигу. Подтверждение этому тезису также содержится в известном Постановлении ЦК от 30 июня 1956 г.: «Ясно, что каждый, кто бы выступил в этой обстановке против Сталина, *не получил бы поддержки в народе* (курсив мой. - В.С.). Более того, подобное выступление было бы расценено в тех условиях как выступление против дела строительства социализма, как крайне опасный в обстановке капиталистического окружения подрыв единства партии, всего народа»³.

¹ Общество и власть. С. 639.

² Журнал Московской Патриархии. 1953. №4. С. 3.

³ КПСС в резолюциях. Т. 7. М., 1971. С. 209.

Заклучение

Великая Отечественная война как чрезвычайный фактор общественного развития придавала особый характер человеческим взаимоотношениям. Советское общество в целом было поставлено перед проблемой выживания и, следовательно, эта угроза активизировала новые императивы деятельности человека. Уникальность Великой Отечественной войны для советского общества заключается в ее масштабах и степени влияния на жизнь каждого человека.

Отталкиваясь от неоспоримой жизненной ценности ПОБЕДЫ, как *единой* цели ратной деятельности на фронте и трудовой в тылу, можно говорить о трех формах трудового поведения:

Активно конструктивное (выражено искренним желанием трудиться) было связано с уверенностью в Победе, с доверием власти, с ощущением сопричастности к общему делу, с желанием отомстить за близких посредством активного труда, со страхом наказания за нарушения трудовой дисциплины.

Активно деструктивное (выражено явным отказом от работы, в крайней форме — открытым или тайным призывом к отказу от работы) было связано с неприятием советской власти и коммунистической идеологии, с желанием помочь Германии разгромить СССР, с религиозными чувствами апокалипсического характера, с паническими настроениями, с потерей смысла труда в связи с неверием в возможность победы, с влиянием чрезвычайных ситуаций, связанных с опасностью для жизни (бомбежки)

Пассивное (выражено неактивным трудом, выжидательной позицией) было связано с не оформившимся отношением рабочего к текущему моменту, с недостатком информации, с невозможностью определить стратегию поведения, с неокрепшим (юношеским) сознанием.

Трудовая деятельность и трудовое поведение были результатом взаимодействия комплекса мотивационных факторов, главную роль среди которых играли внеэкономические факторы.

Воздействие *политико-правовых факторов* - в целом усиливало мотивацию. Они организовывали, снижали опасность деструктивного влияния паники. При неоправданном применении - ослабляли мотивацию: излишнее принуждение, невнимание к нуждам трудящихся, паника среди руководства.

Политико-правовые методы стимулирования труда в полной мере распространялись только на тех рабочих, которые не воспринимали иных методов, а репрессивные, принудительные меры воздействия касались только нарушителей закона. И хотя потенциально *каж-*

дый рабочий должен был осознавать степень опасности нарушения трудовой дисциплины, принудительные, административно-правовые методы усиления трудовой мотивации были лишь частью намного более вариативной системы.

Функционирование системы политического контроля в годы Великой Отечественной войны было обусловлено необходимостью не допустить политического разъединения граждан перед опасностью уничтожения государства, задачами сплочения для достижения общей цели и борьбой с теми немногочисленными, но от того не менее опасными элементами, не желавшими разделять эти цели.

Мотивационная сфера трудовой деятельности во многом формировалась *информационно-идеологическими факторами*. Сложность долговременного прогнозирования, информационная блокада, непосредственное наблюдение негативных последствий начала войны сводили к минимуму возможность возникновения в сознании индивида самостоятельного настроения на высокую трудотдачу. В такой ситуации государственное информационно-идеологическое воздействие на мотивацию труда было необходимым условием эффективной организации трудового процесса. В этом смысле об информационно-идеологическом воздействии можно говорить не только как о «продукте эпохи», но и как о факторе, способствовавшем, в конечном счете, достижению Победы.

Кроме официальных каналов формирования информации, существовали и неофициальные: вражеская пропаганда, слухи, информация религиозного содержания. В зависимости от характера информации и канала ее передачи, она могла стать как мотивирующим, так и де-мотивирующим фактором. Содержание информации, форма ее подачи вызывали у трудящихся определенные эмоции (базовые эмоции - страх, гнев, радость и их производные). В зависимости от направленности эмоций информация играла роль мотивирующего или де-мотивирующего фактора.

Информационно-идеологический контроль в этих условиях был необходим; он усиливал мотивацию тем, что блокировал информацию, которая могла подействовать деструктивно, например, слухи, информация негативного характера. В то же время удовлетворение потребности населения в информации осуществлялось, в основном, за счет «позитива», что усиливало мотивацию труда.

Образ трудящегося, создаваемый в условиях информационно-идеологического контроля, также был направлен на формирование

позитивного примера для подражания, конструктивного трудового поведения.

Такое масштабное, кризисное, оказывающее воздействие на все сферы жизни общества явление, как Великая Отечественная война, вызывало к жизни разнообразные формы проявления религиозности среди гражданского населения. Информацию религиозного характера, на наш взгляд, следует рассматривать с точки зрения ее соответствия, или несоответствия общегосударственным задачам победы в войне.

Исходя из этой «системы координат» проявления подобной информации можно подразделить на конструктивные, т.е. способствовавшие организации обороны, и деструктивные - противоречившие этим задачам.

Проявления религиозности можно рассматривать в качестве мотивирующего фактора только в рамках церковной организации (РПЦ, Ислам). Патриотическая позиция, выраженная в выступлениях церковных иерархов, стала доминантой религиозной идеологии в период войны, и это придавало религиозному чувству верующих конструктивный характер.

Стихийные проявления религиозности, как правило, шли «вразрез» с ортодоксальной церковью и характеризовались усилением настроений апокалипсического характера, потерей смысла земного существования и, как следствие, снижением мотивации конструктивного социального (в первую очередь трудового) поведения.

Информация, поступающая с фронта в форме писем, в целом способствовала усилению трудовой мотивации. Вызывая такие эмоции как беспокойство за судьбы близких людей, чувство мести, ненависти к агрессору, волю к жизни, ощущение сопричастности к победам на фронте, уверенность в положительном исходе войны, письма с фронта активизировали в сознании трудящихся конструктивные поведенческие императивы.

Диалектическая взаимосвязь между получаемой человеком информацией и его конкретным поведением позволяет нам говорить о том, что человек проявлял трудовой и ратный героизм как средство защиты от врага чего-то реально *своего*. Ощущение того что «советская страна — *наша страна*» было как результатом информационно-идеологического воздействия, так и отражением в сознании трудящихся реального положения дел. Поэтому главными составляющими информационно-идеологического контроля в годы Великой Отечественной войны можно считать идею о неизбежности победы СССР

которая в самые тяжелые периоды войны постоянно поддерживалась властью на уровне веры в чудо. А также идею о необходимости защищать государство и власть как нечто неотъемлемое от понятия «Родина».

Морально-психологические факторы в целом способствовали усилению мотивации труда. В то же время, краткосрочное действие эмоции-шока имело де-мотивирующий эффект (паника, состояние аффекта, рассеяние). Но по причине продолжительности и повторяемости подобных явлений, а также под воздействием других внеэкономических факторов, эмоция-шок трансформировалась у большинства населения в конструктивный фактор мотивации труда. Это выразилось в само-мобилизации, в принятии на себя повышенных обязательств и др. Кроме того, действие эмоции-шока со временем блокировалось частичным привыканием к вызывавшим шок событиям.

Как уже говорилось, человеческая деятельность непосредственно связана с прогнозированием позитивного результата. Только высокая степень уверенности в достижении главного результата интенсивного труда — Победы — могла быть основой внутренней мотивации конструктивного трудового поведения. При отсутствии уверенности (или хотя бы надежды) в том, что труд будет иметь ожидаемый результат, трудовая деятельность не воспринимается человеком как необходимая.

Победы на фронте можно рассматривать как долгосрочный, ожидаемый работниками результат интенсивного труда. Успехи Красной Армии на фронте служили прямым подтверждением действительности и результативности самоотверженной трудоотдачи. Информация о позитивных изменениях на фронте придавала интенсивному труду характер общего вклада в дело Победы.

Фактор внешней угрозы, проявляясь в ощущении опасности, был действенным мотивационным фактором. Количество, качество и характер информации о положении на фронте воздействовали на сознание человека с характерным эффектом: отсутствие информации вызывало тревогу, сообщения об оставлении советскими войсками территорий, о поражениях Красной Армии — ощущение опасности. Такие ощущения снижали мотивацию.

Информация о победах вызывала трудовой подъем, поскольку, во-первых, снижала ощущение опасности, во-вторых, усиливала надежду на скорейшее окончание войны возвращение к мирной жизни, в-третьих, продуцировала ощущение сопричастности к общему успеху.

Воспитанные в социалистическом духе, молодые труженики тыла в основном руководствовались в своем труде общегосударственными приоритетами. Обязанность, долг - эти понятия, благодаря школьному и пионерскому воспитанию, многими воспринимались как естественные моральные и правовые характеристики трудового поведения. Ответственность за страну, за данное обязательство, торжественное обещание, клятва, чувство долга перед Родиной — эти определения, далеко не исчерпывающие понятие коммунистической морали, большинством трудящихся воспринимались как реально действующие нравственные императивы, во многом детерминирующие трудовое поведение. Именно поэтому отклонение от этих норм характеризовалось не только как опасный для обороны государства, но и общественно неприемлемый стиль поведения.

Говоря о влиянии образа И.В. Сталина на мотивацию труда в годы Великой Отечественной войны, нужно признать его конструктивный характер. Образ И.В. Сталина в период Великой Отечественной войны вызывал в восприятии трудящихся, в основном, мотивирующий эффект. Позитивное отношение к лидеру государства для большинства граждан было связано с верой в наличие у него свойств и качеств, необходимых для решения главной задачи - организации обороны и достижения победы в войне.

Главное эмоциональное переживание человека, связанное с трудностью прогнозирования, — страх неизвестности, возможного неудачного исхода войны в разной степени довлел над всеми, включая руководство страны. Только политическая воля *всех* без исключения руководителей государства на всех уровнях, желание сопротивляться, организовывать народ на борьбу *могли* направить всю разнородную совокупность эмоциональных переживаний человека в единое русло.

Очень важно заметить, что одни и те же факторы, в зависимости от особенностей психики, могли по-разному воздействовать на сознание индивида. Деструктивные с точки зрения организации обороны психические реакции и вызванное ими соответствующее поведение активно отслеживались властью и пресекались.

Поэтому можно утверждать, что взаимодействие внеэкономических факторов трудовой мотивации, прямо или косвенно контролировалось властью. Искреннее желание трудиться с повышенной отдачей было свойственно, в сущности, единицам, редко было продуктом внутренней мотивации. Исключения составляли те случаи, когда человек только самозабвенным трудом мог отомстить за родственни-

ков, погибших на фронте. Или, как отмечают некоторые исследователи, успехи в труде могли отсрочить отправку на фронт. Для большинства же граждан исключительная интенсивность труда и беспримерные масштабы трудозатрат в целом были неадекватны нормальной потребности человека в самореализации посредством труда, не обеспечивали материального достатка. Власть сумела довести до сознания трудящихся степень угрозы завоевания, сформировать потребность обезопасить себя путем выполнения трудной, часто непосильной работы на оборону.

Сложность такого управленческого решения, имевшего ценность равную ценности Победы, была связана с высокой степенью центробежного потенциала динамики массового сознания, которое находилось не только под воздействием власти, но и под воздействием слухов, страха, вражеской пропаганды, личных переживаний и т.д. Известный результат окончания войны дает возможность утверждать, что власть, в целом, смогла преодолеть существовавшую (в том числе в сознании своих представителей) центробежную тенденцию в обществе. «Духовный потенциал» 30-х годов, о котором пишет Н.Д. Козлов, был актуализирован и многократно усилен властью, что и привело к перевесу единства народного сознания, к восприятию народом *необходимости* интенсивного труда и, в конечном счете, к победе в войне. Можно говорить о том, что воля к сопротивлению передалась не «от народа к власти», а наоборот. Власть сумела сформировать сначала в своем сознании, а затем в сознании народа уверенность в безальтернативности единственно возможного направления активной гражданской деятельности - всенародной битвы с фашизмом.

Научное издание

Владимир Александрович Сомов

ПОТОМУ ЧТО БЫЛА ВОЙНА...

Внеэкономические факторы
трудовой мотивации
в годы Великой Отечественной войны
(1941-1945)

Редактор
Технический редактор
Комп. верстка

В.П. Пермичева
О.В. Ленская
Е.Я. Владимирова

Издательская лицензия № 04568 от 20 апреля 2001 г.
Полиграфическая лицензия №18-0140 от 8 октября 2001 г.

Сдано в набор 10.07.08. Подписано в печать 15.08.08.
Формат 60x84/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Уч.-изд. л. 16,8. Усл. печ. л. 13,7. Тираж 500 экз. Зак. 5311.

Издательство Волго-Вятской академии государственной службы
603950, Нижний Новгород-292, пр. Гагарина, 46
тел. 412-33-01